

Праздник в юбилейный год

В юбилейный для УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА год фестиваль МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ получился особенным. Начать нужно с того, что праздник попал в несколько календарей профильных ведомств. Для Управления по развитию физической культуры и спорта Екатеринбурга МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ – это городской спортивный праздник. Министерство по культуре и туризму Свердловской области видит его как объект событийного туризма, привлекающий на Средний Урал десятки спортсменов и сотни зрителей, болельщиков, предпринимателей. Министерству по физической культуре и спорту Свердловской области с прошлого года переданы молодежные дела, поэтому молодежно-патриотическая направленность фестиваля ему близка вдвойне.

Поскольку в этом году спелеологи и альпинисты не участвовали в Майском экстриме, в Историческом сквере преобладали водные дисциплины. А сами альпинисты и спелеологи гуляли по Плотинке или как гости, или как участники водных соревнований.

Вот для кого оказалось раздолье! В марте поступило предложение провести на городском пруду парусную регату. Как обычно на новый проект скептиков объявилось немало: и дно неизвестно, и ветры в городе – явление нечастое, да и вообще, кто в центре мегаполиса станет спускать на один день крейсерскую яхту? Но организаторы предложили вспомнить прошлый год: а кто верил тогда, что затея с рыбалкой реализуется? Тоже были сомнения: как привезти, выпустить и сохранить рыбу, что это за рыбалка в центре города, да и не получится, и никому не интересно... Но пока шли эти разговоры, дело продвигалось вперед. При поддержке Свердловского областного филиала ФГУ «Камуралрыбвод» зарыбили карпом участок реки Исеть за плотиной, и рыбалка прошла на ура!

В этом году пятница выпала на День Пограничника, поэтому на Плотинке рыбу мы встречали под надёжной охраной наших земляков-пограничников. Они же помогла её бережно выпустить из резервуара с аэратором в реку. Службы благоустройства города, несмотря на

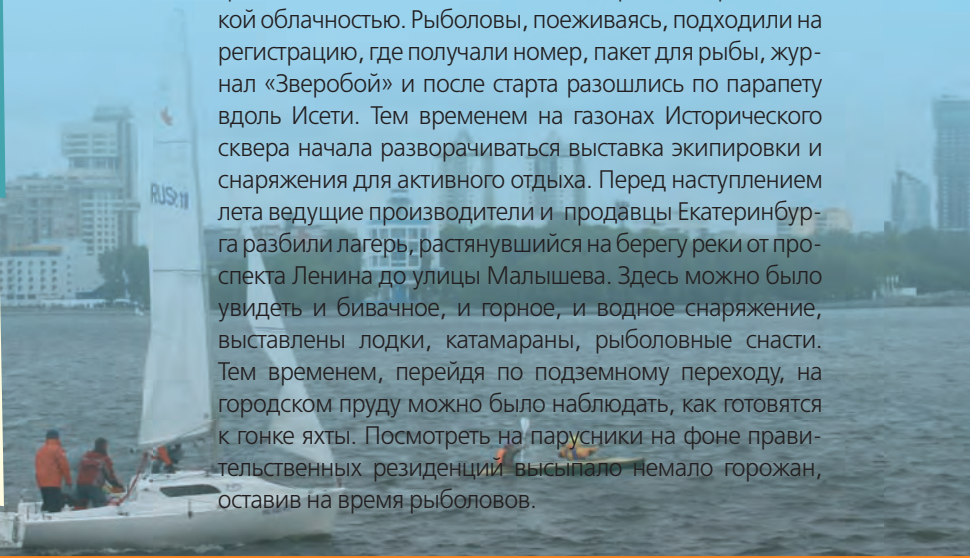

Валентин Синельников. Главный судья парусной регаты.

непростую паводковую ситуацию, ограничили сброс воды с плотины. Подпор мылышевского слива позволил в образовавшемся аквариуме задержать абorigенную и подготовленную для состязаний рыбу.

Погода 30 мая с утра выдалась по-настоящему экстремальной +4 С с шквалистым северным ветром, низкой облачностью. Рыболовы, поеживаясь, подходили на регистрацию, где получали номер, пакет для рыбы, журнал «Зверобой» и после старта разошлись по паркету вдоль Исети. Тем временем на газонах Исторического сквера начала разворачиваться выставка экипировки и снаряжения для активного отдыха. Перед наступлением лета ведущие производители и продавцы Екатеринбурга разбили лагерь, растянувшийся на берегу реки от проспекта Ленина до улицы Малышева. Здесь можно было увидеть и бивачное, и горное, и водное снаряжение, выставлены лодки, катамараны, рыболовные снасти. Тем временем, перейдя по подземному переходу, на городском пруду можно было наблюдать, как готовятся к гонке яхты. Посмотреть на парусники на фоне правительственных резиденций высыпало немало горожан, оставив на время рыболовов.

Парусная регата на городском пруду прошла впервые. Соревнования проводились в классе «микро», участие в регате приняли три яхты. Две команды выступали за Екатеринбург, одна - за Озерск, погода для гонок была самая подходящая - скорость ветра достигала в порывах 15 метров в секунду. Победителя определяли по итогам двух гонок. Периода первой пришла яхта «Масяня» с командой из Озерска. Екатеринбургская яхта «Алиса» заняла второе место, а вот третьей лодке не повезло - на втором этапе команда не справилась с ветром. Победители получили памятные Кубки, и замечательные призы от шведской фирмы «Стила»

Поймали только самые достойные, спортсмены, и это видно по протоколу... Клев был приличный от успешной прикормки и высококлассных, настроенных на результат снастей...

**Владимир Петров
Главный судья рыболовных состязаний.**

«Манарага» :: Андрей Мезюха, специалист отдела поставки

Хочется отметить зрелищность водных видов спорта, хорошего ведущего фестиваля и музыкальное обеспечение, сам видел, что рыбаки, участвующие в состязании остались довольны, в следующем году мы собираемся не только участвовать в выставке, но и обеспечить скалолазный конкурс. К выставке подготовились за один день, но, даже не смотря на это, она прошла у нас успешно. Рекламных купонов было роздано в большом количестве. Участие в этом фестивале - это очень хорошая реклама, все средства, потраченные на участие в МАЙСКОМ ЭКСТРИМЕ, оправдали себя.

«Шторм» :: Коллегов Сергей Геннадьевич, директор

В этом году была большая свобода в организации состязаний. Вездеход мне удаётся демонстрировать на многих выставках, но участие в подобных мероприятиях я очень ценю и жалю что подобных нет больше нигде, нет таких туристических больших слётов экстремалов, и хорошо что мероприятие и сама выставка проходит в такой неформальной свободной атмосфере.

Конкретно о результатах выставки сейчас ничего сказать не могу, но после поездки к вам был большой всплеск звонков.

**Клинская
леска®**
www.klinskaya.com

«ТриалСпорт» :: Селезнёв Андрей

«Майский экстрим» очень интересное, зрелищное мероприятие, которое включает в себя разнообразные экстремальные виды спорта. Мы участвуем в выставке на МАЙСКОМ ЭКСТРИМЕ уже пятый раз и не собираемся отказываться и в последующие годы.

Приехавший на выставку из Перми болотоход, дождавшись подходящего момента, продемонстрировал возможность не только беспрепятственно ездить по любому рельефу, но и, примерившись, съехал в реку. Съехал и поплыл, как колесный пароход. Приготовившиеся к проведению спасработ, катамаранчики и дежурившие здесь же сотрудники МЧС перевели дыхание, когда вездеход после заплыва добрался до парашюта и с помощью добровольцев из воды взгромоздился на гранитную набережную, а затем, переваливаясь, добрался до парковки.

Тем временем рыболовные состязания закончились, и определился победитель с уловом 7,5 килограмм. При этом самый молодой участник едва достиг 10-летнего возраста, а самый опытный перешагнул 84-летний рубеж.

Все остались довольны.

В полдень прошли соревнования по прыжкам на велосипеде в длину и в высоту. Зрители восхищенно смотрели на райдеров, которые пролетали до 5

«Рыбалка. Туризм. Отдых» :: Креницина Татьяна Игоревна, директор магазина

Первый год принимаем участие в этом фестивале. На рыболовном состязании увидели своих покупателей в качестве как участников так и зрителей.

Участвуя в выставке на МАЙСКОМ ЭКСТРИМЕ стремились больше добиться рекламных целей, и нам удалось сделать большую рекламу.

SPORT weekly
ОБЛАСТНАЯ СПОРТИВНАЯ ГАЗЕТА

 ex3m

**РЫБАКА
РЫБАКА**

 MC

 FISHING JOURNAL

 TV RU

JUST MEDIA
наши новости работают

Пип-тур :: Григорьев Антон Геннадьевич, заместитель директора:

Первый год мы выступаем в качестве участников выставки, до этого активно принимали участие в ваших мероприятиях. Майский экстрим - замечательная возможность привлечь внимание молодежи к спорту, туризму, а для тех кто уже давно увлекается видами активного отдыха, выставка снаряжения и оборудования особенно полезна и интересна.

ООО «Уральская картографическая компания» :: Дмитриенко Иван Андреевич, специалист по рекламе.

Было интересно не только как участнику выставки но и как зрителю фестиваля, аналогов такого мероприятия нет ни где в регионе, который включает в себя такое разнообразие видов активного отдыха и спорта. Очень достойный фестиваль. Основная цель участия в выставке была достигнута. Это была отличная реклама для недавно выпустившего путеводителя-ложи по реке Чусовая, который предназначен специально для сплава, рыбалки, туризма, экстрим собирает именно такую публику, увлекающуюся всем этим.

метров без касания земли. К этому времени распогодилось. Хотя северный ветер и не позволил температуре подняться выше 15, в тучах появились разрывы, в которые проглядывало солнце. Пришло время водных соревнований - приоткрыли створ Плотины, и накопленная за три дня вода лавиной хлынула в бетонные тиски берегов. Туристы водники ликовали! К постоянным участникам в этот раз добавились новые, желающие тоже показать свое умение. Школа каякинга подготовила к сезону до десятка каякеров, которые здесь же крутили всевозможнейшие кульбиты, перевороты. Прошла товарищеская встреча по конуполо - игре в мяч на воде, показав возможности виртуозного управления лодкой. В этом году на водные состязания приехали ребята из ДЮСШ города Озерска. Для них и учащихся кадетской школы провели короткую детскую гонку в поле видимости спасательных служб. Продемонстрированный уровень подготовки позволил выставить все экипажи на главный заплыв от Плотинки до парка им. Маяковского - традиционного раллийного заплыва. Добавились экипажи байдарок, и это позволило разделить по классам байдарки и каяки. Судейство водных состязаний обеспечивал турклуб УРГУ.

ВЕК :: Корбут Евгений Валерьевич, директор:

МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ - отличное мероприятие, где можно познакомиться с экстремальными видами спорта. Виды активного отдыха, проходящие на природе, здесь происходят в городской среде - это очень уникально! Это даёт отличную возможность молодежи познакомиться с видами отдыха на природе не через пиво и шашлыки а через спорт, туризм, экстрим и т. д. Это такая большая интересная туристическая туса. Мероприятие уникальное, с большими перспективами, если будут включаться новые идеи, участники, например - прокат катамаранов для всех желающих, проходящих по плотинке.

Участием в выставке мы очень довольны, удалось устроить хороший тест-драйвля всех желающих, потенциальные покупатели могли на деле опробовать водные судна. А также удалось вживую показать всё туристическое снаряжение.

После прошлогодней трагедии в майские праздники на реке Вильва Пермского края, когда перегороженное русло реки унесло жизнь нескольких туристов, незадолго до МАЙСКОГО ЭКСТРИМА была проведена тщательная разведка трассы. И, как оказалось, не зря: перед мостом по улице Белинского реку перегородила новая труба, уложенная на сваренные накрест швеллера. Настоящие противотанковые заграждения! Торчащие металлоконструкции способны изодрать надувные суда, а уходящая под трубы вода может затянуть спортсмена даже в спасжилете! Река Исеть по классификатору является классическим маршрутом 2 категории сложности. Судьи и дежурившие спасатели МЧС организовали по левому берегу обнос, вырубив прибрежный кустарник, подготовили причал. Женским и смешанным экипажам помогали. Полноценный Индустриальный экстрим! Но всё обошлось без потерь, все участники благополучно завершили гонку. Дежурившим медикам из СКОРОЙ ПОМОЩИ не пришлось распаковывать своё оборудование.

Состязания закончились при чистом безоблачном небе и утихом ветре. Участники выставки снаряжения предоставили в этом году такое количество призов, что получилось наградить победителей как в традиционных номинациях, так и в новых. Так, в этом году выделили женские и детские экипажи. Победил экипаж девчонок из Патрушей, МОЛОДЦЫ! А в детских соревнованиях, в гонках и длинной, и короткой, ребята из города Озерска забрали почти все призы. И самый молодой участник тоже приехал из Озёрска. Надеемся, что и в последующие годы они будут участвовать в МАЙСКОМ ЭКСТРИМЕ.

Из стенограммы пресс-конференции губернатора Свердловской области Александра МИШАРИНА.

Главный редактор журнала «Уральский следопыт» Максим ФИРСОВ:

– Вопрос по идеологической работе и молодёжной политике. Кроме призывной кампании и акций «Молодой гвардии», в последние годы не было слышно почти ничего.

Губернатор Свердловской области Александр МИШАРИН:

–Согласен с вами, не слышно почти ничего. И здесь нам надо существенно менять направления молодёжной политики. Мы сейчас поручили министерству по физической культуре и спорту, чтобы оно сделало крен в эту сторону – на работу с молодёжью. И отчасти министерство это уже отрабатывает, но этого мало. И с «Молодой гвардией» нам надо усиливать работу, и с другими молодёжными движениями, и со студенческими отрядами. Нужна комплексная программа. И совет по молодёжной политике при губернаторе, который сегодня преобразовывается, тоже одно из направлений реализации этой программы. Поэтому давайте вместе работать.

МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ, прошедший в год 75-летия журнала УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ, завершен. К фестивалю примыкают все новые участники, появляются новые дисциплины, выставка снаряжения и оборудования для активного отдыха под открытым небом развивается и увеличивается. Праздник получился великолепный!

ДО СЛЕДУЮЩИХ ВСТРЕЧ!

ИТОГИ СОСТЯЗАНИЙ ФЕСТИВАЛЯ «МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ» 2010

ЯХТЕННАЯ РЕГАТА, КЛАСС «МИКРО»

1 место:

Неделько А.
Анохин В.
Анохин А.

2 место:

Вербицкий А.
Гребенкин Д.
Сарычев Е.

3 место:

Барыкин М.
Полубоярцев В.

ВОДНЫЕ РАЛЛИ

Класс: каяки

1 место - Осипов Валерий Михайлович
2 место - Клинюк Станислав Александрович
3 место - Газизова Василиса Ренатовна

Класс: байдарки

1 место - Ершов Евгений Романович
Федотенков Антон Вечаславов
2 место - Ошурков Михаил Германович
Лубочников Глеб Александрович
3 место - Потапов Юрий Павлович
Никитин Денис Михайлович

Двухместные катамараны

1 место - Пылаева Евгения Викторовна
Маньковский Александр Николаевич
2 место - Саламатов Сергей Юрьевич
Швецов Павел Валерьевич
3 место - Барбаков Сергей Геннадьевич
Барбаков Никита Сергеевич

Детские экипажи двухместных катамаранов

1 место - Колмогорцев Илья Алексеевич
Скорев Вячеслав Борисович
2 место - Котов Андрей Сергеевич
Мерзляков Антон Васильевич
3 место - Марченко Георгий Андреевич
Голубева Юлия Владимировна

Четырехместные катамараны:

1 место:
Кривопишин Никита Юрьевич
Сысоев Илья Олегович
Шамагин Сергей Владимирович
Попов Алексей Валерьевич

2 место:
Эльмик Игорь Сергеевич
Хухарёв Дмитрий Валерьевич
Казаков Андрей Владимирович
Иргибаев Олег Витальевич

3 место:
Мещерянов Альберт Владим
Кременецкий Виталий Сергеевич
Черносицев Станислав Юрьевич
Мурзин Юрий Владимирович

ВЕЛОСИПЕДНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ

Прыжки в длину:

1 место - Поляков Станислав
2 место - Байдин Антон
3 место - Шепель Александр

Прыжки в высоту:

1 место - Байдин Антон
2 место - Поляков Станислав
3 место - Шепель Александр

РЫБОЛОВНЫЕ СОСТЯЗАНИЯ

1 место - Горбунов Дмитрий Валерьевич
2 место - Омеличев Евгений Николаевич
3 место - Прокопенко Константин Юрьевич

Победили в номинациях

«девушка-рыбачка» - Хорошун Татьяна Дмитриевна
«самая маленькая рыбка» - Пивоваров Даниил Дмитриевич
«самый молодой рыбак» - Новокшёнов Дмитрий Андреевич
«самый опытный рыбак» - Бунтовских Игорь Иванович

июнь 2010

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

veter@uralstalker.com

Наши проекты	«Майский экстрим».....	2 пол. обл.
Народ, живший когда-то в горах Урала		
А. СЛЕПУХИН	Рисованное железо манси.....	8
Н. БЕРДЮГИНА		
Камни Урала		
А. МАКОВЕЦКИЙ	Без имени.....	14
Маршруты «Серебряного кольца»		
Р. ЩЕГЛОВ	Дорогами железных караванов.....	18
Версия		
Л. РОКОТЯН	Уральский гамбит.....	20
Экспедиции		
И. БАХТИНА		
А. ГУСЕВ	Разные мысли на фоне тундры.....	26

АЭЛИТА

aelita@uralstalker.com

Наши проекты	АЭЛИТА-2010: широкий охват.....	32
Б. ДОЛИНГО		
Координаты чудес		
Э. КАИРОВ	Там, где светит солнце.....	34
Законы Вселенной		
Ю. ЧЕРНЫХ	Я — токсиколог.....	40

РЕКА ВРЕМЕНИ

reka@uralstalker.com

Юбилей	Дар «Следопыту» с берегов Невы.....	48
Ю. ГОРБУНОВ	«Следопыт» Вадима Очеретина.....	49
И. ОЧЕРЕТИНА		
Человек и Природа		
И. ГЕРУЛАЙТИС	Плачущие цветы фонтана «Экология».....	51
З. ПАНЬШИНА		
А. ШАТУНОВ	Григорий, который вьет гнезда.....	52
Знаменитости в Екатеринбурге		
И. ГЛАДКОВА	Умереть, чтобы жить вечно.....	54
Э. ГИЛЬМАН	Такие роли, как большая любовь.....	56
Далекое - близкое		
О. ОЖГИБЕСОВА	Весь Божий мир для встречи.....	58
Портреты		
Н. ШАРНИНА	Встречи с Верой Баевой.....	63
А. ИВАНОВА	Хроника великого тренера.....	66
День Победы		
А. КОЗЫРЕВ	Реквием российскому солдату.....	70
Легенды и были		
В. ТРУСОВ	Среднеуральские жертвенницы.....	74
Краеведческая копилка		
П. КОНОВАЛОВ	Почему в Качканаре горы — Гусевы.....	79

Лидер
 Уральского
 Турбизнеса
2007

Главный редактор — М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов — Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго

Худ. редактор, верстка — С. И. Кормильцев

Набор — В.М. Кадочникова

Корректор — Т.В. Сергеев

Ответственный секретарь — Н. Курочкина

Рекламная служба —

com@uralstalker.com

Интернет — Е. Марков

Учредитель — ООО «Уральский следопыт».

Редакция, издатель — общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет —

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет —

- Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»,
- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
- Семен Спектор, заслуженный врач России,
- Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.
- Виктор Байдуков

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620014, г. Екатеринбург, а/я 479

тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28—30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна. Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:
 - Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
 - Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
 - Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
 - Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
 - Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Алексей СЛЕПУХИН, Наталья БЕРДЮГИНА

Фото предоставлены авторами

РИСОВАННОЕ ЖЕЛЕЗО МАНСИ

У каждого этноса есть своё восприятие мира. И именно оно позволяет воплощать знания о мире в культовых предметах, которые иногда также вводят в мифологию и космогонию. Эти особенности интересны не только специалистам-этнографам, но и широкой публике, т.к. позволяют полно и ярко открыть сакральный мир каждого народа. А иногда даже отдельной его части – фратрии, а возможно, даже и более узкой, например, рода.

Народы часто заимствовали друг у друга некоторые элементы мифов, поэтому совсем не удивительно, что есть схожие моменты в восприятии и отображении «сильных мира».

Урал издавна был заселен – здесь, судя по всему, проживало множество племен. И каждое из них

оставило свой «след». Поскольку искусство плавки руд на Урале было освоено очень давно, древние мастера добивались великолепных результатов. Нам же, людям другой формации и совсем иного восприятия множества природных (и не только) аспектов, достались лишь скромные крохи от тех неведомых времен. Учёные мужи не могут рассказать нам, что за народы проживали здесь, но могут иногда показать результаты своих поисков в виде керамических и металлических украшений. Причём некоторая часть «металла» имеет совсем недавнее происхождение – эти изделия отливали в Средневековье. В нашей собственной коллекции есть и современные изделия. Их изготовили недавно, сохраняя древние каноны, но уже из другого металла, более доступного. Поскольку

древние мастера лили культовые изделия, в которые пытались вложить не только саму символику, но и какую-то историю и духовность, скажем связанную с этим божком, зверем или антропоморфным существом, то получались вещи «живые и красивые, словно разрисованные». Вот об этом «рисованном железе» и хотелось бы поговорить.

НЕБОЛЬШОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В МУЗЕЙНЫЙ МИР

В музеях Свердловской области сохранилось не так много коллекций, в которых есть «рисованное железо» одного из финно-угорских народов – вогулов, или манси. Народ этот перенял от своих предшественников – уральских племён – значительную часть культуры, внеся и свои элементы.

На Урале лили металл с давних времён. Естественно, что были и мастерские, создававшие целый спектр украшений для манси. Затем изделия распространялись по всей территории, обменивались, дарились, приносились в жертву идолам, складывались в могильники. Украшений изготавливалось множество; мастерами перенимались друг у друга новшества. И вот уже на рубеже эпох появляется «пермский звериный стиль».

Об этом феномене культовой пластики написано множество работ, научных и популярных. Но гораздо интереснее самому познакомиться, поддержать в руке, а, возможно, даже надеть на себя. Поверьте, многие вещи так и приковывают к себе изяществом и оригинальностью. Давайте совершим небольшую экскурсию в один из музеев, в котором есть оригинальные образцы «рисованного железа» манси.

Такая коллекция есть в Североуральском городском краеведческом музее. Она небольшая, но очень любопытная. Некоторые вещи попали из деревни Няксимволь, что раскинулась на берегу Северной Сосьвы – древней мансийской территории. С ними связана почти детективная история, но об этом в следующий раз. Другая часть коллекции имеет местное происхождение.

Среди музейных раритетов есть «Черёмуховский идол», найденный на скальных останцах неподалёку от посёлка Черёмухово во время раскопок сотрудниками Научно-практического центра по охране и использованию памятников культуры Свердловской области. Скалы до сих пор величественно возвышаются над старицей, напоминая, что эта территория некогда была запретной – сюда был ограничен доступ для простых людей.

Местные называют её Чёртовым Городищем, что, впрочем, совсем неудивительно, т.к. культура и в особенности культовое восприятие другого, ранее жившего, народа часто воспринималось как «от чёрта», то есть недостойное для настоящей веры. Культовый комплекс, найденный археологами, оказался очень любопытным, т.к. позволил не только «приобрести» материальную культуру, но и приоткрыть завесу тайны устрой-

ства святилища мансийского шамана. Некогда на одной из обследованных скал, столообразной по форме, располагалось культовое место вогульского волхва. Именно здесь и был найден «Черёмуховский идол». Идол расколот на две части. Поначалу была найдена одна половинка, а затем и другая. Когда найденные археологические находки поступили в музей, первое время никто из со-

трудников не пробовал их соотнести друг с другом. Но однажды, по рассказу бывшего директора музея Светланы Ивановны Литосовой, пластинки соединили, и получился настоящий идол.

По версии исследователей, идол не случайно был расколот. Возможно, когда-то давно его владелец рассердился и переломил помощника за то, что тот не выполнил его просьбу.

Идол представляет собой узкий литой культовый предмет, потемневший от времени, длиной около 21 см и шириной в 2,5 см. На одном конце пластины мастером изображена птица, по-видимому, филин или сова, на другом – два человека, или раздвоенное антропоморфное существо.

Попав в хранилище музея, идол начал шалить. Как рассказывала Светлана Ивановна, то сигнализа-

ция отключится, то ещё чего приключится. Затем директор забрала его к себе на стол, и результат не замедлил проявиться – в музее воцарился покой и порядок.

Нам довелось подержать идола в руке. Узкая пластинка произвела на нас впечатление – чем-то незнакомым и неуловимым повеяло от него. Идол продолжает жить своей жизнью, правда, в музее больше «не хулиганит» – видимо, оценив любовь и заботу, подружился с хозяевами.

Сотрудники Североуральского музея гордятся ещё одним предметом – медвежьим бронзовым браслетом. Согнутая по руке пластина удивительно легко и приятно надевается на запястье. Снимать её совсем не хочется. Широкий – до 5 см браслет загнут, но не сомкнут. Остаётся выверенное пространство для запястья, с которого он легко соскальзывает. На загнутых концах браслета изображены головы «хозяина» (манси не называли медведя впрямую, давая ему иносказательные имена). Мишкина голова изображена в ритуальной позе на уровне передних лап, как обычно манси укладывали добытого медведя. Для нас осознание, что эту вещь надевал некогда древний вогул, веровавший в особую роль лесного великана, особенно важно, т.к. браслет хоть и бытовой предмет, к тому же «штамповка», а всё ж таки изготавливался по специальным канонам и не был простой «дешевкой». В музей браслет попал

от одного из жителей, нашедшего его на собственном огороде. Других данных нет.

Кроме этого в музее есть пряжки, личины, фигурки лосих и других животных. За каждой из них стоит своя история, только пока неизвестная. И хотя фигурки разрозненны, поступили не сразу, к тому же из разных мест, и не могут дать исчерпывающую информацию – всё же их наличие в музее радует!

В нашей собственной коллекции тоже есть рисованное железо. Найдки разные и имеют различное происхождение. Что-то нам передают, дарят, узнав о том, что мы собираем мансийский музей, а иные предметы мы вынуждены покупать. Одними из самых молодых экспонатов являются три фигурки лосих, изготовленных совсем не из бронзы, а из олова. Звери имеют разные размеры и повёрнуты в одну сторону. Видимо, современный мастер не имел другого материала и изго-

товил из того, что было доступно. Эти предметы – дар одного из исследователей мира манси, внимательно наблюдающего за нашими успехами.

И хотя эти фигурки лосих отличаются от средневековых не только материалом, но и отсутствием «рисунка», для нас они лишнее доказательство, что данный культ жив и поныне, что и было зафиксировано нами во время последней мансийской экспедиции. Один из охотников рассказал, что если его преследуют неудачи на охоте, то он отливает фигурку лося. А иногда даже в эту фигурку впаивает монетку из приношений пупыngu (идолу). Он верит, что охотничья удача его не минует – идол будет помогать!

Но, в большинстве случаев, артефакты не могут рассказать о том, кому принадлежали эти вещи; что было сложено в захоронение или располагалось на культовом месте;

какова их примерная датировка; какими были ритуалы при захоронении владельца – все вопросы навсегда остались без ответов, т.к. «сожжены» мосты между нашим и тем древним миром.

ЗАКОН РАДИ ЗАКОНА

Мы совершили короткую экскурсию по музейным коллекциям, в которых чудом удалось собрать экспонаты, олицетворяющие мир манси и их «цивилизацию на болотах». У каждого из них своя судьба. Это и случайные находки, и результаты планомерных изысканий археологов. В последнем случае нам достаются довольно объективные исследования и результаты. По ним можно судить об исчезнувшем мире манси, их культах и бытовых пристрастиях.

Но существует другой мир – мир любителей. Этот мир слегка завуалирован, но имеет чёткие черты. Давайте зайдём в Интернет, и там... оказывается, существуют целые сообщества, обсуждающие, консультирующие, а также продающие массу артефактов. Это так называемая «копанина», т.е. то, что успевают накопить «вольные стрелки». Среди всего разнообразия есть, конечно же, простые и распространённые вещи, а есть и уникальные, порой в единичном исполнении.

Продаются находки, разные по происхождению и времени испол-

нения. Но, поскольку мы ведём разговор о вогулах (финно-угры), то и стоит присмотреться именно к их изделиям. Мы довольно пристально наблюдаем за тем, что продаётся и выменивается. Занятны и обсуждения найденных предметов. По некоторым суждениям мы делаем вывод, что иные «черные копатели» имеют историческое образование, а значит, умышленно и осознанно нарушают закон. Кстати, о законе.

В Российской Федерации ещё в 1996 году были приняты поправки в Уголовный кодекс (статья 243) «Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры». Позволю процитировать его:

1. Уничтожение или повреждение памятников истории, куль-

туры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность, – наказываются штрафом в размере от двухсот до пятисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до пяти месяцев либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. Те же деяния, совершенные в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значения, – наказываются штрафом в размере от семисот до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от семи месяцев до одного года либо лишением свободы на срок до пяти лет.

По сути дела возникает занятная ситуация: закон есть, но его выполнять особенно никто не спешит. Все прекрасно понимают, что нарушается федеральный закон, исчезают сотнями интереснейшие объекты, которые могли пролить свет на удивительный культовый мир манси, «растворяется» среди любителей и коллекционеров огромная масса интереснейших находок, практически убивается всё то, что невозможно или очень трудно продать на чёрном рынке. Туда поступают, в основном,

ценные вещи – металлопластика, т.е. литьё. Парадоксальность ситуации заключается в том, что все понимают, но никто ничего делать по сохранности не будет. Лишь изредка в стране появляется прецедент наказания за нарушения закона. Но это так, редкость...

Прискорбно то, что научному миру безразлична судьба разграбленных и разрушенных памятников. Да, плохо, что грабят. Но это и вся реакция. Единственные, кто достаточно болезненно реагирует на происходящее – это музеи. Но остановить нарастающую волну незаконных исследований они не в состоянии. А между тем на Северном Урале (как в Приуралье, на Урале, так и в Зауралье) идут массовые разграбления.

Наша исследовательская группа искренне «болеет» за несколько мансийских «объектов», которые археологи либо бросили и не докапывают из-за отсутствия финансирования, либо исследуют настолько медленно, что так называемые «чёрные археологи» успевают сделать за них все дела. С одной стороны, мы заинтересованы предотвратить эти разграбления, объясняя местному населению ценность этих находок не по отдельности, а в комплексе, с другой, понимаем, что лишняя информация об этих исторических местах действительно будет лишней.

Очень хочется добиться того, чтобы находки не исчезали, а передавались в музеи, где люди

могли бы увидеть настоящую красоту и изменить своё мнение о народах, живших в «каменном веке». А апогеем этого движения, конечно, стали бы походы, экскурсии и рассказы об уникальных объектах и людях, создавших «цивилизацию на болотах».

Алексей Слепухин, путешественник, врач, действительный член Русского Географического Общества, директор Команды Искателей Приключений

Наталья Бердюгина, врач, действительный член Русского Географического Общества, заместитель директора Команды Искателей Приключений

Муниципальный краеведческий музей г. Североуральска

Адрес: 624480, Свердловская область, г. Североуральск, главпочтамт, а/я 95

Телефон: +7 (34310) 2-2874

Александр МАКОВЕЦКИЙ

Фото предоставлены автором

Без имени

Закружило на Урале, завьюжило.

Январь взялся за дело неожиданно круто, и уже к Рождеству снега намело так, что у нерадивых хозяев трещал на крышах шифер. Небольшую покосившуюся избу на северной окраине Южаковой засыпало снегом по самые окна, и выглядела она смешно и нелепо, как забытый кем-то инопланетный корабль.

Жилой дух выдавали только струйка сизого дыма из печной трубы да тонкая, натоптанная от крыльца, дорожка среди исполинских сугробов.

Хозяин, высокий коренастый мужчина, появился в деревне давно, лет десять назад, заняв брошенное и полусгнившее подворье. С его обстоятельной, кержацкой наружностью никак не вязались широкое скуластое лицо и голубые, по-детски наивные глаза. Куда бы он ни шёл, всюду по пятам вприпрыжку бежала кошка: грязная, всклокоченная, но довольная собой и жизнью. Кошку звали Василиса. По утрам на всю деревню раздавался громкий бас:

– Василиса, домой! Ты жива ещё, скотина?

Кошка в любые холода ночевала на улице, следуя каким-то своим странным кошачьим принципам.

Имени хозяина избы не знал никто.

На подобные вопросы он всегда хмурился и замыкался, однажды отрезав: не ты имя давал, не тебе и спрашивать! Семён, признанный деревенский староста, только покрутил пальцем у виска, но с расспросами больше не лез.

Называли его просто – Костыль. Прозвище приклеилось намертво: то ли из-за врождённой хромоты, то ли из-за любимой, повторяемой постоянно фразы: однако костылять отсель надобно...

Маковецкий Александр Владимирович родился в 1977 году в г. Реж Свердловской области. Учился в Уральской государственной горно-геологической академии. Это вторая публикация Александра в журнале «Уральский следопыт».

Сайт автора: www.hitnic.ru

Костыль любил камень. Но любовь его была странная: иногда, найдя хрустальную галю, он мог подолгу сидеть возле крыльца, задумчиво перекачивая её в крепких ладонях и вглядываясь на просвет в матовую поверхность, а иногда пропивал случайный фарт в одночасье, даже не успев отмыть образец от глины, выменивая его в Центральном на бутылку белой.

Деревенские, привыкшие к тяжёлой работе, посмеивались: Костыль, идя за камнем, никогда не брал с собой лопату. Кайло да небольшая отвёртка были единственным орудием добычи.

Халявщиком Костыль не был, зарабатывая на жизнь не только скудными находками в старых отвалах, но и помогая односельчанам в уборке урожая, строительстве, любой грязной работе. А вот лопатой махать не умел и брал камень исключительно сверху, часами лёжа на боку в старом штреке или на отвале, лениво ковыряя его отвёрткой. Особенно любил он аметисты. Густо-фиолетовые с Ватихи и Тальяна, ярко-розовые с Озерного или серые адуйские – они навсегда завладели его сердцем, заставляя возвращаться на эти копи снова и снова. Не чурался он и новых мест, особенно если были они недалеко от деревни.

Обладал Костыль одним замечательным и редким качеством – умел слушать. Не жадный от природы, он мог поднести стаканчик любому, кто был готов рассказать про камни, бытие горщиков или поведать байки, доставшиеся в наследство от предков. Раньше-то в Южаковой в каждом дворе камнями занимались: кто добывал, кто гранил, кто скупал да на ярмарки ездил... Много историй осталось.

Так случилось и в тот раз. Дед Матвей, колоритный забулдыга, не упустил случая опохмелиться, подкатив к Костылю в селпо, и горячо зашептал на ухо, коверкая слова:

– Слышь, чо расскажу, горник... Мне Фёкла Степановна из Бызово давеча повестила про копь одну... У её сына там корова ноги переломала в прошлом году... Знамо дело – копь-то богатая была! Пряма в куче, где бурёнка копытом прошлась, камешок выпал приятственный. Ну, да ты такие Никифору наемни предлагал. В Сарафаннице взял которые-то...

Костыль, до этого момента слушавший прохожу вполуха, вдруг встрепенулся, заёрзал от предчувствия удачи, седьмым чутьём хитника определив: правда!

Взяв две поллитры, он повёл Матвея домой. До утра лился рассказ, и чем прозрачнее становилось в холодной избе, чем больше наливалось в стаканы и чем меньше плескалось в банке прошлогодних солёных огурцов, тем отчётливее проявлялась в красном углу фигура девочки, сулящая, по словам бессвязно бормочущего Матвея, единственно – фарт.

Утром Костыль лежал на кровати в ватниках, лениво наблюдая за Василисой, доедающей с тарелки вчерашний огурец, и размышлял. По всему выхо-

дило, что копи эти были известные всему населению Южаковой «ямы», как просто называли их те, кто разрабатывал колхозную землю в двух вёрстах к северо-востоку от деревни.

Заросшие соснами, сглаженные временем холмы никогда не притягивали тех, кто занимался камнями серьёзно, не посещал их и Костыль, отправляясь в очередной раз по старым местам и справедливо полагая синицу лучше журавля. Но сегодня всё предстало в другом свете: близость к дому, отсутствие любопытных глаз и разбуженная Матвеем надежда на редкую удачу заставили его с кряхтением и стонами подняться.

Костыль взял топор и побрёл на ямы, утопая по пояс в снегу, изредка падая в сугробы и отдыхая. Василиса сидела на плече и, ошалев то ли от холода, то ли от сивушного запаха, орала на весь лес непристойные звуки, пытаясь разодрать хлипкую телогрейку.

Ямы Костыль нашёл быстро, хотя под снегом определить, что отвал, а что – старая выработка, оказалось непросто. Весь день до позднего вечера он чистил площадку на приглянувшемся месте, рубил сухары, драл бересту, стаскивал всё в кучи. Когда солнце закатилось окончательно, он чиркнул спичкой, и высокое пламя осветило сосны в угасшем, как свечка, январском дне.

Утро следующего дня встретило метелью и собачьим, даже по меркам Среднего Урала, холодом. Костыль деловито и не спеша собрался: кайло, лом, две лопаты. Он чувствовал странный прилив сил: улыбка не сходила с его лица, и он напевал что-то игривое, запихивая в старый рюкзак нехитрую снедь.

Уютно гудела печь, жадно доедая последние утренние поленья, плескалась в стакане налитая «на два пальца» водка, что-то пел за окном январский ветер. И только Василиса не находила себе места: металась из угла в угол, душераздирающе орала и даже пыталась укубить хозяина за ногу. В эту ночь она первый раз за свою кошачью жизнь ночевала дома, наотрез отказавшись выходить в сени, когда Костыль привычно распахнул для этого дверь.

В конце концов, это метание ему надоело, и он взял сыромятный ремешок, привязав Василису на длинный поводок к комоду. «Так-то отутовеет, поди, до вечера», – подумал Костыль, а вслух сказал: «Нечо тебе на ямах в такую погоду околачиваться, дом сторожи!» – и пошёл к выходу, закинув на спину непривычно тяжёлый рюкзак. Возле двери уже обернулся и вздрогнул: в углу с ремешком на тонкой шее стояла девочка, бессильно опустив хрупкие плечи. Костыль помотал головой, встряхнулся – «фу ты, привидится же!», – подумал он и, помахав шубинкой замершей у комода Василисе, вышел.

Прогорели сухары качественно – на месте дровяной кучи виднелась только горсть угля да проглядывали сквозь тонкую снежную поволоку чёрные перья биотита на красном, отгоревшем полево шпате. Пожог был сделан так грамотно, так по месту, что человек со стороны мог заподозрить в Костыле настоящего горщика, достойного преемника канувшим в лета прадедам.

Между нагромождением ям и отвалов немного читалась только одна выработка, узкая и длинная траншея, на северном простирании которой и выбрал место для пожога хитник, конечно же, случайно.

Костыль достал лопату, вспомнив удивлённый взгляд Семёна, попавшегося утром навстречу.

«Ничего, они про меня ещё много не знают», – думал Костыль, вколачивая штык в уже подмёрзшую сверху глину, – они ещё увидят настоящий камень, когда я его шапками таскать буду». Действительно, чем глубже уходил хитник, тем интереснее становилась порода в отвале: красноватый полево шпат с кусками тёмного полупрозрачного кварца, отдельные кристаллы мусковита... Костыль махал то кайлом, то лопатой без перерывов уже три часа, положив по обе стороны наметившейся жилы невысокие дымящиеся от пожога отвалы. Он работал в одной косоверотке, несмотря на лютый холод, пот катился градом. Откуда взялись силы? Этого не смог бы объяснить, наверное, никто.

Спустя полтора метра кайло зазвенело, попав в монолит. Костыль зачистил копь, выровнял стенки. Сел, затянувшись сигаретой, шумно дыша и матерясь через каждую затяжку.

Он смаковал табак минут десять, мысленно примеряясь к непростой, а главное, непривычной задаче – разбору пегматита. Благо ещё, что вмещающие породы были разрушенным в дресву гнейсом пополам с глиной, и можно было надеяться на взятие монолита от тощака.

...Сколько прошло времени в кропотливой и тяжёлой работе, одному Господу известно: у каждого за таким занятием оно летит по-разному. Но видно было, как поднимается выше отвал, принимая на себя великолепные пегматиты со слюдой, большие блоки сливного кварца и укрупнившийся к середине жилы полево шпат.

Долгожданный час наступил уже вечером, в ранних по зимнему времени сумерках.

Очередная каменная плита неожиданно легко поддавалась монтировке и пошла вверх с упоительным чавканьем, обозначив собой просторную горловину занорыша.

Костыль, забыв всё, что читал ранее о таких случаях, запустил обе руки в тёплую, жирную глину, которая заполняла собой всё пространство жилы. Вытащив первую горсть, хитник зажмурился. Трясущимися руками он разминал глину между пальцами и откладывал в сторону небольшие каменные комочки. Один из особенно больших камней медленно протёр рукавом рубахи и... остолбенел. Блестящая грань ярко вспыхнула густым фиолетовым цветом, настолько глубоким, что виденные им до этого момента кристаллы потеряли разом всю ценность. Он как замороженный смотрел, не в силах оторваться долго, очень долго, пока на грани, как в зеркале, не увидел своё лицо. Отражение было настолько пустым, настолько нелепым в сравнении с красотой камня, что Костыль отшатнулся, выпустив кристалл из ладоней.

Тряхнув несколько раз головой, он поднял аметист и вскрикнул. Этот крик больше походил на вопль раненого животного: аметист на глазах терял свою окраску. Он обесцветился в считанные минуты, и только скипетровидная форма кристалла выдавала в нём когда-то великолепный самоцвет. Костыль медленно присел и начал лихорадочно протирать вытасценные камни. Все они были идеально прозрачны, но абсолютно бесцветны. Он тихо завыл и в иступлении принялся выгребать глину из занорыша. Он копал ладонями, ломая ногти и ранив об острые грани пальцы, но выбранные аметисты сразу тускнели, и только попавшая с раненых рук кровь делала их отдалённо похожими на совершенство природы, которое Костыль видел несколько минут назад. Хитник скулил, как собака, выбрасывая из занорыша новые порции драгоценного материала, и плакал.

А наверху, на самом гребешке отвала, сидела девочка в простом ярко-красном платице и печально смотрела в спину обезумевшему от горя Костылю. Она лепила снежки и бросала их в горку с прекрасными образцами, постепенно засыпав их совсем.

Через час карман был пуст. Костыль медленно встал, ногой спихнул кристаллы обратно в занорыш и, поша-

тываясь, побрёл в сторону Сарапулки, петляя по белому насту, как раненый заяц.

Хватились его к концу недели, когда поняли, что дорожка у избы не расчищается вовсе. В основательно выстуженном доме односельчане нашли только початую бутылку водки да кожаный ремешок, привязанный к комоду. Ничего не оставил после себя Костыль: ни родственников, ни хозяйства, ни кошки.

А девочку в красном платье с тех пор на аметистовых копях иногда видят. Сначала за Хозяйку принимали, да потом быстро разобрались: где она появится, жди беды. То ли ссора какая случится меж компаньонами, то ли крепь обрушится, а то и до смерти дойти может. На Артемьевой вон, по осени, воду пустила, слышал: залила верховую копь в момент, ни один насос не справился.

А в яме той, что Костыль бил, больше камень никто не взял, сколько ни пробовали. Полная копь ладных кварцев, и всё, как отрезало.

Костыля недолго вспоминали: был человек и сгинул, ни следочка после себя не оставил.

Копь ту, к слову, Безымянной теперь кличут. Третья она уже по счёту в Полосе.

Догадываетесь, почему?

Минералогический музей г. Реж

Адрес: Свердловская область, г. Реж, Советская улица, 34

Телефон: +7 (34364) 2-48-39

Руслан ЩЕГЛОВ

Фестиваль-сплав «Большая вода»

Дорогами железных караванов

В майские праздники на реке Чусовая впервые прошел фестиваль-сплав «Большая вода». Его по праву можно назвать международным: вместе с другими участниками по воде сплавлялись дипломаты из США, Китая, Чехии, почетного консульства Монголии, представители Финляндии, Голландии, Великобритании.

Организаторы «Большой воды» преследовали цель привлечь внимание иностранных туроператоров

и инвесторов к Свердловской области и к реке Чусовой как к привлекательному объекту для въездного туризма. Водный туризм дает возможность исследовать сельскую местность на берегах реки, познакомиться с укладом жизни в деревнях, многие из которых связаны с историей освоения русским населением Урала.

Всплеск интереса к водному туризму и сплавам на Чусовой пришелся на 60-е годы XX века, на времена

Фото: Ван Пэн Бо. На фото консул Чехии Ян Крс и Генеральный консул США Тимоти Сэндаски

Фото: Светлана Николаева

бардов, оттепели и романтики. На праздник «Большой воды» съезжались любители водных путешествий со всего Советского Союза. Сотни судов самого разного класса шли вниз по Чусовой от станции Коуровка до самой Перми. Организаторы фестиваля – продюсерский центр «RUS-ACTION» – стараются возродить дух «Большой воды».

Нынешний фестиваль-сплав начался с посещения Староуткинского завода, построенного 250 лет назад. Завод был остановлен в 2006 году и сейчас представляет собой жалкое зрелище: рухнувшая кровля, выбитые стекла кирпичных цехов, ржавая башня доменной печи по прозвищу Самовар, которую местные жители пилят на металлолом. Недалеко пересохший пруд, который во времена сплава «железных караванов» наполнялся водой, и место, где стояли наполненные железом и другими товарами барки.

Дипломаты побывали в старейшем центре горного дела отечественной и мировой металлургии – Нижнем Тагиле. С нижнетагильских заводов по Чусовой отправлялась продукция со знаменитым клеймом «Старый соболь». Иностранцы увидели коллекцию шедевров мирового индустриального наследия – старинную горную технику возле музея-заповедника «Горнозаводской Урал», побывали с экскурсией в нижнетагильском заводе-музее и посетили мемориал, посвященный павшим металлургам в годы Великой Отечественной войны.

Из поселка Уралец, от границы Европы и Азии, иностранные участники «Большой воды» отправились в поселок Усть-Утка – одно из первых поселений Московского государства на Уральском хребте. Усть-Утка была отправным пунктом для «железных караванов»,

на которых перевозили знаменитый Демидовский металл марки «Старый соболь» из Нижнего Тагила до Санкт-Петербурга.

Под торжественный и раскатистый звон колокола караван лодок и катамаранов отплыл в Екву. Во время пути участники фестиваля-сплава проплыли мимо нескольких достопримечательностей: камень Красный, камень Желтый, получившие свои названия из-за преобладающего цвета растущих на них лишайников, деревня Харенки, навесной мост, памятник Акинфию Демидову.

Впрочем, и тем, кто остался в Усть-Утке, хватило впечатлений. Дух захватывало только от мыслей, в каком историческом месте ты находишься. Вот здесь сотни лет назад сплавлялись знаменитые «железные караваны», а вон там затерялась вогульская деревушка, помнящая еще Емельяна Пугачева!

В рамках фестиваля-сплава «Большая вода» участники, гости и местные жители смогли увидеть кино про историю Урала, приняли участие в спортивных состязаниях, экскурсиях по окрестностям, ярмарке, чествовании «железных караванов» возле памятника «народному единству».

Вечером команды «европейцев» и «азиатов» соревновались, у кого самые вкусные, красивые и необычные пельмени. По мнению участников фестиваля «Большая вода» безоговорочная победа досталась генеральному консульству КНР. Кстати, консул КНР госпожа Ян Шуин впервые побывала в русской бане и пришла в восторг от пихтовых веников.

Фестиваль-сплав «Большая вода» будет ежегодным. Планируется увеличение маршрута до Пермского края и насыщение различными культурными мероприятиями.

Леонид РОКОТЯН

Уральский гамбит

Об истории с группой Игоря Дятлова я узнал в 90-х годах из популярного журнала «Техника – Молодёжи».

В рубрике «Антология таинственных случаев» довольно подробно описывалась эта таинственная трагедия, связанная с обычным туристическим походом. И этой таинственности в гибели ребят под горой Холат-Сяхль в феврале 1959-го не убавилось спустя даже много лет.

Напротив, за все прошедшие десятилетия гибель туристов из УПИ обросла невероятным количеством по-разному истолкованных вариантов. Не стану подробно все их здесь перечислять, все они были подробно описаны в книге Анны Матвеевой «Перевал Дятлова» и на страницах «Уральского следопыта», целиком посвящённого Дятловцам (№ 1 за 2009 г.).

Я тоже попытался найти решение этой загадки, но, ознакомившись с материалами уголовного дела, свидетельскими показаниями поисковиков, просмотрев сотни фотографий и отработав два сезона на месте трагедии в составе поисковой экспедиции, я, как говорится, «выпал в осадок». Не получалось построить ни одной правдоподобной версии, основанием для которой были бы сухие строчки уголовного дела, воспоминания поисковиков и новые находки, добытые в районе гибели группы. Фак-

ты, с помощью которых строилась одна версия – начисто разрушали другую, построенную на них же. Запутанной картины я не встречал.

Этот бесконечный мозговой штурм проблемы в лоб продолжался бы ещё долго, если бы Юрий Ефимович Юдин (десятый из группы Дятлова) не ознакомил меня со своим анализом характера травм погибших туристов. Эта небольшая таблица, заполненная аккуратными строчками, была плодом многолетней кропотливой работы человека, посвятившего всю свою жизнь расследованию загадки гибели своих друзей. В ней чётко и лаконично перечислялись выдержки из протоколов вскрытия трупов погибших и те моменты из показаний и воспоминаний поисковиков, которые не вошли в дело. Подтверждалась ранее высказанная многими версия о насильственной смерти туристов. Многие другие факты и косвенные улики тоже «работали» на эту версию. Но кто же тогда им помог умереть? Беглые эзки? Охотники за беглыми? Чёрные старатели? Не похоже. Почему? Потому что здесь довольно странное для такого рода криминальных преступлений отсутствие огнестрельных и ножевых ранений. Ценности и вещи группы остались в целости и сохранности. Девушки не тро-

Версия

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

нуты. И ещё. С большой долей уверенности можно сказать, что за прошедшие после трагедии десятилетия кто-то из них (вероятных виновников) либо проболтался бы, либо их просто сдали бы свои. А скорее всего при том громадном внимании общества к этой истории их просто бы вычислили. Да и картина произошедшего на перевале должна была быть не сколько иной. Тут было что-то не так.

Чтобы стало ясно, что заставило меня впоследствии сделать свой несколько парадоксальный вывод из всей информации о дятловской трагедии, надо вернуться к озвученной не раз версии «зачистки» спецслужбами в ходе ракетных испытаний. Для этого приведу часть статьи Д.В. Тиунова в «Уральском Следопыте» (№1 за 2009 г.), касающейся этого вопроса.

Цитирую: «целью подобной зачистки была бы имитация самой естественной гибели туристов, а не получение загадочной ситуации, которая не позволяет забыть трагедию вот уже на протяжении пяти десятилетий. Именно поэтому можно быть уверенным, что **при проведении реальной зачистки ни у одного поисковика не возникло бы даже тени сомнения в естественности трагедии**» (выделено мной. – Р. Л.). Качество выполнения такой «работы» было бы идеальным!

Даже в случае любых «проколов» до начала поисково-спасательных работ у спецслужб оставался бы огромный запас времени, чтобы успеть несколько раз переделать все «декорации». В конце концов, если бы при «зачистке» возникли какие-нибудь сложности, группа Дятлова могла бы просто «заблудиться и бесследно исчезнуть»...

Замечу, это довольно чёткая формулировка действий спецслужб любой страны мира по обеспечению секретности любых мероприятий, связанных с обороной. Это законы выживания государства, которое действительно считает себя сильным. И может поступить с частью своих граждан так, как посчитает нужным, исходя из интересов всей страны.

Так почему же в феврале 59-го всё произошло так, как произошло?

Допустим, ребята стали невольными свидетелями испытаний секретного оружия или ракетной техники. Тогда по логике вещей и по практике того сурового времени они должны были исчезнуть бесследно. Тайга большая, группа могла просто заблудиться и погибнуть. Через пару лет бесплодных поисков и дезинформации не только родственники

пропавших, но и сами инсценировщики поверили бы в правдивость этой версии. А там исполнители сгинули бы в каком-нибудь небольшом конфликте. Тем более так случилось бы в случае воздействия на ребят поражающих факторов испытанного оружия или аварии ракеты. Это уже точно не должно было всплыть. Но погибшие остались на месте. И никуда не исчезли со всеми своими травмами. А если бы они не были поражены никаким оружием, не отравлены ракетным топливом, не травмированы упавшей ступенью ракеты?

Тогда вернее всего их просто бы вывезли из района испытаний живыми, продержали пару недель в закрытой зоне и отпустили по добру-по здорову. Ребята образованные, сознательные, сами будущие и действующие специалисты оборонных «ящиков» – зачем убивать? Хорошая остротка, подписка о неразглашении, и гуляй на все четыре стороны. Кровожадность наших спецслужб при данных обстоятельствах сильно завышена. Тут всё равно имеет место принцип целесообразности и разумной достаточности.

Ведь никакая степень секретности испытания военной техники не оправдала бы той волны внимания к трагедии, которая поднялась в обществе. Вскоре даже радио Би-Би-Си начало трубить о том, что под Свердловском уничтожили группу туристов ради секретности испытаний нового оружия. Я уже не говорю о том невероятном количестве слухов и версий, наводнивших тогда Свердловск. Особенно упорно гуляли в народе слухи и свидетельства о светящихся шарах. Их в то время не видел только лишь слепой. Даже сейчас, кроме свидетельств тех, кто видел их во время поисков, я встречал людей, видевших эти шары чуть ли не в районе Свердловска. Это ли надо спецслужбам при обеспечении режима секретности «мероприятия»?

Так кто же так топорно сработал, сделав столько «проколов»? А может не всё так просто и кто-то специально инсценировал и запутал на перевале всё так, чтобы не сложилось ни одной правдоподобной версии, а главное – чтобы было как можно больше шума и пугающих народ слухов на протяжении долгого времени. Тем более, распространить подобные слухи и свидетельства – не проблема в нашем тогдашнем обществе. И именно такой конечный результат этой истории и нужен был?

Так и возникла основа версии об инсценировке «зачистки».

Не могу с уверенностью утверждать (нет документальных подтверждений), но многое в этой истории сходится именно к этому. Кому-то нужен был большой шум и огласка. Для чего? Это уже второй вопрос.

Рокотян Леонид Николаевич родился в 1971 г. Сотрудник аэропорта, по профессии промальпинист, поисковик со стажем, в составе экспедиционной команды занимается расследованием обстоятельств гибели группы Дятлова.

Шелепин Александр Николаевич,
председатель КГБ в 1958 - 1961 гг.

БЛЕФ

Это было напряжённое время. Вопрос о том, кто кого, стоял жизненно остро. Это мы сейчас гордимся Юрием Гагариным, мощным ядерным щитом, а тогда это всё только создавалось. Американцы в

59-м имели большой перевес в ядерном оружии и средствах его доставки на территорию СССР. Военные базы сил НАТО плотным кольцом окружали нашу страну. И угроза бомбардировки территории СССР нашими теперешними друзьями была явлением почти реальным (кто помоложе – посмотрите кадры Хиросимы и Нагасаки).

Никита Сергеевич прекрасно понимал, что шансов догнать Америку по мощности вооружений мало. Её надо было запугать, показать ей какую-нибудь «кузькину мать». Наряду с ядерными испытаниями мы экспериментировали и с термоядом. Испытывали водородную бомбу в Семипалатинске, готовили полигон на Новой Земле. Нужно было создать ещё что-то такое, что заставило бы Пентагон слегка пересмотреть свои грандиозные планы и малость струхнуть. И определённые усилия в этом направлении вполне могли быть воплощены не только в производство реальных боеголовок, но и в создание блефа о создании нового сверхоружия.

Прямая дезинформация, поступившая в ЦРУ, о святающихся летающих шарах в особой зоне, какой и является Урал – это для янки шок, а для нас то, что надо. Русские на Урале затевают что-то непонятное. Термоядерные испытания это ещё куда ни шло, американцы и сами этим баловались, но непонятное – это слишком. Тут ещё февраль 59-го, русские (по информации ЦРУ) уничтожают свидетелей (или пострадавших) испытания новой военной технологии. Вполне понятно, что в Пентагоне определённые круги «стояли на ушах».

Вершина Холат-Сяхыл, вид с Перевала Дятлова

U-2. Фото ВВС США

Даже не копаясь в секретных и не очень архивах военного и разведывательного ведомств Америки, можно легко представить последующий шаг янки – и он был сделан.

«ЛОКХИД» U-2

Яркой демонстрацией превосходства США в области вооружений в 50-х годах были полёты U-2. Самолёт-разведчик, созданный корпорацией «Локхид», обладающий отличными техническими характеристиками и оснащённый новейшей фотоаппаратурой и электроникой, он безнаказанно летал над территорией СССР и снимал всё, что хотел. Секретные военные предприятия, полигоны, «закрытые города» – всё раскрывалось на пути его полёта. Все данные затем быстро передавались в ЦРУ и Пентагон. Наши истребители и ракетчики бессильны были ему помешать, не хватало практического потолка (высоты полёта) – у специально сконструированного U-2 он был значительно больше. По свидетельству наших лётчиков-истребителей их МИГи на пределе возможностей забирались почти в стратосферу, идя на перехват нарушителя нашего воздушного пространства, и вот он, в нескольких километрах над ними в бездонной синеве. Но никак не получалось его достать огнём бортового вооружения. Пилоты от бессилия скрипели зубами и сваливались в

штопор на предельной высоте, а как скрипели зубами у нас в Кремле – можно только представить. Каждый такой полёт – очередная «плюха» и нашей авиации, и ракетчикам, и лично Генеральному Секретарю. Эту наглую демонстрацию превосходства надо было прекратить любой ценой. Лихорадочно модернизировались перехватчики, создавались новые зенитно-ракетные комплексы. Особенно делали ставку на последнее, из-за симпатии Никиты Сергеевича и их эффективности в данном случае. Главное, чтобы U-2 в своём следующем блистательном полёте прошёл точно над местом базирования новых зенитных установок. Потому что высота полёта их ракет была почти тютелька в тютельку с рабочей высотой полёта U-2. Тут чистая геометрия. Нужно было лишь подсунуть ЦРУ приманку для нового маршрута, от которой оно не смогло бы отказаться.

ГАМБИТ

И Пентагон с ЦРУ сделали этот шаг – следующий маршрут полёта самолёта-разведчика совпадал с пожеланиями наших зенитчиков.

Пакистан – Семипалатинский полигон – Свердловск – Северный Урал – Новая Земля – Норвегия.

Свердловская область – сердце оборонного комплекса СССР, а на её севере происходит что-то

непонятное, и получается, что Фрэнсис Пауэрс никак не мог пролететь мимо Свердловска на этот раз. Не выяснив, что же там происходит, США рисковали получить «плюху» уже от нас. Все эти загадочные шары, уничтожение группы свидетелей – всё это не рвирует, знаете ли...

И ещё. К моей версии меня подтолкнула своеобразная исповедь следователя Иванова, который вёл уголовное дело по Дятловцам в 1959-м. В 90-х накануне смерти он написал своеобразное признание, что причиной гибели группы стало НЛО. Не хочу никаким образом умалить память покойного, отмечу лишь, что из уст сотрудника прокуратуры это звучит странно. Фантазёров там никогда не держали, как и романтиков. Остаётся лишь один вывод – он повторил внушённую когда-то дезу о рукотворном НЛО. Может, чисто машинально, может быть – не имел права даже перед смертью намекнуть на путь к истине. Или он догадывался, что любая трактовка событий всё равно приведёт к тому же результату, т.е. ничего не изменит в уже состоявшейся Большой Игре.

Теперь можно просуммировать всё написанное ранее. Итак...

Осень 1958-го – весна 1959-го. В районе Северного Урала наблюдаются множественные полёты светящихся шаров. Это очень похоже на испытания новой техники.

ЗРК С-75 «Двина» в стационарном исполнении

Февраль 1959-го. Гибнет группа туристов – по информации ЦРУ от зачистки. Это даёт дополнительный толчок ЦРУ для прокладки следующего маршрута самолёта-разведчика U-2.

Зима 1960-го. Развёртывание в районе Свердловска дивизиона новейших зенитно-ракетных комплексов С-75. Третьего после Москвы и Ленинграда. Милости просим, господин Пауэрс.

Май 1960-го. На высоте 20 км в районе Свердловска U-2 попадает под удар зенитной батареи ракетных войск ПВО.

Ловушка захлопнулась. Гамбит разыгран до конца. Отдать малое, чтобы выиграть большее. Малое – это десять жизней. Одна – это пилот перехватчика, сбитого своей же ракетой недалеко от U-2. А девять жизней – это те молодые, жизнерадостные ребята, которые оказались в нужном месте и в нужное время.

Большее – это сбитый U-2, который уже никогда не посягнёт на наше воздушное пространство, это сохранённая секретность оборонных предприятий, которые он не успел сфотографировать, это испытанный в реальных боевых условиях новейший ракетный комплекс. А главное, американцы так и не смогли понять, какую «кузькину мать» мы там испытывали – это на долгие годы охладило пыл «ястребам» из Пентагона и заставило их поменять военные планы в отношении СССР.

Поисковики у палатки «дятловцев». Фото из уголовного дела.

ЭПИЛОГ

Так это происходило на самом деле или по-другому, пока можно только гадать. Было ли это заранее запланированное уничтожение группы туристов, или идея спонтанно родилась в чьей-то голове и была выполнена «по ходу действия», сейчас уже вряд ли можно проверить. Подобное могло произойти и с группой Согрина из того же УПИ, ушедшей на Приполярный Урал в это же время, и с любой другой группой. Возможно, «губители» шли за Дятловцами по пятам. Или они знали об их маршруте и ждали их на подходе к горе Холат-Сяхль. Следы этой группы ещё предстоит найти на месте преступления. Некоторые находки уже сделаны и ждут экспертизы. Смогут ли архивы помочь в работе над этой версией? Наверняка в этом случае не осталось никаких прямо говорящих об этом документов. А если они и есть? Одно лишь «но» в этом случае – это не какая-нибудь устаревшая военная технология и не катастрофа на стартовой ракетной площадке с массовым сгоранием солдат. Подобные секреты и события давно рассекретили, потому что они ничьи интересы сильно не задевают. Но если Дят-

ловцы стали разменной фигурой в Большой Игре – это уже другой случай. Тут никакие сроки давности засекреченной информации роли не играют. Другой расклад. Это может открыться только лет через сто (если есть чему открываться), когда это уже точно никого не будет волновать. Ещё копаются на своих ранчо старички, которые тогда «повелись» на эту нашу приманку и пропустили «плюху» с Пауэрсом. Да и у нас, возможно, живы ещё «авторы и исполнители идеи». Так что ворошить прошлое сейчас, с их точки зрения, вряд ли целесообразно. Слишком скандальная история, возможно, с ещё более глубокими корнями. В истории уже бывали подобные случаи, когда громкие трагедии, казалось бы, расследованные вдоль и поперёк, так и оставались нераскрытыми. И пока только лишь косвенные документы и свидетельства ещё не найденных людей могут или подтвердить версию об Уральском гамбите, либо навести исследователей на новый след...

Р. С. Версия об Уральском гамбите не подтверждена документально и является лишь аналитической выкладкой произошедшего в мире во второй половине 20-го века.

Ирина БАХТИНА
Фото: Александр ГУСЕВ

Разные мысли на фоне тундры

...Раз, два, три, четыре! ...Восемь, я – девять. Поехали! Размеренно и чинно группа идет все дальше и дальше на север. Уже миновали Ходату, полюбовались на ледники, полетали на буксировщиках по необъятным просторам Малого Щучьего озера, под ногами Кара. Интересно наблюдать за лицами спутников. Все о чем-то думают:

...снег в этом году рыхлый и волокуша тормозная, правда, на спусках постоянно подрезать старается...

...шеф сказала, что сегодня «день ледового побоища». Что бы это значило? Толпа, по-моему, предпочла увидеть в этом добрый знак. И все же, что она имела ввиду...

...виды вокруг с каждым днем становятся все живописнее – хребты, реки, озера. Думаю, у каждого останутся в душе надолго, когда еще сюда вернемся (шеф клянется, что скоро!).

...мальчики и девочки, с крыльями и без, в трудный час решения, в важный час выбирайте тундру среди всех чудес, и вы не пожалеете – уверяю вас...

...а лед на Чудском озере провалился именно 5 апреля. Мы, конечно, не провалимся, а рыцарей нам не жалко. Широка тундра, а отступать некуда. Своей земли не отдадим ни пяди, хоть лыжи и намочим...

...пластиковые лыжи это хорошо, спасают. Им все равно, какой снег. Вляпались даже в воду, и хоть бы хны. Ира с дядей Вовой мажут свои лыжи всем, что есть в рюкзаках – помогает мало...

...скоро домой, честно говоря, не хочется...

...почему-то тяжело идет с утра, еще целый переход до обеда. Не мешало бы барбариской закинуться. Подремлю, пока обед варят. Грибы вчера в гречневой каше были просто супер!

...с утра -24, а сейчас солнце палит дуриком, по-моему, начинаю обгорать. А наледи какие красивые, все в перышках...

...подумаешь, погода хорошая, навигатор все равно включать надо. Забурились непонятно куда. Все белое и одинаковое. Дурная голова шефа – беда для ног его подчиненных...

...перевал какой-то нескончаемый. Интересно, кто это лыжу упустил. Вершина справа почти альпийская...

...только бы ветер, как вчера, направление не поменял. Словно сквозь стену продирались...

...ночь была мокрая. Сверху постоянно капало. Но зато утро было просто – Чудо!!! И парашюты наконец-то опробовали. Хорошо!!!

...завтра планируется восхождение, а сегодня экватор, доктор взял обязательство сварить грог...

...выйду в поле с кружкой кофе – далеко меня видать...

...куропатки наглые, зайцы толстые и нахальные, куда бедному туристу податься...

...ночевали-то мы, оказывается не на Б.Каре, а на ее притоке. Скандал!!! Идем все почему-то вверх? Отдыхать будем или как?

...пора «парашютистов» отлавливать, а то обедать сегодня не будем...

...никогда еще так быстро не бегали!

...никогда еще так медленно не ходили!

...вон та россомаха, это вчерашняя и позавчерашняя или совсем другая...

...при боковом ветре летается тоже неплохо...

...любите ли вы тундру, как люблю ее я? Вот только у виска крутить не надо.

Мысль о том, что севернее Приполярного Урала есть еще и Полярный Урал, появилась в наших головах как-то исподволь, но у всех одновременно. Мысль эта настолько прочно обосновалась в сознании, что, когда решался вопрос о планах на

зиму 2008 года, альтернативы не было, только Полярный. Потом были летний поход-2009, и снова зимний-2010.

Первая встреча с тундрой сопровождалась шок и ломкой стереотипов.

В представлении большинства моих знакомых тундра это ровное бесконечное поле, летом заросшее ягелем, зимой покрытое снегом. Кто-то читал Джека Лондона, кто-то слышал песню про поезд «Воркута – Ленинград». «Что вы там забыли? Там же ничего нет». Есть! И много чего! И горы, и холмы, и реки, и озера, и, конечно же, бесконечное поле. Вот чего там действительно нет, так это леса, и привыкнуть к этому достаточно сложно. Я часто ловила себя на мысли, что воспринимаю весь пройденный путь как затянувшийся траверс и постоянно жду и надеюсь, что вот-вот, и мы начнем спускаться к границе леса. А в лесу нет ветра и много-много дров. Потом оказалось, что по лесу скучали все и тихо радовались любому, даже самому чахлому кусту.

Погода в Заполярье может измениться моментально. Впервые мы столкнулись с ее выкрутасами в марте 2008 года в самом начале маршрута. Два дня в абсолютном молоке при сильном встречном ветре. Во время второй ночевки сменилось направление ветра, и ветрозащитная стенка толщиной полметра рухнула, сломав дугу каркаса палатки и печку. На третий день температура воздуха поднялась до +15. Часто лыжи и волокуши «ширкали» по голой земле. Еще через день началась пурга. Пуржило целую неделю. Потом температура упала до -25, и до конца похода было очень холодно.

Ветер заставляет особо внимательно относиться к снаряжению, потому что уносит все, что не привязано, не пристегнуто, не прижато или каким-либо другим способом не зафиксировано – коврики, варежки, упаковочные мешки.

Еще на три недели оказываешься привязанным к волокуше. Отношение к ней меняется в зависимости от поверхности, по которой идешь. В большинстве случаев саночки серьезно облегчают жизнь. В рюкзаке можно оставить только спальный мешок и личные вещи, все остальное перегрузить в сани. Если под ногами фирн, и заструги не очень мощные, и волокуша ни за что не цепляется, она фактически никаких проблем не доставляет. Главное, уходя со стоянки, не забыть прицепить тяги к поясу. Проблемы возникают только на спусках, наши верные спутницы пытаются обогнать своих хозяев, подрезая лыжню, или просто бьют под колени. Но если снега много... А в этом году его много.

Очки – сверхобязательный элемент снаряжения в зимней тундре. Их надевают, выходя утром из палатки, и снимают только вечером в палатке. Снимать днем, даже на несколько минут, не рекомендуется, независимо от того, светит яркое солнце или небо затянуто облаками, особенно при сильном встречном ветре.

Отсутствие леса порождает ряд не только психологических, но и организационных проблем. В лес-

ной зоне многие противоречия разрешаются проще, чем в тундре. Участники не мозолят целый день напролет друг другу глаза. Есть лыжня, и по ней на расстоянии 1 – 2 км растягивается группа. Кто-то идет быстрее, кто-то медленнее, из лыжни никто не выпадет, не потеряется. В тундре группа обязана идти плотно, с минимальным разрывом. Причем это правило обязательно соблюдается в любых погодных условиях. Кого-то приходится сдерживать, кого-то ждать. Появляются недовольные как с той, так и с другой стороны. На протяжении одного похода представление о группе и участниках может измениться несколько раз. Самое ценное качество участника – это терпимость и уважение к чужому мнению, каким бы абсурдным оно ни казалось, к возможностям и способностям идущих рядом, а также готовность подчиниться решению лидера, оставляя все споры и критику на потом. Отдаю себе отчет, как мне повезло со своей командой. Ситуация достаточно не типичная. Одно дело, когда группу ведет здоровый крепкий мужик. Он всегда впереди «на белом коне», молодые участники стремятся ему подражать и т.д. и т.п. Другое дело – женщина, которая чаще всего совсем не впереди, да еще со своей пресловутой женской логикой.

Большинство групп, путешествующих по тундре, продолжают брать с собой печку, поскольку постоянно возникает необходимость сушки вещей. И не только потому, что часто идет снег и на реках уже трещит лед. Просто воздух очень влажный. Чем ближе к океану, тем конкретней ощущение сырости. Влажная одежда, обувь, спальный мешок. Поэтому минимум треть объема волокуш занимают дрова, припасенные еще в населенке. Чтобы не отсырели спальники, приходится шить на них специальные конденсаторные мешки или использовать в этой роли старые тонкие спальники. Во время обеда «памперсы» вывешивают сушиться на ветру.

Еще одна далеко не смешная проблема. Особенно зимой. Только в тундре, судорожно выгребая из штанов наметенный туда снег, начинаешь понимать, что незамысловатая будочка деревенского нужника предел твоих мечтаний на данный момент. Уединиться невозможно. Ни деревца, ни кустика, ни овражка. К

В КАРАГАЙСКОМ БОРУ!

ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫЙ РАЙОН
МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА «КАРАГАЙСКИЙ БОР»
БАССЕЙН 25 м
САУНА
ТУРЕЦКАЯ БАНЯ
КОМИССИЯ ТУР - АГЕНСТВАМ УВЕЛИЧИНА!

СТЕПНОЙ КЛИМАТ + СОСНОВЫЙ ВОЗДУХ

СУТКИ С ЛЕЧЕНИЕМ от 900 р.

ОТДЫХ от 600 р.

ЛЮКС БЕЗ ЛЕЧЕНИЯ от 1000 р.

СКИДКИ для ДЕТЕЙ до 40%

ПРОКАТ СПОРТ-ИНВЕНТАРЯ

ПУТЕВКИ ВЫХОДНОГО ДНЯ от 660 р./сут.

ПРОФИЛЬНОЕ ЛЕЧЕНИЕ

СКИДКИ 10% ПЕНСИОНЕРАМ И БЮДЖЕТНИКАМ

Лиц. ФСНЗ № 9901-000-771
 Цены даны на дату публикации

(35143)
 2-37-01,
 8-351-900-78-01
 Челябинская обл.
 Верхне-Уральский р.
 Санаторий
 «Карагайский бор»

(351)
 260-25-87
 г. Челябинск,
 ул. Цвиллинга,
 51а, оф. 311

этому нужно привыкнуть. Природа более милостиво отнеслась к сильной части человечества. Дамам приходится ловить момент или временно становиться менее стыдливими.

Песню про Ходату слышали все или почти все. Озеро до сих пор на месте, их даже два: Большое и Малое. Место суровое, но потрясающе красивое. Метеостанции нет уже давно. Очень жаль. В 2008 году встреченные нами в верховьях Большой Пайпуды казанские туристы рассказывали, что в районе бывшей метеостанции местные власти организовали хозяйство по разведению овцебыков. В тот раз наш путь лежал через перевал Обручева. И экзотических животных мы так и не увидели. Не увидели мы их и в следующем году летом. Спустившись с перевала Иган, лицезрели только три разрушающихся домика, остов от вездехода, туалет без дверей и полное отсутствие вышепоименованных овцебыков. В этот раз мы снова шли через Ходату. Ночевали в одном из домиков, разместив нашу десяти-местную палатку на втором этаже.

Зайцы и куропатки в немалом количестве. Если я это количество озвучу - все начнут понимающе улыбаться – охотничьи байки. Нашего брата совсем не боятся. Смотрят на нас даже с некоторым высокомерием. Прошлым летом мы сидели на склоне под вершиной с поэтическим названием Пендирмапе и ждали, когда мимо пастухи прогонят стадо оленей. В трех метрах от нас на камушке расположился со всеми удобствами весьма внушительных размеров заяц. Так мы и соседствовали, не предъявляя никаких претензий друг другу, пока не попали в поле зрения (или нюха) пастушьих собак. Зайцу пришлось удалиться. Летом встречная фауна намного разнообразнее, чем зимой, в большей степени за счет птиц и рыб. Количество выловленного и съеденного хариуса тоже не буду озвучивать, дабы не вводить никого в искушение обозвать меня бессовестной врушей.

Вот уже несколько дней нас преследует россомаха. Каждое утро в радиусе десяти метров вокруг палатки обнаруживаются россомашьи следы, ближе она не подходила. Правда, мы не уверены, что это был один и тот же зверь.

В апреле этого года тундра к нам гораздо милосерднее. Дни стояли солнечные, поэтому было тепло, температура воздуха поднималась до +10, хотя ночи были холодные до -24. Часто дул попутный ветер, что позволяло использовать буксировщики. Часть группы умудрялась эксплуатировать даже боковой ветер. У меня неоднозначное отношение к буксировщикам. С одной стороны – использование парашюта позволяет преодолевать более продолжительные расстояния. Сам процесс полета вызывает бешеный восторг. Однако благоприятные факторы «полета» совпадают редко. Или сила ветра превышает наши способности и возможности, или рельеф под лыжами весьма травмоопасен. Управлять буксировщиком не просто, он очень часто выходит из повиновения. Но может быть, что все это только мои женские страхи. Все же остальные (восемь мужиков) от самого молодого до

самого солидного использовали любую, даже самую малейшую возможность покататься.

В этот раз, кажется, и ветер докучал нам не так, как в позапрошлом году. Может быть, потому, что обеденное время мы стали проводить с большим комфортом. Ранее, даже в лесных походах, мы не готовили горячий обед, жаль было светового времени, уж очень короток зимний день. Обходились перекусами и чаем из термоса. Эту практику перенесли и в тундру. Тем более что на ветру особо не засидишься. Однако апрельский день в Заполярье безразмерный. И вняв настоятельному совету старших товарищей из команды «Север», стали использовать в организации обеда нашу большую полярную палатку. Ставится она достаточно быстро. На приготовление обеда и сам обед обычно уходило два часа. Пока дежурный колдовал над горелками и котлами, группа с великой пользой проводила время - спала.

Группа спала, а я радовалась: как же мне повезло с командой, с каждым из них. Я бы, наверное, многого на свете не увидела и не пережила, если бы не они: дядя Вова, Олег, Миша, Антон, Евгений, Андрей, Лешка, Саша.

В следующем году нас ждет океан.

«Аэлита» 2010: широкий охват

С 19 по 22 мая 2009 года в Екатеринбурге прошёл 27-й Европейско-Азиатский фестиваль (конвент) фантастики «Аэлита».

Фестиваль «Аэлита» способствует поддержанию и развитию положительного имиджа Екатеринбурга, Свердловской области и всего Уральского региона. Это мероприятие, родившееся в 1981 году при редакции журнала «Уральский Следопыт», является одним из крупнейших культурных событий региона с интересными традициями и богатой историей. Лауреатами главной премии фестиваля

в разные годы становились выдающиеся писатели – братья Аркадий и Борис Стругацкие, Владислав Крапивин, Кир Булычёв, Сергей Лукьяненко, Василий Головачёв.

Соорганизатором фестиваля третий год выступает Уральский Государственный университет им. А.М. Горького. Поддержку фестивалю «Аэлита» оказывали также МУ «Столица Урала», Управление культуры Администрации города, журнал «Уральский Следопыт», типография «Уральский рабочий», компания «Трилайн» и гостиница «Большой Урал».

В 2010 году лауреатами почти всех премий фестиваля стала «команда» из Санкт-Петербурга, оформившая своеобразный «питерский десант» на берега Исети.

Главную премию «Аэлита» за вклад в развитие русскоязычной фантастики по итогам голосования Всероссийского жюри получил российский писатель и переводчик, один из наиболее заметных современных авторов, работающих в области литературной и философской фантастики и, к тому же, один из наиболее заметных представителей турбореализма, **Андрей Лазарчук**.

Кроме того, почётными гостями фестиваля и одновременно лауреатами других премий стали: премия им. Е.А. Ефремова – **Николай Романецкий** (ответственный секретарь журнала Бориса Стругацкого «Полдень. 21 век»), премия им. В.И. Бугрова – **Александр Сидорович** (главный редактор издательства «Лениздат»). А вот премию «Старт» за лучшую дебютную книгу получил молодой писатель из Владивостока **Илья Тё** (Владивосток). Таким образом, можно сказать, что премии фестиваля «Аэлита-2010» обеспечили «максимально широкий охват» представителей литературной фантастики от крайних восточных до западных пределов нашей Родины. Отсутствовал лишь иностранный гость – к сожалению, ограниченный бюджет этого года не позволил пригласить никого из выдающихся зарубежных фантастов.

Тем не менее, программа конвента получилась вряд ли менее насыщенной, чем в прошлые годы. Уже 19 мая, в первый день, обычно отводимый лишь для заезда гостей и процедуры Открытия фестиваля, состоялась встреча с Андреем Лазарчуком, автором многих книг в жанре альтернативной истории, на тему «Фантастика социальной прогностики».

На Открытии фестиваля вечером 19 мая, которое в отличие от прошлых лет не носило титула «торжественное», состоялось общение гостей и участников фестиваля «Аэлита» в формате конференции. Говорилось о пути, пройденном с далёкого 1981 года, о проблемах фестиваля «Аэлита» и возможных путях его развития. Председатель оргкомитета Борис Долинго рассказал о сложностях в решении оргвопросов, и о планах развития конвента. Гости и участники фестиваля обменялись мнениями, позволили сделать много интересных выводов. На будущий год старейшей в стране премии «Аэлита» за литературные достижения писателей в жанре «фантастика» исполняется 30 лет, и то, с чем организаторы фестиваля подойдут к этой юбилейной дате, во много определится эффективностью работы оргкомитета.

20 мая фестиваль традиционно открылся пресс-конференцией в

пресс-центре «ИТАР-ТАСС-Урал», где помимо организаторов фестиваля и лауреата главной премии присутствовал директор компании «NAG», одного из спонсоров «Аэлиты-2010», совместно с которым оргкомитет анонсировал новый конкурс фантастических рассказов на темы, посвящённые IT-технологиям.

С успехом прошла встреча главного редактора издательства «Лениздат» Александра Сидоровича с молодыми авторами и всеми, кто интересуется возможностями и проблемами современных издательств фантастической литературы. Завершился день всенепременной автограф-сессией в книжном супермаркете «100 000 книг» на улице Тургенева. Кроме писателей – лауреатов фестиваля, на это мероприятии присутствовали и екатеринбургские писатели-фантасты.

В последний официальный день работы фестиваля прошёл семинар молодых авторов, посвящённый итогам конкурса короткого рассказа, проводимого на фестивале «Аэлита» с 2005 года. Семинар-встреча с ответственным

секретарём журнала «Полдень. 21 век» собрал людей, интересующихся проблемами и задачами, стоящими перед современными художественными периодическими изданиями. Кульминацией 21 мая стало Торжественная процедура награждения лауреатов премий фестиваля.

Неофициальная часть конвента в субботу 22 мая по многолетней традиции началась с посещения Широкореченского кладбища, где возлагаются цветы на могилы выдающихся деятелей Уральской фантастики, сотрудников редакции журнала «Уральский Следопыт». Виталия Ивановича Бугрова и Игоря Георгиевича Халымбаджи. Затем гости посетили границу Европы и Азии на 17 километре Московского тракта, где прошёл ежегодный «Пикник на обочине» с вручением старинной шуточной премии «Аэлитр».

Главным итогом фестиваля «Аэлиты» в мае 2010 года стало решение об объединении с молодым «Фестивалем фантастики и фэнтези» (фестиваль «Ф-3»), проходившем в Екатеринбурге в первый раз в октябре

2009. Объединённый оргкомитет уже вынашивает серьёзные планы по развитию мероприятия, в числе которых – намерения создать при обновлённом фестивале «Аэлита» серию электронных книг «Аэлита», организовать проведение новых литературных конкурсов и даже учредить в Екатеринбурге международный фестиваль фантастического кино с одноимённым названием.

Сбудутся все эти планы или нет – покажет будущее, но уже нынешнего года в Екатеринбурге добавляется ещё одно культурное событие по брэндом «Аэлита» фестиваль начнёт проводиться на двух «площадках» и в двух временных точках. «Классический» литературный фестиваль останется на май, а в октябре в ЦК «Урал» состоится фестиваль «Аэлита-ФЗ», где главный упор делается на компьютерные и ролевые игры, анимэ, манга, историческую реконструкцию и кинематограф.

Фестиваль «Аэлита» расширяет охват обширного культурного пространства, объединяемого ёмким словом – «фантастика».

Там, где светит солнце

– Расскажи мне о том, что там за горизонтом, Ганбайн? – Якоб Архитектор прищурился. Солнце в зените разило безжалостно, и сейчас в башне обозрения от него не было никакого спасения.

Остров Якоба шел по прямому курсу на солнце, и это не было удивительно. Когда в океане не видно других ориентиров, и безбрежная даль голубых вод сливается с безоблачно голубым небом в некую странную сферу, где не различить верх и низ и конца которой не увидишь в самую сильную трубу, только солнце остается последним ориентиром. Компас его острова был давно сломан, что добавляло еще один веский аргумент в пользу этого курса. «Сломан твой компас – бери курс на солнце!», – таково было негласное правило жителей блуждающих островов.

– Расскажи мне, Ганбайн? – медленно прошеле-стел Якоб, откинувшись на кресле.

Ганбайн – черный ворон, иногда посещавший его остров, нахохлился и поудобнее устроился на сломанном компасе. Один глаз его был закрыт, второй же, казалось, совсем не моргал, уставившись в одну точку.

– Говорят, что много лет назад, – начал он скрипучим старческим голосом. – Много, много лет назад, люди жили на одном материке вместе, и не было блуждающих островов, и бездна воды не лежала между ними. Это было счастливое, очень счастливое время! Но однажды два брата пошли на охоту. Они шли вместе, и пришли к излучине реки и разделились. Братья оказались по разные стороны реки. Они периодически углублялись в лес, но возвращались, чтобы не потерять друг друга. Когда они решили, что взяли достаточно добычи, первый брат крикнул второму:

– Брат! Переплыви на мою сторону, и пойдем домой вместе, – за ворона произнес улыбнувшийся Якоб.

– Да, – подтвердил Ганбайн. – Но второй брат отвечал: «Почему я должен плыть к тебе? Плыви ты ко мне!»

– Они спорили до хрипоты, – продолжил хозяин острова. – И разгневалось небо, и раскололо землю. Так вода стала вечно разделять людей.

Его внимание привлекло движение на краю горизонта. Волна? Нет, показалось. Надо всегда быть бдительным и остерегаться течений этого океана. Попав в него, не так просто выйти.

– Ганбайн, – проворчал Якоб. – Ты всегда рассказываешь мне эту историю! Я спрашивал, что там за горизонтом? Что нового в океане и на его островах?

– Я всегда сначала рассказываю тебе эту легенду, и ты никогда меня не останавливаешь! – спокойно отвечал хитрый ворон.

Якоб только промолчал, поскольку крыть было нечем: птица всегда могла распознать его желания.

Кажется, солнце немного ослабило свой жар. Или он просто привык? Навигационная рубка была достаточно пыльной. Надо бы прибрать, но у него не доходили руки, или просто не было желания? В конце концов, что такое грязь для хозяина острова, который выполняет все его явные и неявные пожелания? Якоб отвлекся на висящую на стене картину, где художник изобразил эту легенду. Материк, где нет вод и все люди вместе.

– Якоб, Якоб, – скрипучий голос Ганбайна вывел его из грез.

– Да, – он повернулся в его сторону.

– Ты хотел услышать последние новости, – напомнила птица.

– Конечно, я слушаю, – человек облокотился на ручку кресла.

– Амир Астроном, изучая небо, выявил новые особенности возникновения течений, – сообщил Ганбайн.

– Это замечательно! – улыбнулся Якоб. – Я помню Амира, он отличный исследователь. Обсерватория, которой он заполнил свой остров, великолепна, и его исследования для меня много значат. Это надо учесть Ганбайн.

– Да это особенно актуально, если учесть, что остров Аррадо Библиотекаря недавно попал в мощное течение.

– Это ужасно, – вздохнул Якоб. – Бррр. Прямо дрожь по коже. Нет ничего хуже, чем попасть в течение. Нанесет остров на камень или риф, и все. Выбраться из него очень сложно, но я буду надеяться на Аррадо.

Каиров Эльдар Анварович родился в 1989 году в городе Каменске-Уральском. Окончил в 2008 году Каменск-Уральский политехнический колледж. В настоящее время – студент второго курса исторического факультета УрГУ. Писать начал с 2009 года. Это его первая публикация в печатном издании.

– Но есть и радостная новость: Сезар Кузнец и Инесс Добродетельная построили мост! – сообщил Ганбайн с таким гордым видом, словно он сам помогал его строить.

– Блестяще, – хлопнул в ладоши Якоб. – Мост – это всегда великолепно!

И в самом деле, в бескрайнем океане построить мост между движущимися островами являлось очень непростой задачей. На обоих островах должен подойти ландшафт, должны быть материалы для моста и желание строить этот мост, но самым главным было не это. Для того чтобы мост был создан, компасы двух островов должны были показывать в одном направлении, иначе затея будет бессмысленной. Какие бы не были условия для постройки и желание людей, направление движения их островов должно быть общим.

По этой причине настоящие хорошие мосты являлись редкостью, было в какой то мере удивительно, что они вообще существовали. Острова существуют, пока существуют их хозяева, мосты же... Впрочем, никто не знает точно, сколько в среднем живут мосты.

– Однако есть еще одна неприятная новость, – прервал его радость ворон. – Говорят, на севере появился некий Исмаил Ган – Разрушитель Островов.

– Разрушитель Островов? – лицо Якоба выражало крайнюю степень непонимания. – Что значит Разрушитель Островов?

– Он объявил себя спасителем и сказал, что призван возродить материк. Исмаил Ган захватил несколько островов.

– Что значит «захватил несколько островов»? Как остров можно захватить?! Ступить на чужой остров можно только с разрешения хозяина, да и то это великая честь.

– Я знаю, – согласился ворон. – У него на острове есть оружие: катапульты и баллисты. Сначала он атакует чужой остров ими, затем цепляет его к своему особыми канатами. И постепенно его остров поглощает другой, а бывший владелец становится его придатком.

– Ты говоришь мне страшные и непонятные вещи, Ганбайн, – поехался Якоб. – Это больше походит на какую то страшную сказку.

– Увы, это не сказка, – отрицательно покачал клювом он. – Тебе стоит опасаться его, Якоб.

– Хорошо, – кивнул он. – Пожалуй, я пройдусь.

Якоб бросил последний взгляд на картину с материком и пошел вниз.

На острове аромат океана ощущался не очень сильно: сказывались огромные стены по периметру, которые вкупе со скалистым и полностью отвесным берегом полностью закрывали остров от остального мира. Попастъ на остров можно было только через маленькую бухту, при условии, что хозяин решит открыть весьма массивные ворота. Облик острова отражал желания своего господина: он не хотел видеть гостей.

Массивные крепостные стены не были случайны: они полностью отражали титул Якоба – Архитектор. Сейчас Якоб находился в северной части острова, около башни обозрения. Эта башня была его гордостью. Каждый житель островов обладал особым зданием для обзора и управления островом, но никто не владел такой высокой башней, как Якоб. Огромная, высотой 80 метров, сложенная из серого под цвет стен кирпича башня возвышалась над океаном. Купол был сделан из чистого стекла, что делало вид из навигационной комнаты непередаваемым.

В противоположном конце острова стояли уже упомянутые ворота. Между севером и югом и было то, чем Якоб заполнил свой остров. Дорожка тянулась по траве ровными синими плитами в сторону спортивной площадки. Эта площадка была сделана под влиянием Гуго Неукротимого. Их острова встретились уже очень давно, и какое то время им было по пути. Гуго был один из первых допущенных на остров, помнится, его страшно возмутил внешний вид Якоба.

– Творческая душа и тело должно быть под стать! – так вроде он говорил.

На этой площадке было проведено много часов досуга и тренировок. В конце концов, их курсы разошлись, но площадка осталась, как след от Гуго на его острове.

Начав с пробежки, Якоб перешел к комплексу силовых упражнений. Хоть он и не хотел признавать, но рассказ Ганбайна его напугал. Разрушитель Островов? Неужели в океане настали беспокойные времена?

Закончив упражнения, он пошел дальше. Беседка Мелодий встретила его приветственным переливом. Сегодня Якоб начал с мелодии Пробуждения. Он всегда, проходя через веранду, слушал хотя бы одну мелодию. Привычка от Аурелии Солнечной. Их острова были вместе совсем недолго, но свой след, как и Гуго, она тоже оставила.

Якоб все ближе подходил к цели своей прогулки. Главным его увлечением, тем, чем он заполнял свой остров, были скульптуры. Его правильней было бы называть скульптором, чем архитектором. Он создавал статую каждого человека, которого встречал в этом океане, стремясь передать то, чем он ему запомнился. Сейчас он шел по своему Саду Статуй. Вот Кром Умный, Гийом Росчерк, Лора Счетовод. А вот этот парень. Как же его? Нет, забыл. Некоторые статуи уже начали покрываться трещинами: время напоминало о своем присутствии.

Пройдя Сад, он подошел к своей святыне: к своему Храму. Это был просто Храм, маленький Храм. Один этаж, четыре стены и маленький купол со статуей странного зверя наверху. Стены были украшены узорами и изображениями животных. Войдя внутрь, Якоб надел рабочий халат. Сбоку стояли статуи Гуго и Аурелии: им он выделил особое место под крышей. Нужно закончить композицию, которую он начал: маленький мальчик защищает сестру от чудовища. Композиции из маленьких статуэток были слабостью Якоба. Казалось, когда он воплощает из камня эти сцены, он сам незримым зрителем или даже участником проживает эти события.

Большое чудовище обнажило свой злобный оскал и занесло лапу для удара, маленькая испуганная девочка, которая упала на землю, в страхе взирала на свою участь, а рядом ее старший брат, который заслоняет сестру собой. Сейчас у него никак не получалось передать эмоции мальчика. Чего-то не хватало. Но чего? Решимости, бесстрашия? Да, бесстрашие защищать то, что ему дорого! Решительный и неуступчивый взгляд, поднятые руки и презрительная гримаса перед лицом опасности. Якоб углубился в работу, и час его жизни просто выпал.

Ну, вот и все, кажется. Или нет? Лицо неустрашимого воина, который твердо уверен, что защитит свою сестру. Нет, нет, не то! Он сделал очередного героя, который спасает девочку. Безликая решимость не передавала его личности. С сожалением посмотрев на час своей работы, Якоб бросил его в корзину.

Внезапно он почувствовал, что остров зовет его. Что-то происходит в океане. Что-то или кто-то рядом с островом. Бросив работу, он поспешил в башню обозрения.

Вбежав в рубку, Якоб практически сразу заметил источник беспокойства. По левому боку от его острова, шел другой, чужой остров. Он был весьма и весьма интересен и практически сразу заинтриговал его. По берегам острова росли сады цветов, которые словно приветствовали взор всех, кто посмотрит на него. Цветы были самые разные: розы, тюльпаны, гвоздики. Все это было посажено своеобразным узором, который окаймлял его периметр и являлся особым лицом и внешней визиткой его хозяина. Однако дальше тянулся густой лес. Высокие деревья с большим количеством листвы зеленым щитом закрывали остров, не давая проникнуть в суть. Якоб сразу оценил, что содержимое скрыто под этим куполом и при внешней приветливости хозяйка не любит гостей.

Хозяйка? Почему он решил, что остров принадлежит женщине? Якоб не смог бы это себе объяснить. Наверное, было что-то в этих цветах, что неким образом выдавало личность автора. Или у Якоба очень хорошая башня и благодаря обзору он верен в оценках. Кстати об этом, ему кажется или в центре острова есть небольшой просвет? Он пригляделся в трубу: в центре острова деревья немного расступались, приоткрывая обзор на небольшую лужайку. Кусты цветов. Что-то россыпью, как незабудка, формой, как роза. Сиреневый от основания бутона, переходящий к краю в фиолетовый: цветки раскрывались навстречу воздуху, распространяя свой аромат. Ему казалось, что он почти ощущал его. Было что-то таинственное в этих цветах: незримая загадка, отображенная в красивой материи.

Но действительность отвлекла от лирики, Якоб почувствовал сигнал: хозяйка острова вызывала его. Что ж, он встретится с ней, несомненно.

Он ступил на песок чужого острова и испуганно огляделся. Давно, очень давно он уже не ступал на

чужой остров, но, казалось, остров сам приветствовал его, успокаивая ароматом цветов и создавая атмосферу благожелательности.

Вот кажется и хозяйка. Короткие волосы, чуть вздернутый носик и идеальное, как цветок, лицо, которое озаряла спокойная улыбка. Тем не менее, ее взгляд выдавал настороженность и изучал Якоба, пытаясь проникнуть за его стены. Он улыбнулся: стены были надежны, но он не прочь приоткрыть ворота.

– Хорошего курса вам, светлая леди! – ритуальное приветствие, как хорошо забытое старое, сказал Якоб.

– Да оставит наше пересечение след, – улыбнувшись, отвечала девушка.

– Да оставит! – согласился он.

– Руфина Гармония, – представилась она, протянув руку.

– Якоб Архитектор, – Якоб пожал ее без промедления.

Маленькая прохладная ладонь, очень приятная.

– Пойдемте, – сказала она. – У меня здесь недалеко есть небольшая веранда для гостей.

И вправду через пару десятков метров показалась веранда. Несколько скамеек и стол с прохладительными напитками уже ждали их.

– Куда вы держите курс? – спросила Руфина присаживаясь.

– Пока я придерживаюсь солнечного курса, – отвечал Якоб.

– Понятно, – кивнула она. – Значит, ваш остров еще не избрал направление.

– Ну а вы? – задал аналогичный вопрос Якоб.

– Я? – Руфина всплеснула руками. – Мой компас ведет меня неведомо куда, я сама не понимаю указаний его стрелки.

– Чем вы заполнили свой остров? – если подумать, этот вопрос был не совсем вежлив, ведь хозяин обычно сам начинал говорить об этом, если хотел, и сам решал, что сказать.

– Цветы, – она повернулась назад и рукой показала на них. – Я очень люблю эту единственную и подлинную красоту. На свете нет ничего прекрасней этих творений природы! Они живые!

– Понятно, – Якоб старался никак не выдать своего желания увидеть тот цветок в глубине леса.

Только хозяйка может решить: показать или нет.

– Вот посмотрите, – Руфина встала и подошла к растущим рядом с верандой лилиям. – Вдохните.

Аромат действительно захватывал и вкупе с красотой цветка погружал в иную реальность восприятия, но Якоба сильно интересовал другой цветок.

– Только не рвите, – предостерегла его Руфина. – Цветы нельзя рвать.

– Конечно, конечно, – заверил ее Якоб.

Он видел, с какой любовью она ухаживает за ними.

– У вас, наверное, есть еще какие-нибудь необычные цветы? – осторожно спросил Якоб.

– Да, – ответила Руфина, повернувшись к нему. – В глубине острова. Там я выращиваю разные цветы для себя.

– Понятно, – протянул он.

По ее виду было ясно, что так просто в глубь острова девушка его не пустит.

– Красота – это великая вещь! – сказал Якоб. – Помимо красоты цветка есть еще красота камня, обычного камня.

– Камня? – невольно она поморщилась, выдав сильное недоверие или даже презрение.

– Вы так не считаете? – улыбнулся Якоб.

– Подлинна только живая красота, – непреклонно сказала Руфина.

– Я попробую вам доказать обратное. Пойдемте на мой остров, – предложил Якоб. – Я покажу вам свою красоту.

– Пойдемте, – улыбнулась она.

– Отлично, – про себя подумал Якоб. – Если я пущу ее в глубь острова, показав мой Храм, возможно, она покажет мне ту красивую загадку.

Он тихонько бросил на берег маленький камешек. Здесь на берегу она не почувствует чужеродный материал, а когда вернется, эти лилии будут в маленькой красивой каменной клумбе. Все-таки в обращении с камнем Якоб достиг невероятных высот, и он был уверен, ей должно понравиться.

Остров ждал своего хозяина, его ворота распахнулись перед ним и его гостей. Руфина оглядывалась вокруг: все-таки не каждый день так спокойно попадаешь в глубь чужого острова. Кажется, от статуй ей стало несколько не по себе.

Двери Храма уже были открыты. Она осторожно вошла внутрь за Якобом, который сразу кинулся к столу.

– Пойдем, – крикнул он. – Посмотри этот стеллаж.

Руфина подошла к его самым сокровенным творениям. Вот композиция «Удивление»: молодой человек с широко раскрытыми глазами. Он словно бы делает невольный шаг назад, увидев нечто. «Дискуссия» – одна из его самых эмоциональных работ. Один друг, что-то увлеченно рассказывает, другой скрещивает руки, как бы не соглашаясь с ним, а третий пытается одернуть говорящего. Или вот еще...

– Интересно, – голос Руфины вывел Якоба из созерцания собственных творений. – Но я не понимаю, что движет тобой при создании этих работ.

– Что? – вопрос казался Якобу настолько нелогичным или даже ненормальным. – Как что движет? Это, это...

– Красиво, конечно, я не спорю, но ведь это все равно камни, – она развела руками. – А цветы... Цветы живые!

– Но ведь это тоже, – возразил ей Якоб. – Запечатленная, замороженная жизнь.

– Да, – Руфина пожала плечами, но ее лицо скорее являло недоумение. – Ладно, мой остров зовет меня, там что-то неладно.

– Остров? – лицо Якоба застыло.

Клумба, проклятая клумба. Его жест признания и восхищения. Судя по всему, он ее не впечатлит, а

даже наоборот. Никогда, нельзя ничего изменять на чужом острове – кажется, он нарушил это неписанное правило.

– Пойдем, – Якоб решил: будь что будет.

Она должна понять, что он сделал это не из злого умысла, а лишь, чтобы сделать ей приятное.

Обратную дорогу они прошли молча. Руфина погружилась в свои мысли, Якоб не рискнул ее тревожить. Их острова стояли практически вплотную, и перейти на другую сторону можно только благодаря лодке визита.

– Прощай, – Руфина повернулась к нему. – Ты интересный. Желаю тебе найти свой курс.

– Да, – улыбнулся Якоб. – Тебе я желаю понять свой курс.

– О да, – улыбнулась она. – Это хорошее пожелание! Прощай!

– Ага.

Он решил не говорить ей, возможно, в тайне он еще лелеял надежду, что Руфина оценит его поступок и поймет, что Якоб не хотел ей зла и сделал это необдуманно, под влиянием порыва. Он терпеливо ждал на своем берегу, когда она вернется. Это произошло довольно быстро.

Когда Руфина вернулась, ее красивое лицо искажала гримаса ярости.

– Якоб!!! – прокричала она. – Как ты посмел! Никто не имеет права что-то менять на другом острове! А ты испортил мои цветы своей мерзкой и неживой клумбой!

Определение клумбы больно ударило Архитектора.

– Я лишь хотел сделать тебе приятное! – прокричал он в ответ. – Прости!

Руфина отвернулась от него.

– Жаль, что мы встретились! – ответила девушка. – Надеюсь, наши курсы больше никогда не пересекутся. Прощай!

В этот момент небольшая волна воды прошла между их островами: видимо ее остров начал движение и вызвал ее. Якоб не стал ей возражать и пошел к себе. Эта девушка сумела удивить его: эти ее цветы и в самом деле были непередаваемой красоты, но жаль, что она не поняла его красоту. И он так и не увидел тот цветок. Как бы то ни было, но Загадка уплыла.

Прошел уже целый день, а Якоб все сидел в башне обозрения и думал о том цветке. Эта загадка до сих пор не отпускала его. Жаль, что в самый неподходящий момент Ганбайн его покинул: ему бы не помешал собеседник.

Внезапно на горизонте показался остров.

– Что сегодня за день, – подумал Якоб, беря подозрную трубу.

Остров показывал достаточно боевую натуру своего хозяина. Маленькая крепостная стена с кучей бойниц, несколько пушек хорошо говорили о нем. Якоб почувствовал вызов.

Хозяин этого острова был облачен в железные доспехи, на поясе висела шпага. Лихо закрученные усы тоже являлись неотъемлемой частью образа.

– Хорошего курса! – сказал он. – Меня зовут Ютамир Благодетельный.

– Хорошего курса! – отвечал Якоб. – Меня зовут Якоб Архитектор.

– Извините, что задерживаю ваше плавание, – продолжал вояка. – Но не видели ли Вы, случайно, такого пустого огромного острова с кольцом из катапульт. Не видели, или точнее вам не довелось от него спастись?

– Спастись? – изумлению Якоба не было предела.

– Да, – подтвердил Ютамир. – Это остров Исмаила Гана.

Исмаил Ган. Рассказ Ганбайна моментально всплыл в памяти.

– Я плыву за ним с самого севера, – сказал он. – Сейчас он должен быть где-то к югу.

– К югу?! – на секунду Якоб перестал дышать.

Юг. Ведь остров Руфины как раз поплыл прямо на юг. Это что же получается? Она сейчас под прямой угрозой?!

– Послушайте, – взволнованно сказал Якоб. – Со всем недавно на юг поплыл остров одной девушки, которая мне случайно повстречалась.

– Это плохо, – лицо Ютамира потемнело. – Очень плохо. Я, пожалуй, потороплюсь, поплыву на юг. Надеюсь, повезет.

– Я поплыву с вами, – немедленно сказал он.

– Что? Но... – начал возражать воин.

– Нет, нет, – замахал руками архитектор. – Я хотя бы удостоверюсь, что с девушкой все в порядке.

– Хорошо, – козырнул ему Ютамир. – Как скажете. Поторопимся же.

Якоб вбежал в комнату и опустился в кресло. Сейчас он боялся. Боялся за Руфину, которую не знал, боялся и за загадку, которую не разгадал. В принципе и загадка и Руфина были одним и тем же.

– Юг, юг, – лихорадочно думал Якоб. – Я уже далеко уплыл, а юг – это слишком общий курс. Она могла поплыть на юго-восток, юго-запад. Как я ее найду?!

И Якобу стало по-настоящему страшно.

В этот момент для него стал совершенно неожиданным скрежет из правого угла. Он изумленно повернулся и увидел, что стрелка компаса, который не работал уже столько лет, словно дразнясь, сделала несколько оборотов, а после уверенно показала на юго-запад. – Невозможно! – прошептал Якоб. – Невозможно!

Но реальность не оставляла сомнений. Ему оставалось только вызвать Ютамира.

Они не ошиблись: во время движения стрелка несколько раз двигалась из стороны в сторону. Они поняли причину, когда на горизонте показался остров Руфины. Кажется, там был пожар: по крайней мере,

что-то горело. Берег был утыкан огромными стрелами. Остров преследовал другой большой остров, с которого и велся обстрел стрелами и запаленными снарядами катапульт.

– Лес! – взъярился Якоб. – Он сожжет лес!

Мысленным импульсом он послал свой остров наперерез.

– Стойте! – Якоб услышал мысленный призыв Ютамира. – Подождите!

– Некогда! – кажется, в этой ситуации между их островами установился контакт. – У меня мощная крепость, я пойду лоб в лоб. Заходите сзади!

– Хорошо, – видимо воин, оценив его состояние, не решился спорить.

Скорость движения увеличилась.

– Интересно: остановится? – думал Якоб глядя вперед.

Однако Исмаил Ган не думал останавливаться, наоборот, правда или нет, но Якобу казалось, что он только увеличил скорость. Глядя на приближавшуюся громаду острова, ему становилось не по себе. Удар. Якоб почувствовал боль. Кажется, снаряд попал в стену. От боли в последнюю секунду Якоб затормозил, и остров Исмаила Гана на полной скорости врезался в его...

Снова боль. Страшная боль. Якоб почувствовал, как треснула стена. Даже башня покачнулась.

– Кто так глуп, что мешает мне? – услышал Якоб шипящий голос.

– Отстань от людей, – проорал он в ответ сквозь зубы.

Боль была просто неопишуемой.

– Отстань? – усмехнулся голос. – Я их спасаю. Присоединяйся ко мне.

– Спасает? Присоединяйся? – задохнулся Якоб. – Ты их просто поглощаешь! Ты уничтожитель и варвар!

– Громкие и пустые слова, – зевнул Исмаил Ган. – Ты говоришь, что я уничтожаю их, поглощаю. А скажи, ты никогда не хотел взять что-либо на понравившемся острове? Что-то поменять там или подчинить его?

На секунду Якобу стало плохо: клумба. Разве он не хотел изменить чужой остров? Взять оттуда, что-то для себя? Или даже подчинить его?

– Люди слабы, – продолжал Ган. – Слабые должны быть частью сильных.

В этот момент сзади в остров Гана ударил Ютамир. Якоб почувствовал сотрясение.

– Слабые собираются группами и защищаются от таких, как ты! – услышал он голос благородного Ютамира.

– Глупцы! – Якобу даже почудилось, что невидимый ему Ган качает головой. – Теперь вы никуда не уйдете, а два – лучше, чем та удравшая девка.

В следующее мгновение десятки абордажных крючьев вонзились в стены острова Якоба, а затем он почувствовал страшную боль. Остров Исмаила Гана, казалось, размяк и стал поглощать его остров. Как огромный осьминог, впившийся в добычу, остров как будто пожирал его.

Якоб упал на пол, он ощущал боль во всем деле, казалось, что его вертят на огне. Он попытался встать, опираясь на кресло, но его, словно ударом, отбросило к стене. И неизвестно, чем бы все закончилось, если бы в следующую секунду не послышался удар, а затем в голове Якоба прозвучал злобный вопль Исмаила. Стало полегче, и он смог подняться. Картина была довольно занятной: остров Руфины протаранил Остров Гана со свободного конца.

– Все, – послышался голос Руфины. – Давите его со всех сторон!

– Не мечтай, – злобно ощерился Разрушитель Островов. – У меня сегодня хорошая добыча!

Абордажные крючья зацепили и остров Руфины.

– Она не уплыла, – с тоской подумал Якоб. – Напрасная жертва.

Однако Руфина и не думала сдаваться. Ее остров вертелся и давил осьминога с такой силой, что сдвинул все три острова: Ютамира, Якоба и Гана!

– Какой сильный цветок! – подумал он.

Внезапно он понял, что должен сделать. Предстояла боль, большая боль, но это было необходимо, чтобы загадка не осталась неразгаданной.

– Исмаил Ган, – тихо сказал Якоб. – Ты не сильный! Ты поглощаешь все острова только по одной причине – твой остров пустой! Пустыня, где нет ничего. Ты ничем его не заполнил, и эта пустота тебя терзает.

Крючья отвалились от стен, и он почувствовал, как трещины и повреждения срстаются.

– Нет, – прошипел Ган. – Получи.

Однако следующие крючья лишь ударились и упали вниз.

– Полный вперед, – скомандовал Якоб.

Он чувствовал боль, каждый удар крючьев этой пустой души, но теперь они не могли пробить его цельность.

– Ютамир, – крикнул Якоб. – Поднажмите.

Это длилось не так уж долго. Под давлением трех свободных островов остров Исмаила Гана начал постепенно погружаться в воду. И скоро все было кончено.

Якоб устало поднял глаза на остров Руфины.

– Спасибо! – прозвучал ее голос.

– Всегда пожалуйста, – устало улыбнувшись ответил он.

Спустя два часа после этих драматических событий Якоб устало сидел в кресле. В данный момент его остров дрейфовал, Якоб каждой клеточкой ощущал боль: эта драка не прошла для него бесследно. После обсуждения событий острова Руфины и Ютамира продолжили свой путь, ведь острова не могут долго стоять на одном месте. Компас Ютамира указал ему новый курс: очевидно, его ждал новый подвиг. Ну а компас Руфины... Кто знает, куда показывает ее компас, если она сама этого не знает.

Кажется, она простила ему его выходку, но провожденный цветок Якоб благоразумно не стал спрашивать. Правила жителей островов были придуманы не просто так. Он поднялся, нужно сделать еще одно дело.

Храм ждал его. Привычным движением Якоб надел рабочий халат и взял резец. У него неожиданно проснулось вдохновение, и он понял, какого момента не доставало его композиции. Весь следующий час был отдан его творчеству.

Подбородок. Губы. Глаза. Мальчик смотрел вверх, прямо в лицо чудовищу. Подбородок был высоко поднят. Губы его были плотно сжаты. В глазах был страх: страх за себя, но вместе с тем там был и другой страх, страх за сестру, и этот страх был сильнее первого и именно он наполнял его истинным бесстрашием и решимостью стоять до конца. Потому что есть что-то, что дороже. Дороже чем его жизнь, страдания и боль. Дороже чем его собственная душа. И он не отступит и будет стоять до последнего издыхания только для того, чтобы она жила.

Усталый Якоб встал и сделал круг по комнате. Композиция закончена, можно ставить в стеллаж. Еще одна прожитая сцена заняла свое место среди других его творений.

Он шел к башне, опустив голову: предстояло задать курс. Погруженный в свои мысли Якоб чуть было не прошел мимо нового объекта. Он не поверил своим глазам и потер их, словно боясь, что пропадет.

Рядом с дорожкой, сквозь землю пробивался маленький, только начавший формироваться кустик. Его украшала маленькая в пять цветков россыпь. Сиреневый, переходящий в фиолетовый.

– Как ты здесь оказался?! – прошептал Якоб.

Он наклонился и вдохнул аромат. Свежесть утра. Видимо Руфина случайно обронила семя, которое было у нее с собой. Или не случайно? Кто знает. Но, похоже, эта загадка осталась с ним.

Якоб улыбнулся цветку.

– Когда-нибудь, – прошептал он. – Я разгадаю тебя.

Затем он поспешил к башне, где его ждал еще один сюрприз: на компасе сидел Ганбайн. Черный ворон вновь вернулся к нему.

– Похоже, – проскрипел он. – Ты без меня не сучал.

– О да, – улыбнулся Якоб. – Это точно! Я все расскажу, но сначала...

Якоб снял картину с материком, посмотрел на компас, но тот не работал.

– Похоже, мне придется рассказывать тебе новые истории, – проворчал Ганбайн.

Якоб еще раз посмотрел на компас: нет даже малейшего намека. Что ж, он помнил правила островов.

Если твой компас сломан, и ты потерялся в этом безбрежном океане, рискуя попасть в мощные течения, и у тебя нет ориентиров, куда двигаться...

– Курс... – мысленно скомандовал Якоб. – В сторону, где светит солнце.

Я – ТОКСИКОЛОГ

Нет, все-таки женщины легкомысленные, упрямые и бестолковые создания! Какого хрена ее понесло в гости к родне на три дня, оставив мужа в обнимку с двумя ящиками водки? Даже и не водки – ликера, что ли, орехового, вон, белка на этикетке нарисована. Ангела бы во искушение ввело – не то, что мужика во цвете лет! Разумеется, когда мы приехали на вызов, полтора ящика были употреблены, квартира разгромлена, жена в истерике, а сам пациент скорее мертв, чем жив.

В квартире вообще-то ничего так. Чистенько. Было. Стереобои на стенках с пейзажами. Покоцанные здорово, видимо, кто-то пустые бутылки пытался в озеро выкинуть. Занавески почему-то обгорелые, да груды пустых бутылок. Сам хозяин лежит на диване недвижим. Дышит. Духан стоит – атмосфер пять. Смотрю, однако, доктор наш не торопится капельницу ставить. Живот помял – печень, конечно, выперло, на глаз видно, а поджелудочная еще держится – постель засранная, но не в буквальном смысле.

– Что это у вас за водка? – спрашивает доктор. – Леонид, посмотрите.

Леонид – это я. Стажер. Специалист по токсическим веществам. Типа эксперт.

– Это не водка, – сквозь рыдания говорит жена. – Это «Пот дракона».

Ах, вот оно что! То-то я смотрю, у мужика глаза хоть и закрыты, а под веками ворочаются. Ух, блин, да он сейчас говорить начнет!

Как накаркал. Мужчина несколько раз открывает рот и с усилием выталкивает слова:

– Душно мне...

Он выгибается в кровати, и вдруг из раскрытого рта выбивает столб пламени. Фельдшер Маша, занявшая при словах «Пот дракона» позицию в изголовье с подушкой наготове, сноровисто накрывает ему лицо. Жена заходится в рыданиях.

Я беру одну из бутылок. Надо же, обознался. Не белка это, а Дейнебский дракон с каштаном в лапах.

– Свекор привез, – говорит жена между всхлипываниями. – Они на Дейнебе живут. По дешевке купил, а у нас скоро свадьба, серебряная... Должна была бы быть – она утыкается в платок.

Мельком подивившись причудам русского языка, разглядываю бутылку. Вроде все на месте. Голограммы, медали, чешуя в стеклянной стенке. Пробую на вкус. Не первый сорт, но похоже на правду. Однако послевкусие подозрительное. С «Потом дракона» надо быть очень, очень осторожным – Дейнебский каштан, из которого его гонят, содержит эфирные масла, придающие «неповторимый аромат», но их сивушные масла в человеческом организме в сочетании с кислородом вспыхивают на раз. На Земле самогонка из Дейнебского каштана самый верный способ самоубийства путем самовозгорания.

Смотрю бутылку на свет. Ага, вот оно. Не научились еще подделывать.

– Смотрите, – показываю женщине. – Если вот так повернуть, из голограммы должен всплыть дракон с каштаном.

– Ну да, – говорит она – Знаем. Что мы, неграмотные, что ли. Вон, всплывает.

– Да, но у него в лапах не каштан в золотом ореоле, а ананас какой-то. Паленый «Пот» вам подсунули.

Женщина бледнеет, потом краснеет. Дошло, видимо, чем ситуация пахнет.

– Леонид, созвонитесь с седьмой наркологией, – командует доктор. – Если там не примут, повезем на Болотниковку.

У жены при слове «наркология» в глазах вспыхивает атавистический страх семи поколений алкоголиков.

– Не дам, – говорит она тихо, но твердо. – Не пуццу. Сама выхаживать буду.

Доктор пожимает плечами – он и не сомневался.

– Подпишите вот здесь отказ от госпитализации. Мы сейчас внутримышечно введем общеукрепляющие средства, а Вам придется подежурить. Не давайте говорить, вообще открывать рот. Воду пить нельзя, даже газированную – вскипит. Лучше водку.

– Газированную? – тупит жена.

Доктор рассеянно кивает и продолжает:

– Если будет самовозгораться, накрывайте плотной тканью, и ни в коем случае не заливайте водой. Я думаю, дня через три организм справится с токсином. Если наступит ухудшение – вызывайте скорую.

Черных Юлия Вадимовна. Родилась в 1960 г. в Москве, где и проживает ныне. Работает в МВД России в области научно-технической информации, подполковник милиции. В своем творчестве Юлия Черных совмещает передовые достижения милицейской науки и элементы классической фантастики.

Художественные произведения в жанре фантастического рассказа пишет с 2006 г.

Ей очень повезет, если этот кретин доживет до серебряной свадьбы. Но современная токсикология не знает надежного способа вывода из каштанового похмеля. Полное переливание крови, разве что. Драконьей.

Следующий вызов на соседней улице. Пять минут по тропинке через широченную стройку. Едем в обход три квартала. Сколько раз наш главный пытался выбить для нас авиатарелку или хотя бы гравилет. Дольный номер. Вот помрет кто-нибудь, пока мы по запыленным колдыбаем...

У подъезда стоит большеглазая бледная девушка, кутаясь в черную накидку.

– Скорее, – кричит она, – маме плохо!

Мама – это святое. Спешно прибываем в квартиру. Кто у нас тут мама? Вот те раз! Пожилая негритянка мечется в широкой кровати и вяло постанывает. Украдкой смотрю на девушку. Обычная среднерусская курносина, афропризнаков не наблюдается. Ладно, с этим потом разберемся.

У кровати тазик с рвотными массами. Молодец, не выбросила. Нагибаюсь, рассматриваю. Массами это назвать нельзя, так, жидкость бледно-желтого цвета с вкраплениями желчи и, кажется, крови. Не здорово. Опускаю экспресс-диагност ТКС-3, краем уха слушаю, как девушка рассказывает, что мама третий день не ест. Негритянка еле слышно сообщает, что у нее ничего не болит, только наизнанку выворачивает. Ничего себе, а наизнанку выворачиваться не больно?

Диагност звякнул. Снимаю показания. Бактериальный фон – терпимо, токсины – в норме, радиационный – почти хорошо. В чем шутка юмора? Неужели органические яды? Фосфолипаза, например. Это было бы неприятно: они экспресс-методом не определяются, а диагностируются, главным образом, по внешнему виду трупа. До которого не хотелось бы доводить.

– Как зрочки, Николай Павлович? – спрашиваю доктора.

– Немного расширены.

Тоже ничего не дает.

Иду на кухню выбросить колпачок диагноста. Вбегает девушка.

– Мама пить просит, передайте чайник.

Передаю. Что-то меня царапнуло, не понимаю пока что. Интуиция у меня так себе, куда мне до Маши!

В комнате продолжается допрос больных и сочувствующих. Что пили, какие препараты принимали? Пили сначала зверобой, потом марганцовку, потом левомицитин с активированным углем – ничего не помогает. Консервов не ели, ни земных, ни инопланетных, грибов, змей, пауков тоже. Из подозрительных блюд вспомнился паштет недельной давности поедания.

Мне передают полупустой чайник и просят набрать воды. Я иду с ним на кухню, небрежно помахивая. Опаньки! Что-то шмякнуло внутри.

– Что у вас там? – спрашиваю девушку.

– Ничего, – пожимает она плечами. – Вода.

А вот сейчас посмотрим, какая там вода. Чайник – запаянная колба с носиком, так не заглянешь. Прошу

принести кастрюлю. Выливаю воду и начинаю осторожно встряхивать. Ага, вот она. Из носика показывается швейная иголка с большим ушком, в котором продета светлая шерстяная нитка.

– Что это?! – восклицает девушка и тут же тянется к иголке. Я ее отталкиваю и зову фельдшера. Маша подходит, смотрит и недовольно морщится. Она терпеть не может доморощенного колдовства. Она у нас специалист широкого профиля в этой области.

Натянув гигиеничные перчатки из кожи черного козла, Маша осторожно извлекает иголку и внимательно рассматривает нитку.

– А это ведь на тебя заряжено, – говорит она девушке. – Ты не пила отсюда воду?

– Нет, – отвечает та растерянно. – Я кофе в турке варю и минералку...

– Счастлив твой бог! Надо бы вызвать специалиста, но, думаю, я сама справлюсь. Фен в доме есть?

Фен есть. Свечка у нас своя. Маша начинает сушить нитку феном, а нас во главе с доктором выгоняет на кухню.

Рассаживаемся вокруг стола.

– Может, чаю? – предлагает девушка.

– Не надо! – в один голос отвечаем мы с Пальчем.

Сидим, ждем. На буфете стоит фотография немолодого негра с почти европейскими чертами лица.

– Это ваш отец? – спрашиваю, чтобы не молчать.

– Да, – отвечает она. – Он пропал без вести в дальнем космосе десять лет назад. Мы до сих пор верим, что он вернется, но...

Улавливаю неуверенный тон в голосе и начинаю задавать наводящие вопросы. Выясняется, что в последнее время к маме зачастил поклонник – соотечественник, уроженец Центральной Африки. «Очень приличный человек, этнограф». Он занимался культурой и обычаями российской глубинки, изучил ее вдоль и поперек, а сейчас собирается возвращаться на родину, в Африку, и маму зовет с собой. Настойчиво. Мол, здесь квартиру продадим, там дворец купим, и будет нам счастье.

– Мама почти согласилась, а я против: нельзя отсюда уезжать! Вдруг папа вернется, где он будет нас искать? И вообще, может он аферист этот этнограф!

В комнате раздается крик. Мужской. Мы переглядываемся, девушка вскакивает. Через пару минут открывается дверь, выходит Маша.

– Что это было, – спрашиваю. – Колдовство Вуду?

– Какое Вуду?! – раздраженно говорит Маша, – Обыкновенный деревенский наговор, на мертвую воду. Хотела бы я знать, какой болван этим баловался?

Я тихонько рассказываю про поклонника. «Фотографии есть?» – спрашивает Маша. Девушка приносит групповой снимок. Маша раскручивает иголку на нитке, и та, отклонившись от вертикали, уверенно показывает на высокого бритого негра.

– Он! – ахает девушка.

– Ты вот что, – наставляет ее Маша. – Как он придет в следующий раз, иголку эту ему куда-нибудь воткни...

– В жопу! – радуется девушка. Чувствуется, что ей давно этого хотелось.

– Нет, ну зачем же. Надо быть гуманней. В подкладку пиджака, пальто. Так, чтобы было незаметно. И он от вас отстанет.

В коридор, держась за стенку, медленно выходит худая негритянка с измученным лицом. Но глаза у нее живые и блестят.

– Мама, – подсказывает к ней девушка. – Куда ты встала? Иди, ложись, я все принесу.

Мы складываем инструменты. На прощание Маша берет в руки фотографию отца и прикладывает ко лбу. Так она лучше чувствует.

– Коридор, – говорит она уверенно. – Зеленые обшарпанные стены...двери...

– Что на двери написано? – быстро говорю я, – Посмотри направо! Читай!

– БППРИАЗ.

– Налево!

– Фотограммомет...Все. Не вижу больше. Кончилось кино, – Маша возвращает фотографию на буфет. – Этот человек жив. И он на Земле.

Уходим, оставив за собой легкое замешательство, переходящее в панику. Надеюсь, счастье им все-таки будет.

В машине спрашиваю Машу:

– Что такое БППРИАЗ? И эта...фотографмо...чего?

– Понятия не имею! Спроси в лаборатории, может, они знают.

Ввожу в автопилот следующий адрес. Знакомое местечко. Не притон, но что-то вроде. Взрослые уехали во Внеземелье на заработки и оставили двоих ребятшек на попеченье бабушки. Бабушка умерла год назад, 15-летние подростки вырвались на свободу и давай резвиться. Квартира приличная, денег не меряно, пригляда никакого, голова дурью набита. Во всех смыслах. За этот год ребята испробовали практически все земные и неземные наркотики и не стеснялись угощать друзей и приятелей.

Пальч передает мне буканот с почтой вызова.

– Леонид, что скажете?

Причина вызова: «Друг взлетел и завис на потолке. Помогите спуститься».

– Галлюцинации, – уверенно говорю я, возвращая буканот Пальчу. – Псилоциды, мескалин, фенциклидин, ДОБ, дейнебская зеленка.

– Смотрите внимательней.

Ну чего там еще? Ох ты, мать чесна! Вызов повторяли три раза. С промежутком в полтора часа. Представляю себе наших диспетчеров! «Снимите друга с потолка». Естессно, на первый раз их послали, на второй раз задумались, а на третий послали нас выводить всех «из тени». Хотя постойте, что же это за глюки, которые три часа длятся без изменений? Чует мое сердце, опять из Внеземелья какую дрянь приволокли.

Пытаюсь представить, что бы я делал на месте этих ребят. Собственно, я и делал. Меня тоже воспитывала

бабушка, только с родителями повезло меньше. Отец сгинул когда я был в еще несмышленном возрасте, а мама... А что мама? На моей мамочке хороший токсиколог со специализацией «Алкоголизм» может три диссертации сделать. Начиная с «проблем выживания» заканчивая «способами изготовления алкогольных напитков из подручных средств». Понятно, да? Наверно, поэтому я пошел в токсикологи. Психическая травма с детства и все такое.

Прибываем. Заходим. Квартира большая, но бестолковая. Коридор, комнаты, все в кучу – двери, двери, двери. Хозяева – мальчик и девочка, близнецы. Сегодня в разуме. У девочки только зрачки расширены, а у мальчика сужены в точку, но оба говорят и ходят. И приводят нас в комнату, где действительно, под потолком, нагнув голову, упираясь затылком в потолок, обхватив руками босые пятки, висит в позе лотоса молодой человек не самого худого телосложения.

Оглядываюсь на Машу. Она тоже обалдевши не меньше меня. Пальч достает пинцет, подходит к парню на потолке и щечочет пятку. Пятка дергается.

– Мария, запишите, рефлексы присутствуют. Что он принимал?

Девочка протягивает пластиковый пузырек с надписью на камольском языке. Блин, внеземелье! Опять накаркал.

– Леонид, Вы интролингво изучали, насколько я помню. Можете перевести?

Интролингво я действительно изучал, но эти заколючки не всегда разбираю. Хвостик налево, хвостик направо – это нам доступно, но понять, когда хвостик изгибается в вежливом наклоне, а когда в издевательском – увольте, не осмыслю. Впрочем, на пузырьке четким официальным языком значится «летальные капсулы». Лихо! Я бы трижды задумался, прежде чем такое глотать.

– Снять с потолка пробовали? – спрашивает Пальч близнецов.

– Ой, сколько раз! Он тяжелый и не дается.

Подхожу к парню, подпрыгиваю и хватаю за ногу. Действительно тяжелый. Взбрыкнув пяткой, он вырывается и расплывается под потолком. Теперь до него без стула не достанешь.

Рассматриваю пузырек с капсулами. Достая одну, разламываю. Просыпается белый порошок, а из половинки выглядывает кремниевое рыльце микрочипа гравитатора. Порошок? Морфий, классика, с добавками. Растворяясь в желудке запускает гравитатор. Вот это я понимаю, улет! Хорошо, хоть не на улице, где бы мы его там ловили. Поможет только промывание желудка, а как его делать на потолке?

Пальч начинает неторопливо перебирать флакончики в медиките. Из соседнего помещения доносятся стоны. Заглядываю туда.

В небольшой комнате как хворост в лесу вповалку лежат молодые ребята. Желатиновые пирамидки и мескалиновые «пуговицы» разбросаны по полу. Кто-то курит, сосредоточенно пуская дым, кто-то лежит

под гипноустановкой с отломанной дверцей. Излучение падает на девочку рядом, и она время от времени протяжно мычит. Ну еще бы. Судя по сухости кожи и секущимся волосам она опийная наркоманка, а с гипноизлучением это плохо сочетается. Милая, не хотел бы я попасть в твои кошмары.

В центре комнаты на полу сидят два молодых человека, один толстый другой худой. Между ними лежит спичка.

– А спо-о-орим, ты не сможешь перепрыгнуть через спичку, – говорит толстый.

– А спорим, что могу.

– Не-е-ет. Спичка – она большая. Она больше, чем ты.

– Ну и что. А я подпры-ы-ыгну.

Речь их тягуча и замедлена. Анаша.

За прошедший год я научился различать наркоманов по внешнему виду. У опийных наркоманов резко сужены зрачки, бледное лицо, сухая кожа, они постоянно чешутся. Анашисты беспечны, легковесны в своих поступках и действиях. Меняется восприятие течения времени: минуты кажутся часами, а часы – минутами. Им представляется, что все предметы изменили свои размеры, из-за чего движения могут быть плохо координированными. У них расширены зрачки, покрасневшие лица, веки. Речь «заплетающаяся», дыхание учащено. У тех, кто принимает кодеин или эфедрин повышенная активность, болтливость, непоседливость, сбивчивая речь и бессмысленная суетливость, нарушена координация движений. Обращают на себя внимание бледное лицо, расширенные зрачки, сухие губы, которые наркоман постоянно облизывает. Количество следов инъекций на коже очень невелико. Синтетические наркотики, всякие ЛСД, Love Drug, ДОБ, дейнебская зеленка - «вещества, производящие чувства внутри нас» - вызывают галлюцинации и предсказать поведение такого наркомана практически невозможно.

Теперь правильно, господин профессор, я исправил свою тройку?

Про взеземные наркотики я и не говорю. Вон, висит один под потолком, пятый час снять не могут.

Входная дверь распаивается и в квартиру врывается человек пять бойцов в серой полицейской форме и бронехитонах.

– Всемнапол!!! - орет один из них. – Рукизаголову!!!

Девчонка привычно падает, остальные и так лежат, а я с достоинством остаюсь стоять, посверкивая жетоном «Скорой токсикологической». Меня обходят, полицейские разбегаются по квартире. Из комнаты, где висит наш пациент, раздаются крики и ругань. Я так понимаю, что его пытаются уложить на пол. Ну-ну.

Захожу туда. Действительно, двое неслабых качков, ухватив за ноги и за шею, тянут пациента на себя. Он отлепляется от потолка и висит у них в руках. В это время возле широкого окна раздается призывное бибиканье. Подхожу, выглядываю и цепенею от зависти. Аэробус. Икарус. Дверью к окну. Последняя модель. Во, блин, полиции и армии все, а здравоохранению остатки с барского стола.

Полицейский открывает окно и начинает грузить в аэробус наркоманов. Некоторые вылезают сами. Нашего пациента втаскивают и приковывают наручника к креслу. Он вспархивает и зависает головой вниз.

– Ваши документы!

Протягиваем паспорта. Высокий худощавый капитан мельком их просматривает и тыкает в меня пальцем.

– Будете понятным, Леонид Аркадьевич. Остальные свободны.

Вопросительно смотрю на Палыча. Он связывается с диспетчерской, выясняет, что вызовов по нашей части пока нет, и дает добро.

Мама моя, в редкий период просветления, пыталась объяснить, почему пьет. «Человек создан Господом не для этой жизни. Большую часть мозга мы не используем, но он побуждает нас к действиям, нам самим непонятно каким. Нет покоя, понимаешь? Ни на Денебе, ни на Альтаире, ни на Земле человек не сумел использовать все резервы своих извилин. А это мучительно. Чтобы заглушить зов мыслей мы пьем, травим себя наркотиками, нюхаем и колемся. Те, кто избежал этого либо гении, либо дебилы».

Моя мама была умная женщина, но в плане заглушения своих мыслей она преуспела с лихвой. А я не дебил и не гений. Я токсиколог.

На следующем дежурстве первый вызов к мужику, отравившемуся «драконьим потом». В «причине вызова» значится «бредит, заговаривается».

– Он что, разговаривает? – интересуюсь у Палыча. – Хотя...Третий день. Пора бы и в себя прийти.

Палыч пожимает плечами.

В квартире чисто, прибрано, даже стереообои кое-где залатаны.

Пациент выглядит не лучше, чем в прошлый раз. Глаза запали, лицо распухло. Он невнятно бормочет, но когда мы подходим поближе отчетливо произносит: «голова моя машет ушами как крыльями...на шее ноги маячить...».

– Вот, слышите, – говорит жена. – Бредит. Все про черного человека талдычит.

– Ваш муж увлекается поэзией? – интересуется Палыч.

– Чего? Ну, частушки поем по праздникам.

Палыч присаживается к кровати и надевает манжету тонометра.

– Черный человек на кровать ко мне садится, – комментирует пациент. – Черный человек спать не дает мне всю ночь.

– Действительно, на стихи похоже, – говорю я.

Доктор сухо смотрит на меня поверх очков.

– Был такой поэт, – поясняет он. – Есенин. Лирик. Это отрывок из поэмы «Черный человек».

Надо же, лирик, а как лихо придумано. Куда там нашим космо-панк-рокерам.

– Что вы даете мужу? – спрашивает Палыч.

– Водку, как Вы и сказали, газированную.

– Леонид, проверьте, - говорит доктор, не моргнув глазом. Газированная водка – это круто, и где, интересно она ее берет?

– В магазине покупаю, – как бы в ответ на мои мысли торопиться доложить женщина. – Самую лучшую, мы уже ученые. А газуем дома, мне деверь установку привез.

Действительно, бутылка внешне сомнений не вызывает. Вставляю экспресс-диагност, тот щелкает и мигает красной лампочкой «смертельные токсины». Ну-ка? Це два аш пять о аш. Этиловый спирт, как и было предсказано. И больше ничего.

– Чем газуете? – спрашиваю женщину. Она ведет меня на кухню и демонстрирует кустарного вида установку, в которой торчит знакомый такой баллончик. Ой, какой знакомый баллончик...

Осторожно, стараясь не дышать, вынимаю его из установки, на вытянутой руке несу в комнату и предъявляю доктору.

– Где работает Ваш деверь? – строго спрашивает он?

– В медицине, как и вы, – растерянно отвечает женщина. – Сантехником в госпитале.

– Оно и видно, – сердито говорит Палыч. – Мария, ставьте капельницу, будем выводить из запоя.

Иду с Машей в машину за станиной и причиндалами к капельнице. Машка веселится:

– Она что же, его три дня на закиси азота держала? Видать, здоровый мужик, если выдержал.

Люблю я смотреть, как людей из запоя выводят! Лежит такой страшный, синюшный, еле дышит, и вот уже через пять минут щеки розовеют, глаза приобретают осмысленное выражение, дыхание восстанавливается...

Пациент обводит осмысленным взглядом присутствующих.

– Где этот, черный? – говорит он хриплым голосом.

– Он у меня денег одалживал.

Жена кидается к серванту, начинает судорожно перебирать какие-то конверты, что-то находит, успокаивается.

– Да не эти, дура! – не понимает мужик. – Другие.

– Какие такие другие?

Взгляд мужика делается еще более осмысленным.

Он уже понимает, что сморозил.

– Ну...такие...премия, там...

К чести жены, она ориентируется достаточно быстро.

– Да бог с ними, с деньгами, Васечка! Лишь бы ты был здоров.

Васечка облегченно закрывает глаза.

На лестничной площадке, куда нас провожает хозяйка, выходит соседка с ведром. Пустым. Вот зараза.

– А что, Любаша, – говорит она ехидным тоном. – Твоего уже выпустили из полиции?

– Полиции? – переспрашивает жена.

– Ну как же! Твой же здесь вертеп устроил, приехала полиция, всех повязали, увезли – и Мишку из соседнего подъезда, и Петьку, и черного этого, ханыгу.

– Какого черного?!!! – орет жена, доведенная Есениным до иступления.

– Нигера, – поясняет соседка. – Из Рязани. Он еще стихи читал.

Все-все? поняли? Нигер. Из Рязани. Где в лесах много-много диких обезьян.

Смена заканчивается в 9 утра. Иду домой мимо стройки и квартала, где живет та, глазастая. У которой мама болела магическим токсикозом. Собственно, мне не то, что бы по дороге, но ноги сами туда заносят. Третий день как. Иду и размышляю, допустимо ли стажеру проведать больную? Конечно, это прямо предписано врачебной этикой, клятвой Гиппократова. И вообще, а вдруг ей опять хуже стало? Требуется помощь? Необходимо проверить. Я в этом просто уверен! Но, видимо, в десяти метрах от подъезда начинает действовать какое-то особое поле, и моя уверенность испаряется. Третий день как.

На подходах к дому меня отлавливает бомж. Они тут часто тусуются – неподалеку районный Дом социального призрения, призревают они спустя рукава, вот люди и бегут. Этот совсем доходяга, лицо землистого цвета, черты расплывшиеся, ногти синюшные.

– Слышь, паря, – хрипит он. – Купи значок. Хороший значок. Берег на черный день, но не могу больше. Трубы горят. Купи, а?

Значок знатный. Красивый значок, номерной к тому же. На фоне звездного неба летит ракета, пламя из сопла вырывается, звезды мерцают. Все это объемное и движется. Неподвижны только буквы: «28 МГЭ». Институт какой-то, что ли? Почему-то думаю про глазастую, беру значок, сую бомжу десятку.

У подъезда замедляю шаг. Вдруг..?

Вдруг дверь распахивается и оттуда вылетает девушка уже не в черной накидке, а в красной курточке с капюшоном. Увидев меня, она замирает на мгновение, потом бросается вперед.

– Здравствуйте! – почти кричит она, хватая меня за руку. – Это вы? Вы пришли проведать маму? Ой, я так рада! А она на работе, уже совсем здорова. Пойдемте к нам, я вас чаем угощу.

Вот те здрастье! Сколько раз я представлял, как осторожно беру ее за руку и как бы ненароком начинаю гладить нежные пальчики, все дальше и дальше, продвигаясь к запястью...а тут меня... почти борцовским захватом. Весь наработанный сценарий пошел на смарку, но так тоже нефигово. По крайней мере, не надо ничего объяснять – за меня уже все рассказали.

Пьем чай из тщательно проверенного чайника. Делимся биографиями. Ее зовут Ольга, она учится в институте пищевой промышленности. На факультете синтетических питательных веществ, но хочет переходить на биотехнологии. Ей кажется, что из водорослей выращивать телятину приятнее, чем из нефти. Набираюсь наглости и спрашиваю, как получилось, что ее родители черные, а она светлая? Приемная, что ли? Ольга не обижается, а смеется.

– Нет! Моя мама метиска, полурусская. И я тоже метиска. Вот, смотри, – она протягивает мне свои

пальчики. – Видишь, лунки ногтей не розовые, а фиолетового цвета. Метис может быть абсолютно белым, но ногти его выдадут всегда.

В голове что-то щелкает, откладываясь. Продолжаем разговор. Я рассказываю про себя, про бабушку, про работу. Время пробегает стремительно. Наконец спохватываюсь, что надо бы уходить.

На прощанье протягиваю значок на память. Типа подарок, вместо цветов. Ольга берет, рассматривает и стремительно бледнеет.

– Где ты его взял? – тихо говорит она.

– У бомжа купил.

– Это значок той экспедиции, где пропал мой отец. Ты давно его купил?

В моей голове отчетливо щелкает несколько раз и все детали головоломки выстраиваются в один ряд. Не может быть, чтобы было так просто!

– Пойдем, - говорю я, безжалостно хватаю Ольгу за руку, вытаскиваю на улицу и волоку к тому углу, где видел бомжа последний раз. К счастью, он еще не набрал на свою бутылку.

– Дядя Ахмет! – кричит девушка, ни минуты не раздумывая. – Дядя Ахмет, вы что, вернулись? А где мой папа?

Бомж тупо смотрит вверх голов.

Ольга хватает его за куртку и начинает трясти.

– Где мой отец?! Где все?! Говорите же, дядя Ахмет!

Бомж разлепляет потрескавшиеся губы.

– Ахмет, – говорит он медленно. – Да, я Ахмет.

Приводим дядю Ахмета к Ольге домой и загоняем в ванную. Я делаю инъекцию дипромедалона, чтобы трубы поменьше горели, Ольга оповещает родню. Первой появляется Ольгина мама, потом небольшая толпа чернокожих оживленных людей. Землячество. Оказывается Ахмет и Ольгин отец у себя на родине вроде национальных героев - представители страны в межгалактической экспедиции. Приезжает даже настоящий колдун Вуду – маленький, сморщенный, с нашлепками нейрозондов на бритой голове.

Отмытый Ахмед восседает в гостинной как именинник и явно ждет, когда поднесут. Колдун пристально смотрит ему в глаза, берет за руку, гладит по голове и говорит несколько слов на родном языке. Публика всех оттенков шоколада почтительно внимает.

– Он не зомби, - переводит шепотом на ухо Ольга. – Он живой, но не совсем. Душа его заблудилась далеко-далеко среди звезд, и вернуть ее трудно.

Ольга отстраняется. Ну что ж ты так мало наговорил, колдун!

Гости начинают спорить, кто заберет Ахмета. Мне вручают охапку тряпья на выброс. Проверяю карманы, обнаруживаю неиспользованные зажигалки, мелкие липкие монеты, пульт с кнопками, видимо, от сигнализации, упаковка янтарной кислоты, рецепт и справка о проживании в Доме социального призрения Севастопольского района г. Москвы. Разглядываю рецепт. Транквилизатор, причем не из слабых. Клиника экстремальной медицины, доктор Прохорова Е.Б., телефон, адрес. Отложим.

Зажигалки и монеты выбрасываю вместе с барахлом, рецепт забираю себе, пульт отдаю Ольге. И иду домой. Хватит на сегодня, спать пора.

Дома меня ждет повестка в полицию. Наверное, по душу тех наркоманов.

На следующее утро звоню Ольге, узнаю, что Ахмета приютили родственники, а его жена прилетит послезавтра. Он ничего не помнит, никого не узнает и очень плохо соображает. Когда ему налили водки, начал читать стихи. Ахмет был космолингвистом, знал десятки языков и наречий основных народов Галактики. Где остальные члены экипажа и что с ними случилось, узнать не удалось.

Еду в Клинику экстремальной медицины к доктору Прохоровой Е.Б. Происходит занимательный диалог: «На что жалуетесь?» - «Я здоров. Нужна консультация по поводу Вашего пациента». Прохорова бросает взгляд на рецепт и костенеет. «Сведений не даем». «Мне очень нужно! Видите ли, этот человек...» - «Вы из полиции? Официальный запрос, пожалуйста!» «Нет, я медик» «В смысле?» «Ну-у-у стажер» «Про закон о персональных данных проходили? Нет? Плохо вас учили, молодой человек! Идите и пригласите следующего». Вот стерва!

На дежурстве рассказываю историю с Ахметом Маше и жалуюсь на врачей. Машка тут же просекает фишку:

– Это ты, Ленечка, на тайну личности нарвался. Она ведь даже не спросила, что тебя интересует. «Нет» - и все! Давай мы Ахмета устроим в клинику к Пальчу, где он консультирует. Ахмет алкоголик, верно? И запросик пришлем на карту официальный.

Машка – золотой человек! Полностью с ней соглашусь. Надо связаться с Ольгой по этому поводу.

После дежурства недоевший и недоспавший иду в райотдел полиции давать показания про наркоманов. Утомленный по жизни следователь выясняет путем опроса как меня зовут, где я проживаю и действительно ли я присутствовал ... мая при обнаружении и изъятии наркотических веществ. Перечень веществ забит в протокол. Подтверждаю и уточняю, что изъятые были также психотропные препараты и высокотоксичные вещества. Следователь оживает и под диктовку записывает все, что я наговариваю. Расписываюсь под каждой страницей.

На прощание уточняю в какой стороне туалет.

– Ниже этажом и направо, пройдете через террористов, завернете за угол экономической преступности и сразу за наркоманами дверь без надписи.

М-да. Весело они тут тусуются.

Спускаюсь этажом ниже, прохожу мимо ОБОПит, заворачиваю за угол и натываюсь взглядом на дверь с надписью «БППРИАЗ». Опаньки. Разворачиваюсь. «Фотограмметрическая лаборатория». Бли-и-ин! Какого там цвета обшарпанные стены?

Звоню Маше домой, подходит дочка. «Дядя Лень, – говорит она мне доверительно. – Мама

спать легла после смены. Я ее разбуду, а она меня в лягушонка превратит. Хочешь?». Не хочу. Машка страшна в гневе. И впрямь превратит!

Сбегаю вниз. В дежурке скучают двое.

– Мужики, – говорю. – Негра у вас не было?

Они переглядываются.

– Негры нас посещают регулярно, – говорит один.

– Тебе на кой?

Сбивчиво, пересказывая с одного на другое, рассказываю про пропавшую экспедицию, Машкино ясновидение, дядю Ахмета. Мужики проникаются.

– Значит, его родственники опознали? Эй, Морозов!

Подходит полицейский в форме старшего лейтенанта.

– Чего тебе? – спрашивает он дежурного, мазнув по мне быстрым взглядом.

– Ахмета твоего родственники опознали. Оформляй протокол и пиши себе галку, только по всей базе пробей на всякий случай.

– Не учи ученого – ворчит Морозов и ведет меня в кабинет.

– Так, – говорит он мне. – Смотрим по РИФу.

– Это что такое?

– Российский информационный фонд. Сейчас найдем твоего Ахмета в Едином регистре.

Ахметов в базе тыщщи. Бесфамильных – сотни.

– Есть еще параметры?

Почему-то всплывает «нигер из Рязани».

– Рязань, – говорю.

– Так, Рязань по всем полям. О! Пятеро!

С экрана на меня глядит карими глазами «дядя Ахмет»

– Он! – говорю я.

– Похож, – соглашается Морозов. – Карточка выставлена Рязанской клинической больницей по потере памяти. О, да здесь и легенда есть!

Он нажимает на кнопку, выскакивает надпись «Введите код доступа». Морозов вводит и на экране разворачивается страница с описанием истории Ахмета. Читаем, едва не сталкиваясь лбами. И впрямь легенда!

Три года назад в деревню Лопухи что под Солотчу из Красных болот вокруг Черного озера вышло пятеро мужчин. Они были оборваны и угвазданы по уши, и частично обморожены – стояла поздняя осень. Деревенские приняли их за заблудившихся охотников, хотя ружий ни у кого не было. Группу доставили в Рязанскую областную клиническую больницу, где при обследовании обнаружилось, что все пятеро не помнят ничего до момента выхода в деревню, кроме своего имени, в то же время один из них уверен, что он капитан, другой – штурман, третий – бортинженер. Двое не помнят ничего и практически ничего не сообщают. «Частичная либо полная утрата интеллекта» значится в легенде. Предполагалось, что это экипаж летающего крыла, упавшего в болото и каким-то чудом не замеченный радаром и местными жителями.

Для прохождения дальнейшего лечения отправлены в Клинику экстремальной медицины, Москва.

– Скажи этим родственничкам, чтобы зашли ко мне протокол подписать и снимем Ахмета с учета. Сейчас помечу в досье, чтобы не забыть.

Морозов открывает файл досье. Подглядываю через плечо. Восемь приводов, все по пьянке. Бурная жизнь у космолингвиста, ничего не скажешь!

– Как найти остальных? – спрашиваю Морозова.

– Сейчас посмотрим. Карточка выставлена Солотчанским РОВД. Набираю... Что ж его родственники не подавали в розыск как без вести пропавших.

– Какой розыск! Межгалактический? Они же в космосе пропали, – туплю я.

– Эх, темнота. Какая разница, где они пропали, важно, где нашлись. Был бы он в базе, мы по сверке давно бы идентифицировали и Ахмета, и папашу твоей девушки. Пальчики они сдавали? Сдавали! Так, поиск окончен, все пятеро в наличии. Как зовут папашу?

– Э-эээ...Вот он!

У отца моей девушки на фотографии изможденный вид, но я узнаю его сразу. Зелимхан Безымянный. Год рождения – предположительно, место жительства – не указано.

Так.

Понятно.

Значит моя Ольга – Зелимхановна. Бывает хуже, но реже.

– Черт, – чешет в затылке старлей. – Придется в Солотчу запрос направлять. Недели две туда – обратно.

В голове оформляется некая мысль, связанная со словом «БППРИАЗ».

– Слушай, – озвучиваю я мысль. – Зелимхан зачем-то к вам приходил. Я точно знаю. Зачем?

– За регистрацией, зачем же еще!

Мы смотрим друг на друга, Морозов поднимает указательный палец и говорит: «О!».

Адрес и место работы – «Космоспецстрой», на минуточку – мы узнаем в считанные секунды. Звоню Ольге, объясняю ситуацию. На том конце провода что-то среднее между обмороком и восторгом, ждать до вечера никто не желает. Договариваемся встретиться через полчаса у подъезда учреждения.

Порываюсь бежать, но старлей меня тормозит.

– Вас в этот спецстрой на порог не пустят. Вместе пойдем. Погоди, парадный китель надену.

Морозов надевает парадный мундир с рядком медалей.

– Ничего себе, – говорю. – Боевые ордена?

– Ну так, – он пожимает плечами. – Вот эти две побрякушки для девчонок...

– А эта, «За отвагу»?

– А это мы ящериц на южных границах отстреливали.

Скромно. С достоинством. Знаю я этих ящериц – три метра от носа до хвоста и бластеры из лап не выпускают.

Честно говоря, я ожидал, что к Космоспецстрою прибудет вторая половина землячества, но там была только Ольга. Через пять минут подошла ее мама. Вы когда-нибудь видели бледного негра? Цвет почти тот же, только губы белые.

Заходим. Охрану на вахте разгоняет Морозов мундиром и медалями. В вестибюле висит доска почета, вторым в верхнем ряду – Зелимхан. Ольгина мать смотрит на фотографию. Долго смотрит. Потом хватает за рукав проходящего мимо сотрудника.

– Где он? – отрывисто говорит она, показывая на фотографию. Сотрудник сообщает где. На пятом этаже. На совещании.

Врываемся в предбанник зала совещаний – старлей, звеня медалями, мама и мы с Ольгой в кильватере. Секретарша пытается преградить дорогу. Как же!

В кабинете за длинным столом сидит с десятком сосредоточенных людей. Высокий негр с европейскими чертами лица что-то вещает, заглядывая в бумаги. Увидев нас, он замолкает и на лице его отражается целая гамма чувств – от удивления, до радости узнавания.

– Женщина, – говорит он утвердительно. – Я вас знаю.

Ольгина мама подходит к нему вплотную.

– Зелик, – говорит она. Дальше не может. Слезы текут по лицу, оставляя дорожки. Зелимхан осторожно подбирает каплю на щеке. – Зелик, ты вернулся.

Она припадает к нему и утыкается носом в пиджак. Зелимхан обнимает сначала неловко, потом все уверенней. Моторные навыки не стираются вместе с внешней памятью.

– Она его жена, – объясняет Морозов собравшимся. – Он пропал без вести десять лет назад, а сейчас мы его нашли.

Собравшиеся сопереживают. «Санта-Барбара», серия 7654. Женщины рыдают, мужчины хмурятся. Занавес.

Счастливым концом не будет окончательно счастливым, если я кое-что не дорасскажу.

Члены экспедиции держали друг с другом связь через маячки – та штука с кнопками, которую я нашел у Ахмета. Их собрали вместе, объяснили, кто они есть и чего именно они члены, развели по семьям. Не всех. Штурман успел жениться и остался с новой женой. У Зелимхана тоже была какая-то пассия, но Ольгина мама быстренько ее аннулировала.

У нас с Ольенькой тоже все хорошо. Я теперь смело и по-хозяйски могу ее взять за руку и даже за ногу, что частенько проделываю.

Вернуть память членам 28 межгалактической экспедиции пока не удастся. Ребята явно подверглись какому-то воздействию. Ни сканирование мозга, ни гипнорепродукция не дали результатов. Интересно, что у Ахмета в составе крови обнаружили токсины в таком количестве, при котором человек обычно не выживает, даже фальшивый «Драконий пот» на него не действует. Палыч пишет по Ахмету докторскую и считает, что восстановление памяти возможно, надо только подобрать подходящую методику. Думаю, что у него получится.

А по части нашей работы... Ох, что-то не верю я, что человечество само по себе выберется из пандемии алкоголизма, наркомании, токсикомании простой и магической. Что такое наши методы? Ерунда, погоня за уходящим поездом. Кто-то из великих говорил, что болезнь надо не лечить, а предупреждать. Но боюсь, что сейчас эта задача нам не по силам, и решить ее сможет разве что медицина будущего.

Я читаю
УРАЛЬСКИЙ
следопыт

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
- Почтовые отделения России, каталог агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «Урал-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на журнал

УРАЛЬСКИЙ следопыт

73 413											
(индекс издания)											
на 2010 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
(почтовый индекс)						(адрес)					
Кому											
(фамилия, инициалы)											

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал **73 413**

(индекс издания)

УРАЛЬСКИЙ следопыт

Стоимость	подписка	_____ рублей _____ коп	количество комплектов								
	пере-адресовки	_____ рублей									
на 2010 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____

(почтовый индекс) (адрес)

Кому _____

(фамилия, инициалы)

Дар «Следопыту» с берегов НЕВЫ

В юбилейные дни «Уральского следопыта» – в этом году журналу исполняется 75 лет – нас ожидал сюрприз. Пришла большая бандероль из города на Неве. Адресат – Игорь Кузьмич Григорьев – давний друг и почитатель журнала. Это ученый и библиофил, а точнее будет сказать, ученый-библиофил, автор многих научных, научно-популярных, мемуарных публикаций и книжек.

Напомним нашим читателям работы Игоря Кузьмича, опубликованные в «Уральском следопыте». Он был инициатором, публикатором и автором вступительной статьи воспоминаний актрисы Виктории Владимировны Чекан, дочери известного на Урале журналиста и издателя В.Г. Чекана («УС» 2009. № 8 – 10). К юбилею журнала он прислал редакции большой мемуарный очерк «Москва. Большая Дмитровка, 4\2» с иллюстрациями, где рассказал о предшественнике журнала – «Всемирном следопыте». С некоторыми сокращениями этот очерк был напечатан в № 1 журнала за этот год. Наконец, перу Игоря Кузьмича принадлежит материал – тоже мемуарного плана, «Один из многих» («УС». 2009. № 4). В нем рассказано об одном из узников печально известного Ивдельлага. Надеемся, что наше сотрудничество продолжится.

Но бандероль, полученная нами на этот раз, открывает еще одну «ипостась» Игоря Кузьмича – собирательскую. Вместе с женой – Людмилой Ивановной Григорьевой, которая эту страсть с ним разделяет – он собрал замечательную историко-библиофильскую коллекцию, которая насчитывает 10 тыс. книг и журналов, а также рукописей, документов, газетных вырезок, фотографий... Эта коллекция материализует большой и разнообразный мир интересов супругов Григорьевых, в том числе и профес-

Супруги Григорьевы. Игорь Кузьмич и Людмила Ивановна

сиональных – оба по профессии стандартизаторы. К числу этих увлечений относится и давняя, в детстве зародившаяся, любовь к журналу В.А. Попова «Всемирный следопыт», а теперь и к его «наследнику» – «Уральскому следопыту».

Игорь Кузьмич и раньше присылал в библиотеку журнала отдельные экземпляры следопыта «Всемирного». А вот и настоящий юбилейный сюрприз – 12 номеров (полный комплект!) «Всемирного следопыта» за 1929 год. Этой библиофильской редкости нет даже в журнальном фонде областной публичной библиотеки им. Белинского. Не приходилось нам слышать и о том, чтобы какой-то частный собиратель владел такой подборкой замечательного приключенческого журнала.

Уверены, что все читатели и почитатели «Уральского следопыта» присоединятся к нашей искренней благодарности и признательности супругам Григорьевым за такой щедрый и бескорыстный юбилейный дар.

Редакция.

Ида ОЧЕРЕТИНА
Фото из архива автора

«Следопыт» Вадима Очеретина

Вадим Кузьмич Очеретин, писатель-фронтовик, бывший листопрокатчик ВИЗа, а в войну – автоматчик танкового десанта Уральского добровольческого танкового корпуса, был первым редактором возрожденного в 1958 году журнала «Уральский следопыт». Об этом недолгом – около четырех лет – но ответственном периоде становления журнала вспоминает Ида Власовна Очеретина, его неизменно преданная жена и берегиня. Ее старанием после смерти писателя продолжают выходить его книги: сборник произведений «Я твой, Родина!» (БКИ, 2005), куда впервые в книжном формате вошел роман Вадима Очеретина «Трижды влюбленный»; отдельное издание повести «Я твой, Родина!» (Екат., 2010); книжка воспоминаний самой Иды Власовны «Шли по войне девчата...», «Мои друзья – добровольцы» (БКИ, 2010)... Она выступает в школах, библиотеках, остается верной дружбе с ветеранами войны и труда военных лет.

Известно, что журнал «Уральский следопыт» издавался в Свердловске в 1935 году, но просуществовал недолго, всего девять месяцев. В конце 1957-го Свердловское отделение Союза писателей и обком ВЛКСМ решили журнал возобновить. Главным редактором утвердили Очеретина.

Новая должность, новое дело... Вадим встретил это взволнованно, возбуждённо, несколько настороженно. Но увлёкся, почувствовал необыкновенные возможности, что даёт журнал такого, «следопытского» направления.

Штат определили минимальный: четыре человека. Вадим призвал в помощники друзей по университетскому литературному кружку, единомышленников Степана Захарова и Владимира Шустова. За Захарова пришлось повоевать: он уже отлично проявил себя как преподаватель литературы в 40-й школе, и отделы образования – и городской, и областной – не хотели его отпускать. Но настойчивость Вадима победила, С. Захаров стал заместителем редактора. Владимир Шустов в то время был собственным корреспондентом газеты «Пионерская правда», дружил с ребятами. Ходил вместе с ними в походы по уральскому краю. У него уже вышло две приключенческих повести для детей – «Тайна горы крутой» и «Карфагена не будет!». В. Шустов возглавил отдел прозы и поэзии.

«Следопыту» повезло, что в редакцию вошёл Юрий Михайлович Курочкин, Юркин, как его по-дружески называли. По профессии инженер-строитель, а по призванию увлечённый краевед, страстный охотник в поисках материалов о культурном прошлом нашего края. Папки его отдела науки, техники и краеведения быстро наполнялись интересными заметками. И не одна увлекательная повесть была им впоследствии написана. «Следопыту» Юрий Михайлович был предан до последних дней своей творческой жизни.

Эти четверо и готовили первые книжки журнала. Мне кажется, они в те дни почти не расставались, вдохновенно обсуждая настоящее, продумывая будущее журнала. Смелые планы, неожиданные решения, ярост-

В. К. Очеретин. Фото В. Степанова

ные споры, завидное взаимопонимание. Из небольшой комнатки, что поначалу выделили редакции, «заседания» часто переносились к нам на кухню, где продолжались допоздна.

Эти «кухонные собрания» хорошо помню, так как по обстоятельствам становилась их участницей. Нестойкий выдумщик Шустов часто задевал друзей каким-нибудь своим сверхнеобычным предложением. Его заоблачные мечты приземлял Юркин, вступал в спор Захаров... Планы-обсуждения-споры продолжались и у Юркина, куда, бывало, отправлялись дружной компанией. Юркин жил тогда в частном доме, гостей ждала солидная горка румяных блинов, что в русской печи пекла приветливая Анна Павловна. Но и вкусные блины не приостанавливали бурные разговоры о журнале.

Позже, когда штаты увеличили, в редакцию пришёл известный свердловский краевед Леонид Петрович Неверов. В редколлегию включили молодых художников Виталия Воловича и Германа Перебатова. Они увлечённо разрабатывали проект оформления, обсуждали каждую обложку, каждую иллюстрацию. Охотно помогал многоопытный художник Александр Соломонович Асс. Герман Перебатов предложил эмблему журнала: маленький весёлый человечек в курточке с капюшоном, в альпинистских ботинках и с ледорубом в руке. Потом

появилась забавная кукла-следопыт, её Вадим заказал в киностудии. Кукла сейчас, как я узнала недавно, хранится у Юрия Сакныня, известного краеведа – собирателя самых разных любопытных предметов. А у меня сохранилась тоже любопытная памятка, приведу её, сохраняя орфографию: «Росписка. Получено от Очеретина В. К. За изготовление куклы «Следопыт» в сумме одной тысячи двухсот руб. /1200 р./ 18/6-60 г. Худ. комб. съёмки Свердловской киностудии...» (подпись неразборчива).

Конечно, не всё поначалу шло гладко, не всё давалось по первому требованию. Приходилось и защищаться, как это случилось во время «борьбы с формализмом» в Союзе художников. Тогда в формализме обвинили молодых – Мишу Брусиловского, Виталия Воловича, Германа Перебатова. В изданной два года назад большой книге «Мастерская. Записи художника» Виталий Волович, тепло вспоминая о работе в «Следопыте», рассказывает об этой «борьбе» и благодарит Вадима Очеретина за поддержку, за то, что защищая молодых, не побоялся выступить против решения обкома партии.

Появление «Уральского следопыта» взбудоражило и писателей, и журналистов, и краеведов, и художников. И каждый принесенный материал – будь то повесть, рассказ или интересное сообщение – встречался в редакции с радостью. Можно назвать десятки имён, что с первых номеров появились в «Следопыте»: учёные М. Клер, С. Шварц, А. Малахов, поэты Л. Сорокин, М. Найдич, Ю. Трифонов, Б. Марьев, В. Станцев, Е. Хоринская, писатели Б. Дижур, Б. Рябинин, Н. Никонов, Е. Шерман, Э. Бадьева, Б. Путилов... Принёс в журнал свой первый рассказ «Табакерка» молоденький Слава Крапивин, и остался навсегда верным автором «Следопыта».

Вспоминаю: Вадим в ту пору к каждому своему старому знакомому или же к новому приходил со своей меркой, прикидывал, чем человек может быть полезен «Следопыту», что может интересно рассказать юным читателям, увлечь мечтами, разбудить пылливость. Каждого вдохновлял писать, и появлялись на страницах журнала очерки самых разных людей, влюблённых в своё дело, в свой край. И однопольчан своих, ветеранов Уральского добровольческого танкового корпуса, увлекал рассказывать о нелёгких сражениях Великой Отечественной войны на боевом пути уральцев от знаменитой Орловско-Курской дуги до Львова, до Берлина и Праги.

Ещё об одном интересном авторе, замечательном человеке, хочу вспомнить. О Михаиле Васильевиче Во-

Слева направо: С. А. Захаров, В. Н. Шустов, В. К. Очеретин

Главный редактор журнала в гостях у юных читателей

допьянове. Лётчик, один из первых Героев Советского Союза. Тот, что в 1934 году участвовал в спасении экипажа ледокола «Челюскин», тот, что в 1937-м летал с экспедицией на Северный полюс, а во время Великой Отечественной войны командовал авиадивизией. У него уже вышли книги рассказов, автобиографическая повесть, ему было чем поделиться с молодыми, и он охотно сотрудничал со «Следопытом». Ещё запомнился Михаил Васильевич своими озорными байками, в основном из полярной жизни. Рассказывал он с хитрым юмором, и всегда собиралось немало охотников послушать его. Вообще все относились к Водопьянову с уважением и любовью. Расскажу об одном забавном случае проявления этой любви.

Водопьянов, пробив сколько-то дней в Свердловске, улетал. Следопыты решили достойно проводить знатного автора. Инициативная группа выехала вперёд – организовать проводы в ресторане Свердловского аэропорта. Водопьянов прибыл уже к накрытому прощальному столу. Весело пировали, со словами признательности, с тёплыми пожеланиями. В какой-то момент Вадим пошёл рассчитаться, а ему ехидно сказали: «Михаил Васильевич уже расплатился». Когда Водопьянов успел – никто не заметил. Вадим вернулся смущённый. А Водопьянов делал вид, что ничего знать - не знает, однако хитрые глаза выдавали его.

Дружба Вадима с Водопьяновым продолжалась многие годы.

«Уральский следопыт» с первого номера, вышедшего в апреле 1958 года, завоевал признание и любовь читателей, уверенно зашагал в будущее. И в июле 1961 года Вадим Очеретин ушёл из журнала. А журнал не ушёл из его сердца. «Уральский следопыт» – светлые вдохновенные годы в творческой биографии писателя Вадима Очеретина.

Ингрид ГЕРУЛАЙТИС

Плачущие цветы фонтана «Экология»

Творчество екатеринбургского художника-монументалиста Виталия Казанцева тесно связано с Уралом. Здесь он получил художественное образование, здесь достиг успехов в декоративном искусстве. Его мозаики, витражи и росписи украшают интерьеры зданий города и области различного назначения. В своих работах он часто обращается к уральской природе, которая дарит ему темы и вдохновение. Но природа неразрывна с деяниями человека: он ее и любит, и калечит одновременно. Пренебрежение к окружающей среде приводит подчас к страшным результатам, о чем рассказывает одна из работ художника.

Несколько лет назад Виталий Казанцев совместно с сыном создал скульптурную композицию фонтана «Экология». Работа была представлена на выставке «Художник и город» в картинной галерее Екатеринбурга в 2004 году. Проект представляет собой вертикальное декоративное панно, в котором стилизованные птицы и звери образуют дерево, огромное «древо природы» – основу мира всего живого. Вода стекает на горизонтальные чаши – по принципу Бахчисарайского фонтана. Главные цвета в композиции – золотой и зеленый, они придают ей сказочный колорит. По словам художника, изумрудный цвет символизирует Урал как родину изумрудов, а золотой

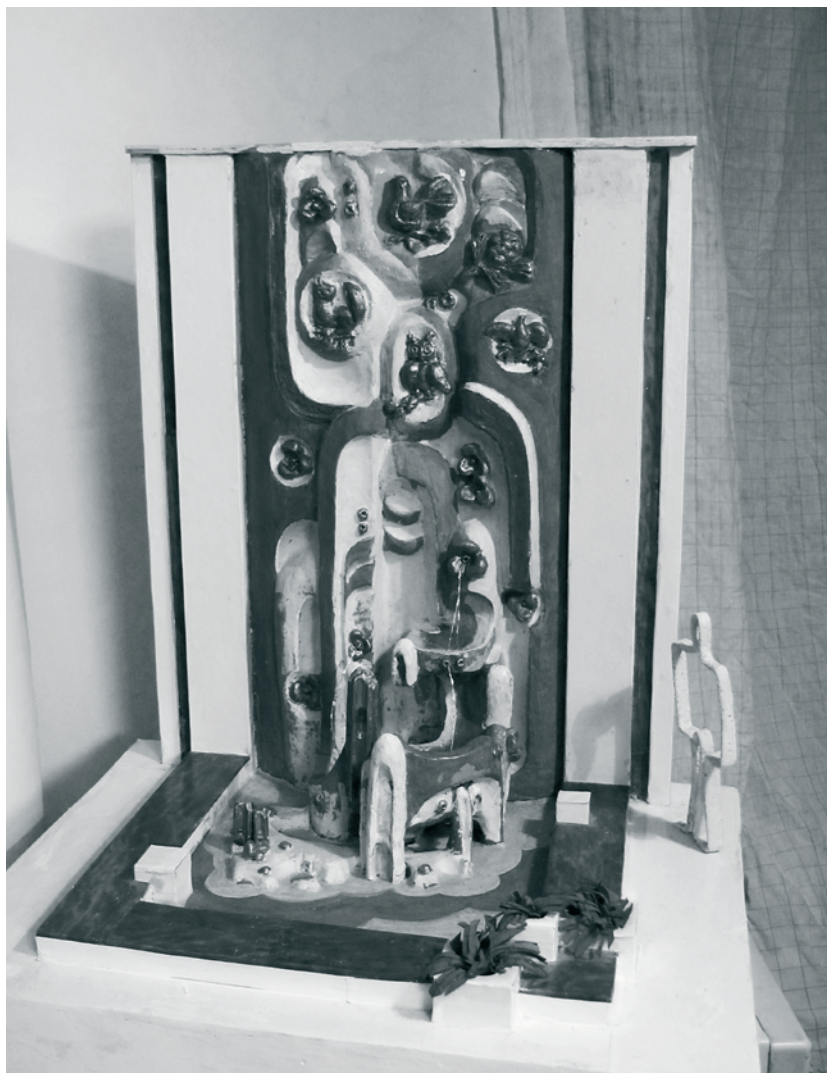
– цвет солнца и вечного изменения. «Цветы, которые роняют слезы в чашу фонтана – горький плач природы, искаженной человеком до неузнаваемости, – говорит художник. – Но золотой цвет дарует нам надежду...»

На выставке «Художник и город» директор Института промышленной экологии, доктор физико-математических наук Виктор Николаевич Чуканов, член-корреспондент УрО РАН, одобрил макет, поздравив художника с удачным решением проблемы экологии в художественной форме.

Тема взаимоотношений человека и природы никогда не утратит актуальности – пока человек живет на земле. Виталий Казанцев рассказал, что его побудило создать макет фонтана «Экология».

– Я много размышлял о судьбе нашей планеты, которую все мы непрерывно изменяем. Думаю, что каждому живущему на нашей земле человеку с детства, что называется, с игр у фонтана, нужно понять, что любой его поступок резонирует на всю биосферу, что Земля, как и все мы, живой организм.

Виталий Казанцев окончил художественно-графический факультет Нижнетагильского пединститута (преподаватели члены Союза художников России скульптор М. П. Крамской и В. М. Ушаков). В 1967 году принят в штат Свердловских художественно-производственных мастерских Художественного фонда РСФСР. В 1993 году стал членом Союза художников России. Работал в качестве доцента в Архитектурной академии (дисциплины: флорентийская мозаика и горячая эмаль). Среди учеников Виталия Казанцева члены Союза художников России. В 2001 году получил благодарственное письмо от губернатора Свердловской области за участие в выставке «Как молоды мы были». Оформлял интерьеры кафе и ресторанов, вестибюли вузов, бассейны Урала и России.

Зинаида ПАНЬШИНА
Фото: Александр ШАТУНОВ

Григорий, который вьёт гнезда

В сысертских лесах к весеннему прилёту сов построено «социальное» жильё. Десять просторных птичьих квартир изготовил и разместил в природном парке «Бажовские места» по заказу его руководства сотрудник Института экологии животных и растений УрО РАН орнитолог Григорий Бойко.

широтах практически перестали тратить силы на капитальные гнёзда. А «временками» порядочные совы брезгают, вот руководство природного парка и решило помочь им в решении «квартирного» вопроса.

Время от времени мы останавливаемся, углядев подходящее для гнездования место, добрую разлапистую сосну. Григорий выходит, чтобы убедиться в верности «первого взгляда» и зарисовать адресок. А конечная остановка – в самом сердце природного парка, куда запрещено заходить и туристу, и грибнику, и ягоднику. Эта зона закрыта для пикников, походов и прогулок, а предназначена для воспроизводства настоящих хозяев леса – животных и птиц.

– Чтобы построить правильное гнездо в правильном месте, надо вникнуть в жизнь птицы, понять её и почувствовать, где ей будет хорошо, – говорит орнитолог, извлекая из багажника топорик, кусачки, кусок тонкой проволоки, моток верёвки...

Вот, собственно, и всё, что мы привезли с собой. А основной материал – ветки, прутья, мягкую сухую траву и опавшие листья, вывернутые кабаном вверх снега вместе с кусками дёрна, – собираем прямо здесь. Ветки потолще и подлинней годятся для плетения «фундамента», местами скрепляемого проволокой. Закончив с нижней частью гнезда, Григорий ловко свивает из гибких тоненьких веточек само «жилое помещение». Впрочем, это только на словах всё делается быстро, в реальности весь процесс занял не менее трёх часов.

За работой Григорий рассказал, что природа, а особенно жизнь птиц, интересовала его с детства. Закончив университет в своём родном Львове, он стал профессиональным орнитологом и с тех пор где только не побывал, поспевая за неугомонными пернатыми – от Северного Урала до южной Индии. Изучает поведение и пути птичьих миграций, снимает на фото и видео, пишет научные статьи. Со временем из накопленного материала выйдет научная диссертация.

Последний и самый сложный этап гнездостроительства Бойко выполнял в одиночку непосредственно на дереве, неожиданно легко взобравшись по гладкому стволу сосны без специальных «когтей» и страховки на высоту не менее двенадцати метров. С помощью верёвки подтянул топорик и подтесал ложе между раскинувшимися сучьями. Потом так же на верёвке последовательно поднял обе «корзинки», из

Мужчина, который вьёт гнёзда... Разве могли мы упустить это удивительное знакомство, позволившее не только увидеть процесс своими глазами, но и принять в нём участие! И вот выдавшая виды инспекторская «Нива», то и дело ныряя в глубокие колдобины, выбитые в лесной грунтовке кабаном, везёт нас от администрации парка к будущей «стройплощадке».

– Большинство сов гнёзд не строят, а высиживают птенцов в дуплах, норах, на чердаках, колокольнях, – по пути Григорий Бойко проводит орнитологический ликбез. – Крупные неясны часто «самозахватом» селятся в гнёздах других крупных птиц, не успевших вернуться с юга. Здесь они откладывают яйца, обычно четыре-пять, высиживают их и улетают.

Оказывается, истинным благодеянием для сов в наших краях всегда была неутомимая гнездостроительная деятельность канюков, которые ежегодно сооружают для себя новые квартиры. Но в последние годы по каким-то загадочным причинам канюки в этих

которых сконструировал классическое птичье гнездо. Последним поехал вверх мешок с травой и мягкими листьями – тёплая постелька для будущих совят.

– Отличное гнездо получилось, даже слезать не хочется! – услышали мы наконец из кроны дерева, которую уже начали окутывать вечерние сумерки. А через несколько минут встретили Григория на земле.

На обратном пути все почему-то молчали, наблюдая, как темнота в лесу становится всё гуще. Наверное,

представляли, как однажды ночью по освещенным лунной верхушкам деревьев близ Кедровой горки тихо скользнёт большая тень. Сделав пару кругов над лесом, сова приметит в кроне просторное гнездо, опустится на него, сложит огромные мягкие крылья, оглядится вокруг и поймёт, что лучшего места для выпаривания потомства просто не найти. И не будет ей никакого дела до того, кем построен этот удобный дом. Главное – улетит она отсюда уже не одна, а с подросшими птенцами.

Инна ГЛАДКОВА

Иллюстрации подготовил Эдуард ГИЛЬМАН

Умереть, чтобы жить вечно

Крупные политические события в прошлой нашей советской стране, как правило, отмечались с большим размахом и с «большим разливом». Волны от партийных съездов и красных дат календаря, как в песне, катились «от Москвы до самых до окраин», сопровождались участием творческой интеллигенции, проведением различных фестивалей, дней литературы и искусства, художественными отчётами перед тружениками заводов и ферм. Много доходило и до нашего промышленного края, что, кстати, было всегда интересно.

Возьмём, к примеру, 1968й год – 50-летие со дня рождения ВЛКСМ (аббревиатура, кто не знает, расшифровывалась как Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи). Осенью в честь этой даты в Свердловске и области проходил творческий отчёт киностудии «Ленфильм». В афише было много названий лент, но мы выделим один фильм, в то время только что с огромным успехом вышедший на экран – «В огне брода нет». Первая работа в большом кино нашего земляка Глеба Панфилова, где главные роли сыграли ещё тогда молодые актёры Олег Табаков, Олег Ефремов и Инна Чурикова. В наш город смогли приехать на фестиваль только Панфилов и Чурикова (тогда они ещё не были женаты).

После торжественного закрытия фестиваля, он проходил в новом кино-концертном театре «Космос», предполагался заключительный аккорд – выступление нескольких известных гостей по телевидению. Но за круглый стол удалось собрать только двоих: Инну Чурикову (Глеб Панфилов по срочным делам отбыл в Москву) и Иннокентия Смоктуновского. Фильмы, «Гамлет», «Десять дней одного года», «Берегись автомобиля», снятые выдающимися

режиссёрами Г. Козинцевым, М. Роммом, Э. Рязановым, вознесли его на заслуженно недосягаемый актёрский Олимп.

Хотя на «Ленфильме» Смоктуновский давно уже не снимался, директор нашего областного кинопроката Ю. А. Ословский как-то уговорил эту весьма сложную по характеру кинозвезду отечественного кинематографа приехать к нам, пообещав в фестивальное турне, в частности, включить и город Алапаевск.

За телевизионным застольем разговор был, как принято, о времени и о себе. Инна Чурикова сказала, что пресса её первое появление на экране оценила неоднозначно. Одни называли созданный ею образ юной, трагически погибшей в революционной смуте талантливой художницы огромной творческой удачей. Другие пытались её лягнуть, в основном за внешность. И она попала в список самых некрасивых актрис кино.

– Писали, что с моим лицом в самый раз играть разве что Бабу Ягу.

При этих словах Смоктуновский резко вспылал, обозвал всех «прикормленных писак» невеждами. Он

угадал большое будущее актрисы. Сказал, что, к примеру, таких умных, красивых и выразительных глаз, как у неё, он в последнее время не видел ни у одной примадонны. В них светится огромный талант, который Создатель дарит только избранным. Посоветовал Инне Чуриковой творчески работать, очень много работать, не обращая внимания на досужие сплетни коллег и прессы, которые всегда сопровождают талантливых людей.

И. М. Смоктуновский приехал в Свердловск после окончания работы в фильме режиссёра Игоря Таланкина «Чайковский». Картина, где у него центральная роль, находилась ещё в монтаже, какие-то эпизоды, по словам артиста, требовали доосмысления и досьёмок. Сам он находился в большом смятении. Смог ли воссоздать на экране гения русской музыки? И возможно ли это вообще? Сожалел, что на начальном этапе не сумел приехать на Урал, в частности – в Алапаевск, где с родителями несколько лет жил маленький Петя Чайковский – напитаться волшебным озоном и музыкой природы провинциаль-

Инна Гладкова и Иннокентий Смоктуновский

ного городка, прикоснуться к роялю, который в его Доме-музее, правда или нет, но считается, что стоит с тех далёких времён, и его клавиши «помнят» прикосновения юного музыканта. Вот почему в программе визита Иннокентия Михайловича на Урал Алапаевск был обозначен особо.

И только сейчас, в этот свой приезд, по словам актёра, он смог «войти в астрал», чтобы повернуть время вспять и пройтись по тем местам, где до сих пор, безусловно, витает дух юного композитора. Этим сильным чувствам поспособствовали и бесценные коллекции Дома-музея Чайковского в Алапаевске, которые собраны, в основном, благодаря многолетним усилиям и поискам преподавателя музыки и краеведа Веры Городилиной, (позже В. Городилиной за её вклад в создание Дома-музея Петра Ильича Чайковского в Алапаевске присвоит имя Демидовского академика). Музей хранит массу весьма редких документов: ноты с автографами композитора, фотографии, письма родным и друзьям, обзорные статьи о музыкальных сезонах в Москве, переписка с постановщиками его опер и балетов, а также с известными музыкантами, с русскими и зарубежными коллегами. Отдельный зал музея собрал необыкновенную коллекцию – уменьшенное повторение музыкальных инструментов народов мира.

Словом, впечатлений Смоктуновский вынес из этой уральской поездки много, но, как сказал он тогда в телевизионном интервью, своей работой в фильме «Чайковский», хотя в нём заняты многие талантливые актёры, он лично не удовлетворён.

– Гений – товар внеземной. Не каждому веку везёт. Великий Дух Гения всегда глубоко трагичен. Окажется, чтобы он жил вечно, ему сначала надо умереть. Я должен был воссоздать на экране не принца Гамлета, которого талантливо придумал Шекспир, а реально жившего на земле гения на все времена, который был смертельно болен своей божественной музыкой. Ощутить его острое сердцебиение в глухом к талантам мире, понять психологию потрясающего мужества человека, который свой реквием – «Шестую симфонию» – практически дирижировал на собственных похоронах.

А ещё в словах Смоктуновского прозвучала горечь, что при съёмках фильма, конечно, не всё зависело от него. Напомним, что фильм «Чайковский» на экраны вышел в 1969-м, то есть год спустя после упомянутых выше событий. Действительно, он не стал сенсацией в широкой и разномастной аудитории кинозрителей и занял нешумное, но достойное место в отечественном музыкальном фильмофонде. Совсем недавно одна из программ телевизионного цикла «Легенды отечественного театра и кино» была посвящена памяти артиста уникального дарования Иннокентия Михайловича Смоктуновского. Были представлены многие его выдающиеся творческие достижения в театре и кино, но фильм «Чайковский», к сожалению, совсем не упомянули...

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для библиографического словаря)

Начало смотрите в предыдущих номерах

ГРИГОРЬЕВА Ольга Семеновна

«Работа зимазы в убитых дрожжевых клетках при различных условиях». СПб., 1904.
РНБ.

ГРИГОРЬЕВА Р.

«На ущербе». Ром. СПб., 1913.

ГРИГОРЬЕВА С., переводчица.

Вместе с А.К.Владимировой (см.) пер. «Легенды. Виттенбергский соловей» А.Стринберга (полн. собр. соч., т.Х1). М., 1911.

ГРИГОРЬЕВА Татьяна Александровна (1877 1950), исследовательница дет. чтения.

Род. в Псковской обл. Окончила гимназию и Высшие (Бестужевские) женские курсы по историч. отделению. Преподавала рабочим историю. Была сестрой милосердия в госпитале. Работала в Грибоедовской дет. биб-ке, которая стала пед. лабораторией Народного ун-та им. Шанявского. Вела работу в Ин-те дет. чтения. Авт. научных трудов: «Беседа как метод изучения детского отношения к книге» \ \ Новые детские книги. 1925. № 5; «Приемы наблюдения над дет. чтением» (1926).

Дет. писатели.

ГРИГОРЬЕВА-АЛЕКСЕЕВА Александра Николаевна (1888 — ?), авт. воспоминаний.

Работница. «Женское утро». – В кн. Женщины города Ленина. Л., 1963. С.65-70; «Впервые в России». – В кн. «Женщины в революции». М., 1959. С.93-103.
ИДРДВ. Т.4. Ч.4. Указ. имен.

ГРИГОРЬЕВА-МАННОЙЛОВА Ольга Семеновна

Препо. жен. ест.-научн. курсов Лохвицкой-Скалон, 1913.
Венгеров. Источ.

ГРИГОРЬЕВА-СИДОРОВА С..А.

Издательница «Курской газеты» (1898).

ГРИГОШИНА М.

(См. Веселкова-Кильштет, М.Г.)

ГРИДИНА Ольга Борисовна

(См. Брусилова О.Б.)

Продолжение на странице 57

Такие роли – как большая любовь

Из телефонного разговора:

– Я готова ответить на все ваши вопросы, только приходите, пожалуйста, за час до спектакля.

– А время на грим, костюм?..

– Я буду очень рано и до встречи вполне успею одеться.

Театр на Малой Бронной в Свердловске в то лето работал на самой большой сцене города – в Оперном театре. И всё равно каждый вечер у входа были охотники за «лишним» билетиком, особенно когда шли спектакли с Лидией Сухаревской – одной из великих российских актрис XX века.

Приведу несколько ёмких строк из журнала «Театр», где автор рецензии, глубоко анализируя художественный дар Сухаревской, тонко подметил, назвав её «актрисой театра и кино без амплуа». Действительно, ей подвластны были все жанры – от трагедии до гротеска, и она жонглировала этими жанрами, как цирковыми шарами. Сегодня могла играть великую княгиню Елену Павловну в фильме «Мусоргский», а завтра Пелагею-крестьянку или ополоумевшую от жажды мести миллионершу в трагикомедии Дюрренматта «Визит старой дамы». И каждая роль – это яркое явление в отечественном искусстве.

Но вернёмся к предстоящему интервью. За час до спектакля, минуя служебный вход, с магнитофоном вхожу в гримёрную. Немолодая женщина, приветливо улыбаясь, поднимается мне навстречу и предлагает поискать для записи самое тихое место. И вот, узкими коридорами и сложными переходами, выходим на чуть освещённую сцену, где всё уже готово к представлению. Она просит рабочего поднять занавес, за которым открылся уходящий в какую-то

загадочно-кисейную темноту гулкий зал. Говорит, что любит перед спектаклем слушать тишину зала. А здесь, в оперном, работать на такой огромной, специально предназначенной для музыкальных спектаклей, сцене сложно: певцы, конечно, способны перекричать даже оркестр, но и драматический актёр в этих условиях тоже должен рассчитать своё «соло» так, чтобы его услышали не только в партере, но и в ложах, бельэтаже, на балконах. А вообще, о нашем для оперных постановок театре актриса сказала много лестных слов, нашла его самым красивым зданием в городе. Напомню: здание только что было капитально реконструировано. Всё блесло: новый бархат кресел, новый занавес, щедрая позолота балконов. Во всём ощущалась праздничная атмосфера.

Всё интервью с Лидией Сухаревской приводить не буду, оно большое. Выделю лишь то, что меня поразило и врезалось в память.

Корр. – Скажите, что бы вы сами, анализируя своё творчество, поставили на первое место: театр или кино?

Л.С. – Вообще у меня было три любви, но одна была без взаимности. Это – кино. Я сыграла в нескольких фильмах, таких, как «Василиса Прекрасная», «Бессмертный гарнизон», «Она вас любит», «Анна Каренина», «Мусоргский». За последний получила даже Государственную премию. Но кино всё-таки меня не полюбило. И я его тоже. Не потому, что роли были не главные или я там что-то не доиграла. За эти работы я не краснею. Однако тогда кинематографу больше

требовались девицы-красавицы, и не обязательно талантливые. А я – нестандартный типаж. И кино всё-таки мёртвое искусство.

Другое дело театр – сиюминутный живой организм, когда на тебя устремлены сотни глаз. И со сцены ты должен так распахнуть своё сердце, чтобы заставить зрителей поверить, будто прямо сейчас происходит чудо. И если по залу пошёл трепет, ты ощущаешь – получилось!

Начинала я ещё до войны в театре комедии, у известного режиссёра Акимова. Говорят, даже блистала там. Но потом – так семейно сложилось – из Ленинграда переехала в Москву, где поменяла несколько театров. Кто-то говорил, что у меня несносный характер, в прессе об этом писали: «по чисто творческим соображениям». Во всяком случае, мы с мужем и постоянным партнёром Борисом Тениным уходили сами. В этом театре на Малой Бронной сегодня нам комфортно.

– А третья любовь, или это секрет?

– Конечно же, нет! Хотя эта любовь и поздняя. Так произошло: я не потеряла молодого ощущения жизни, взялась за перо и пишу пьесы. Причём я ещё далеко не выговорила. Одну пьесу удалось даже поставить. Это – мой рассказ, моя версия о жизни гениальной французской певицы Эдит Пиаф, о её звёздной и трагической судьбе. Хотите, я сыграю вам один фрагмент?

– !!!

– Только отойдите шагов на пять к авансцене, мне нужна некая дистанция. И представьте, что перед вами двое: он и она, их трагический разрыв, но мы слышим только её голос.

Монолог Эдит Пиаф длился, кажется, минут десять, я ощутила гипноз, слушала, забыв, что передо мной актриса. Это была Душа у края пропасти, измученная неразделённой любовью. Это был крик израненной птицы, в котором обжигало всё: страсть и боль, горечь от явной измены, ревность и упрёки, унижение и проклятия, и снова, несмотря ни на что, готовность простить.

Напомню, эти десять минут Сухаревская играла при пустом зале. Потрясающе гениально играла. Играла только для меня одной (актрисы давно уже нет, но магнитофонная лента сохранила эту драгоценную звуковую страницу её творчества).

А ещё спустя несколько минут, когда в театре дали третий звонок, на сцену вышла та же актриса, но уже совсем другая женщина – весёлая, остроумная, тоже не очень состоявшийся в любви человек, но заряженный оптимизмом.

– Такие роли, – сказала она, – встречаются, как большая любовь.

Поясню, в тот вечер в театре давали весьма популярную и сегодня, с элементами сложнейшей эксцентрики, «Старомодную комедию» по пьесе Алексея Арбузова, в которой с оглушительным успехом играл в то время лучший звёздный дуэт страны: Борис Тенин и Лидия Сухаревская.

Начало смотрите на странице 55

ГРИДНИНА Мария Георгиевна (псевд. Величина, М.Г.), драматург.

Пер. пьесу Анри Бека «Марионетки, или цари биржи и парламентарии» (совм. с Ф.Д.Гридниным) – Величина, М.Г. и Г***; вместе с Ф.Д.Гридниным пер с франц. пьесу «Апаш, или бульварный щеголь». М., 1910. – Г.; Масанов.

ГРИКУРОВА Вера Михайловна

Сотр. кавказских изданий. Криптоним – Т-на, В. Масанов.

ГРИН Анна

Авт. ром. «Тайна шепчущих сосен» – «Новое слово». 1911. № 6 и далее.

ГРИН Мария

«Первые уроки домашней гимнастики. Упражнения с шестом». Изд. 2-е. П. и М., 1915.

ГРИН (псевд?) С., врач (1900)

Венгеров, Источ.

ГРИНБЕРГ Анна Филипповна (1882 – ?), дет. писательница.

Род. в семье инженера путей сообщения. Училась в Париже, получив юридич. образование. Возвратившись в 1915 на родину, поселилась в Киеве. В 20-х гг. в киевском журнале «Ковер-самолет» были опубл. ее «Короткие рассказы». Несколько рассказов и пов. посвящены В.И.Ленину. Выпустила два сб. рассказов детей. Авт. дет. книжек: «Рыбий жир» (1928); «Цари и революционеры» (1930) и др. Была редактором сб. «Рассказы беспризорных». – М.-Л., 1925.

Дет. писатели; Мацуев; Богомолов.

ГРИНБЕРГ Изабелла Иосифовна (1898 – 1956), переводчица, дет. писательница.

Род. в Самаре. Училась на юридич. факультете Петроградского ун-та. Работала в Петрокоммуне – машинисткой, конторщицей, затем была технич. переводчицей. С 1937 работала в журн. «Чиж», с 1940 – в «Работнице и крестьянке». В 1942-44 была в эвакуации на Урале, в Перми, работала в райкоме комсомола, в облоно. Какое-то время была секретарем Ю.Н.Тынянова – он диктовал ей в Перми последние главы «Пушкина» (См. Е.Г.Полонская. Города и встречи. М..2008) К худож. переводу обратилась в 1923 г. Переводила с немецкого. Отдельно изданы: Л.Франк «Буржуа» (1934); Ф.Верфель «Верди» (1925, в соавт. с Д.Горфинкелем); А.Ландсбергер «Эмиль» (1928); Г.Лорбеер «Фосфор» (1931); В.Шенштед «Мы боремся» (1932, пер. и обраб.); А.Зегерс «Попутчики» (1934); Т.Манн «Новеллы» (1935); кн. О.-М. Графа «Тяжелый торг» (1925), «Один против всех» (1936).

Продолжение смотрите на странице 69

Весь Божий мир для встречи

«Я была арестована в поезде адмирала Колчака и вместе с ним. Мне было тогда 26 лет, я любила его, и была с ним близка, и не могла оставить этого человека в последние дни его жизни. Вот, в сущности, и все».

Я НЕ ГОВОРИЛ ВАМ, ЧТО ЛЮБЛЮ ВАС

1914 год. Осенний день – мокрый и тоскливый, с низким, серым, словно затянутым пороховым дымом, небом. На перроне Финляндского вокзала шумно и суетно – дали отправление поезду на Гельсингфорс, и все пришло в движение. Отъезжающие заторопились к своим вагонам. Провожаящие растерянно размахивали руками и кричали прощальные слова, громко плакал ребенок на руках у молодой женщины – ее целовал сам готовый вот-вот расплакаться безусый еще мальчик в форме лейтенанта флота.

– Анечка, осторожно... – Сергей Николаевич взял жену под руку, отвел ее в сторону. – Ну, что ж, давай прощаться!

Флаг-капитан Сергей Николаевич Тимирев получил назначение в Гельсингфорс, в штаб командующего флотом. Он должен был уехать, но семья – жена Анна Васильевна и сын Володя, родившийся в октябре, пока оставались в Петрограде – в унылом, подавленном городе, в котором, казалось, не было ни одного дома, где зеркала не были бы занавешены черными покрывалами – первые же месяцы войны выкосили всю гвардию

Мимо них быстрым, стремительным, летящим шагом, не глядя по сторонам, прошел невысокий широкоплечий офицер – она успела только заметить орлиный нос и словно из камня высеченный профиль.

– Знаешь, кто это? – с почтительным уважением в голосе спросил ее муж.. – Колчак Полярный.

Ей ничего не сказало это имя.

Пять лет спустя на допросе в иркутской тюрьме председатель Чрезвычайной комиссии Чудновский спросит, буровая ее колючим взглядом черных глаз: – Вы настаиваете, гражданка Тимирева, что являетесь гражданской женой адмирала Колчака?

– Да! – твердо ответит она.

– А он отказался это подтвердить, – и Чудновский усмехнется презрительно сухими узкими губами.

Анна вернется в холодную сырую камеру ошеломленная, растерянная, подавленная. Отказался? От нее? Как такое может быть? Неужели она настолько безразлична ему, что он не хочет даже позволить ей умереть рядом с ним?

– А что же вы хотели, голубушка, – успокоит ее умудренная жизненным опытом сокамерница, – чтобы дворянин, русский офицер потянул вас за собой на виселицу?!

Они познакомятся в Гельсингфорсе, куда ранней, стылой весной 1915го года приедет к мужу Анна Васильевна Тимирева. После сумрачного, скорбного Петрограда Гельсингфорс станет для нее городом-праздником – легким, светлым, воздушным. Война на море не похожа на ту, что ведется на земле: моряки или гибнут вместе с кораблем, или возвращаются из похода к женам и детям. И тогда начинается праздник.

Центром его – и не для нее одной – был Александр Васильевич Колчак. Его любили: женщины – за то, что умел красиво ухаживать, мужчины – за то, что давно уже стал легендой. К тому времени Колчак побывал в водах четырех океанов и двадцати морей, обошел вокруг Земли, участвовал в прославивших его полярных экспедициях, выпустил две

Анна Васильевна Тимирева . Справа – фото Анны в национальном костюме. Эту фотографию Колчак всегда носил с собой.

книги, выступал с докладами в Русском географическом обществе, заслужил ряд русских и иностранных орденов.

Они встречались едва ли не каждый вечер – то в одном доме, то в другом, и каждый раз почему-то оказывались рядом, и проводили часы в долгих разговорах, в прогулках по саду, почти не замечая окружающих... «Не надо, знаете ли, расходиться, – говорил он, – кто знает, будет ли еще когда-нибудь так хорошо, как сегодня». Он был старше на 19 лет: ей – двадцать один, ему – сорок, но этой разницы в возрасте словно не существовало.

Впрочем, за ней, не боясь вызвать ревность мужа, ухаживали и молодые офицеры, и разве могло это не нравиться ей – веселой, красивой, слегка легкомысленной, насколько может быть легкомысленной в ее возрасте замужняя женщина, получившая хорошее воспитание. И поведение Колчака не давало ей повода думать, что его отношение к ней иное, чем у других.

Как-то вечером Анна Васильевна возвращалась домой одна. Сыпал с неба мелкий холодный дождь, в лужах отражались огни синих, словно больничных лампочек, фонарей – шла война, и в Гельсингфорсе, как в каждом прифронтовом городе, действовало затемнение. Она шла и думала о том, как тяжело действует на них на всех война, как страшно каждый день ожидать беды, черных вестей, страшно за маленького сына. Она не сразу заметила Колчака, шедшего ей навстречу. Они остановились, поговорили минуты две, не больше, договорились увидеться в компании друзей и разошлись... И вдруг она подумала – отчетливо и ясно: а вот с ним я бы ничего не боялась! И тут же: какие глупости могут прийти в голову!

Это были странные отношения. У него – жена Софья Федоровна, красивая, умная, самоотверженная, сын Славушка. У нее – муж, флаг-капитан штаба Балтфлота, герой Порт-Артура, вдвое старше ее, и тоже сын – единственный и горячо любимый. Но разбуди ее среди ночи, спроси, чего она хочет – и она бы ответила: увидеть Александра Васильевича!

И он рвался в Гельсингфорс из очередного похода и считал его лучшим городом в мире, потому что там жила Анна Васильевна – женщина его мечты. И был счастлив от одной лишь мысли, что снова увидит ее.

Они оба молчали, скрывая друг от друга то, что от самих себя скрыть уже не могли – наверное, им обоим так было легче. Она была дружна с его женой, и вот что странно: Софья Федоровна не могла не видеть симпатии мужа к молодой красивой женщине, но от чего-то не предпринимала ничего, чтобы остановить его. А как-то раз сказала своей подруге, жене адмирала Развозова: «Вот увидите, Александр Васильевич разведется со мной и женится на Анне Васильевне...».

В июле 1916-го Колчак был назначен командующим Черноморским флотом. Его провожали в Морском собрании в Катринентале – в парке, посаженном в окрестностях Ревеля Петром Великим в честь жены

Екатерины. Стояли чудные белые ночи, наполненные тишиной и запахами цветущих растений. Казалось, что война осталась где-то далеко, да и была ли она, в самом деле. Может, это лишь выдумки досужих писак, зарабатывающих гонорары на рассказах о крови и смертях? Здесь, в каштановых аллеях Катринентала, в залах Морского собрания гуляли нарядно одетые женщины, морские офицеры, вернувшиеся из похода, смеялись, отбросив воспоминания о том, через какой ад пришлось им пройти, чтобы вернуться в этот тихий приморский город, и пили вино, и были счастливы, что остались живы.

Анна Васильевна и Александр Васильевич бродили по парку рука об руку, говорили о вещах отвлеченных – о том, как коротко на Балтике лето, о новом его назначении, о детях – Славике и Володе... «Как хорошо, – думала она, – как хорошо идти с ним, слушать его голос, смотреть в его глаза, ловить его улыбку... И ничего не надо больше – просто быть рядом! И как горько оттого, что завтра все закончится...»

Он уезжал, шла война, и могло так случиться, что они больше никогда не встретятся. Никогда... Думать об этом было невыносимо.

– Я люблю вас... – сказала она ему – романтическая барышня, вдруг возмнившая себя Татьяной Лариной.

Колчак растерялся – настолько неожиданным было это признание. Остановился, посмотрел на нее пронзительно – Анна Васильевна выдержала этот взгляд. Она ничего не просила, ничего не хотела от него. Разве только, чтобы он вспоминал о ней – ну, хотя бы иногда.

– Я не говорил вам, что люблю вас, – помедлив, ответил адмирал.

– Нет, это я говорю: я всегда хочу вас видеть, всегда о вас думаю, для меня такая радость видеть вас, вот и выходит, что я люблю вас.

Он взял ее руку, поднес к губам.

– Я вас больше, чем люблю.

Расставаясь, он просил у нее разрешения писать ей. Она разрешила...

ГЛУБОКОУВАЖАЕМАЯ АННА ВАСИЛЬВЕНА

Первое письмо от Колчака пришло спустя две недели. Она все еще жила на даче на острове Бренде под Гельсингфорсом – с сыном и друзьями. Они сидели на ступеньках террасы, любуясь закатом, когда к дому вдруг подошел огромного роста матрос Черноморского флота в сопровождении маленькой горничной Софьи Федоровны Колчак. В руках у него было письмо. Матрос передал его Анне Васильевне и сказал, что адмирал просит ответа.

Повисла эффектная пауза. Евгения Ивановна Крашенинникова, подруга, отвернулась, пряча улыбку. Она, одна из немногих, была посвящена в сердечные тайны хозяйки дома. Ее муж застыл в недоумении.

– Анечка, душа моя! – смущенно косясь на гостей дома, окликнул жену Сергей Николаевич Тимирев. – Налей нам, пожалуйста, чаю.

Она отложила письмо – муж, приехавший навестить семью на один лишь день, возвращался на корабль, и нужно было проводить его... Но скрыть радость было невозможно.

Вечером Анна Васильевна распечатала конверт. Письмо начиналось со слов: «Глубокоуважаемая Анна Васильевна» и заканчивалось так: «Да хранит Вас Бог. Ваш А.В. Колчак». Он писал его несколько дней – в ставке у царя, потом в море, куда вышел сразу по приезду в Севастополь. Он писал о задачах, которые поставлены перед ним, о том, как он мечтает когда-нибудь снова увидеть ее. Тон был очень сдержанный, но тем не менее от письма исходила удивительная сила его чувства к ней, чувства, которого она от него никак не ожидала.

Так началась их переписка, так их любовь вошла в Историю.

А. В. Колчак:

...Прошло два месяца, как я уехал от Вас, моя бесконечно дорогая, и так жива передо мной картина нашей встречи, ... без Вас моя жизнь не имеет ни того смысла, ни той цели, ни той радости. Вы были для меня в жизни больше, чем сама жизнь, и продолжать ее без Вас мне невозможно. Все мое лучшее я нес к Вашим ногам, как бы божееству моему, все свои силы я отдал Вам.

А. В. Тимирева. 8 августа 1916 года:

...Несмотря на тысячи верст, лежащие между нами и X времени перед возможной встречей, мне кажется, что у меня нет более дорогого и близкого мне друга, чем вы, Александр Васильевич.

А. В. Колчак. 26 марта 1917 года:

В Вас, в Ваших письмах, в словах Ваших заключается для меня все лучшее, светлое и дорогое; Но я никогда не думаю о Вас так много и с такой силой воспоминаний, как в трудное и тяжелое время, находя в этом себе облегчение и помощь.

А.В. Тимирева. 19 августа 1916 года:

Почти в каждом вашем письме вы пишете о том счастье, которое я даю вам. Не могу передать Вам того странного чувства, с которым я читаю эти слова – я совсем не заслужила их, не ценю себя настолько, чтобы думать, что действительно мое отношение к вам может называться счастьем, и испытываю чувство неоплаченного долга по отношению к вам.

Он писал ей о трудностях флотской службы, об успехах и поражениях, о своих соображениях, касающихся военных и политических событий, сотрясающих Россию. Она в ответ сообщала новости о людях, которых оба знали и любили, о том, чем живет и дышит уставший от войны революционный Петроград.

И в каждом письме – «Дорогой Александр Васильевич...», «Глубокоуважаемая Анна Васильевна...».

Она вышла замуж совсем еще девочкой – в восемнадцать лет, за своего троюродного брата, бравого морского офицера, героя русско-японской кампании.

Он вскружил ей голову – она влюбилась и приняла предложение руки и сердца. И, наверное, была бы счастлива...

Но рядом с Колчаком меркла позолота на любых погонах. Она любила не адмирала, не командующего флотом, не удачливого офицера – прошло лишь несколько месяцев, и удача отвернулась от него, как оказалось, – навсегда. Она любила мужчину – сильного и слабого одновременно, жесткого и нежного, целеустремленного и раздираемого противоречивыми чувствами. Она прощала ему ошибки, каких сам себе он простить не мог – и давала надежду на удачу. И ничего не просила для себя.

Она была избрана судьбой – в тяжелые дни для России и для Колчака, от России себя не отделявшего, стать его ангелом-хранителем. Понимала ли она это тогда?

В октябре 1916 года в Черном море взорвался флагманский корабль – «Императрица Мария», на котором ходил Колчак. Для командующего флотом гибель корабля стала жестоким ударом.

«Мое личное горе так велико, – сухо писал он морскому министру И.К. Григоровичу, – что временами я сомневаюсь в возможности с ним справиться».

Но Анна Васильевна получила совсем другие строчки: «Помогите мне! – зывал к ней Колчак, – Мне так тяжело!». Но тяжело было еще и по другой причине: Александр Васильевич был абсолютно убежден, что его несчастье должно возбуждать у любимой женщины лишь презренье. Неудачливый, потерпевший поражение, он не достоин даже ее снисхождения. Любить можно лишь победителя...

Позже, уже в 1917-м, он сформулирует в письме свое кредо: *«...Какое-то чувство, похожее на стыд, чувство боязни вызвать у Вас презрительное сожаление или что-то похожее на это – вот что я ощущаю, когда я думаю о Вас в связи с войной... Вы знаете мое credo: виноват тот, с кем случается несчастье, если даже он юридически и морально ни в чем не виноват. Война признает только победу, счастье, успех, удачу; она презирает и издевается над несчастьем, страданием, горем».*

Но тогда, в октябре 16-го, Анна Васильевна отвечает на крик его души:

«...Вы пишете о том, что Ваше несчастье должно возбуждать что-то вроде презрения, почему, я не понимаю. Кроме самого нежного участия, самого глубокого сострадания, я ничего не нахожу в своем сердце. Какую же вину передо мной Вы можете чувствовать? ...Милый Александр Васильевич; неужели же Вы считаете меня настолько бессердечной, чтобы я была в состоянии отвернуться от самого дорогого моего друга только потому, что на его долю выпало большое несчастье? Оттого что Вы страдаете, Вы не стали ни на йоту меньше дороги для меня, Александр Васильевич, – напротив, может быть...»

Они не виделись девять месяцев – «ужасные дни», пишет Тимирева. В Петрограде – Февральская рево-

люция, фронт разваливается, солдаты сотнями бросают окопы. На Балтике власть берут революционные матросы – и каждый день гибнут офицеры, цвет русского флота.

На Черноморском флоте первый месяц после революции еще сохраняется порядок: **«Мне говорили, что офицеры, команды, рабочие и население города доверяют мне безусловно, и это доверие определило полное сохранение власти моей как командующего, спокойствие и отсутствие каких-либо эксцессов»**, – пишет А.В. Колчак 11 марта.

Но обстановка ухудшается с каждым днем. В апреле командующий Черноморским флотом был вызван в Петроград для доклада правительству о положении дел. В Севастополь адмирал вернулся с глубоким убеждением, что российская армия совершенно потеряла боеспособность, а Временное правительство не имеет никакой власти.

Колчак в отчаянии: **«Позорно проигранная война, а в личной жизни – нет Вас, нет Анны Васильевны, нет того, что было для меня светом в самые мрачные дни, что было счастьем и радостью в самые тяжелые минуты... Только Вы могли мне помочь... Я понял в Петрограде, что Вы мне не верите, ...что Вы отстраняетесь от меня, ...и я понял это без слов, намеков или объяснений... Что я пережил за это время!..»**. Колчак готов порвать все, что связывало их, – по одной лишь простой причине: он проиграл – она вправе отвернуться от проигравшего: **«...Я не мог допустить мысли, чтобы я оказался вас недостойным...»**

Анна Васильевна в полном недоумении от его писем: **«Какие бы перемены ни происходили в вашей жизни, чтобы ни случилось с Вами – для меня Вы все тот же, что всегда, лучший, единственный и любимый друг... Я люблю Вас больше, чем надо, может быть»**.

Это письмо шло к нему слишком долго – десять дней! Десять дней отчаяния и почти физической боли от одной только мысли, что он потерял ее навсегда. Ее письмо вернуло ему надежду.

«Только о Вас, Анна Васильевна, мое божество, мое счастье, моя бесконечно дорогая и любимая, я хочу думать о Вас... Я буду, пока существую, думать о моей звезде, о луче света и тепла – о Вас, Анна Васильевна».

И НОСИЛО МЕНЯ, КАК ОСЕННИЙ ЛИСТОК

Революционные страсти в Севастополе накалялись. 6 июня 1917 года собрание матросов Черноморского флота постановило отобрать оружие у офицеров. Члены судового комитета флагманского судна «Георгий Победоносец» пришли к адмиралу Колчаку.

– Даже в японском плену мне оставили георгиевское оружие! – попытался в последний раз убедить своих мятежных подчиненных Колчак. – А теперь вы, русские по крови и по духу, отнимаете у меня символ чести офицера русского флота...

Он вышел на палубу и демонстративно, на виду у всей команды выбросил в море золотую шпагу, полученную им за проявленную храбрость. Через час в Петроград ушла радиограмма Временному правительству об отставке: «Оставаться на посту командующего флотом считаю вредным и с полным спокойствием ожидаю решения правительства».

Временное правительство вызвало Колчака в Петроград. Во время проводов на вокзале офицеры устроили ему овацию...

Больше на флот Александр Васильевич не вернулся. С этого момента начался его долгий и мучительный путь на Голгофу – с именем Анны на устах.

Лондон, Глазго, Атлантика, Вашингтон, Токио, Пекин, Харбин... Он хотел одного: продолжить войну с противником, пусть не адмиралом – обыкновенным солдатом, пусть не русской – чужой армии, но сражаться с Германией: **«Я желаю служить Его Величеству Королю Великобритании, так как его задача, победа над Германией – единственный путь к благу не только его страны, но и моей Родины»**.

Но куда бы ни бросала его судьба – отовсюду летели письма в Петроград, к ней – его божеству, его мечте, обожаемой Анне Васильевне. Через океаны, чужие страны, охваченную революцией и гражданской войной Россию. И где бы он ни был, весточка с Родины от той, с кем он связывал свое представление о счастье, находила его.

«Милый Александр Васильевич, – писала она ему, – далекая любовь моя!.. Я так часто и сильно скучаю без Вас, без Ваших писем, без ласки Ваших слов, без улыбки... У меня тревога на душе за Вас, Вашу жизнь и судьбу – но видеть Вас сейчас, при том, что делается, я не хочу. Я не хочу Вас видеть в городе, занятом немецкими солдатами, в положении полувоеннопленного, только не это, слишком больно...»

В феврале 17-го умер ее отец – ректор Московской консерватории Василий Ильич Сафонов, раздавлена горем мать, на руках маленький ребенок, каждое утро начинается с ожидания страшных вестей о муже, оставшемся на своем корабле с командой мятежных матросов. Рвутся связи, ломаются судьбы – одни погибли на войне, другие убиты из-за угла подлыми выстрелами в спину, третьи – арестованы и ожидают своей участи в «Крестах»... И неизвестно еще, кому тяжелее – ему, вдалеке от России, или ей, оказавшейся в самом центре событий.

В апреле 1918 года вместе с мужем Анна Васильевна выезжает из Ревеля во Владивосток – Сергей Николаевич Тимирев вышел в отставку и был командирован Советской властью на Дальний Восток для ликвидации военного имущества флота. В Благовещенске на вокзале она встретила лейтенанта, служившего когда-то под началом ее мужа.

– Хочу перебраться в Харбин, – сказал он. – Там сейчас Колчак.

Анна переменилась в лице... Это была судьба.

Первое, что она сделала, приехав во Владивосток, – написала ему, что может приехать в Харбин. Через несколько дней ей передали закатанное в папиросу написанное мелким почерком письмо от Колчака: **«Что это – сон или одно из тех странных явлений, которыми дарила меня судьба. Ведь это ответ на мои фантастические мечтания о Вас...»**

– Ты вернешься? – спросил ее муж.

– Вернусь, – ответила она.

Она ехала как во сне. Стояла весна, сопки цвели черемухой и вишней – белые склоны, сияющие белые облака. Чтобы встретиться, они с двух сторон объехали весь земной шар и нашли друг друга.

Муж писал ей письма, требуя вернуться, маленький сын жил в Кисловодске у бабушки – и за него болела душа. Она разрывалась между долгом и любовью. «Останьтесь со мной, – сказал ей Колчак – я буду Вашим рабом, буду чистить Ваши ботинки, Вы увидите, какой это удобный институт», – а она все никак не могла решиться порвать со своей прошлой жизнью.

Однажды Александр Васильевич пришел к ней в гостиницу – измученный, уставший. Они сидели поодаль друг от друга и разговаривали. Анна протянула руку и коснулась его лица – и в то же мгновение адмирал заснул. А она все сидела, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить его. И в эту минуту поняла, что никогда не уедет от него, что, кроме этого человека, нет у нее ничего, и ее место – рядом с ним.

ДО СВИДАНИЯ, ДРУГ МОЙ, ДО СВИДАНИЯ...

В октябре 1918 года Александр Васильевич Колчак, а с ним и Анна Васильевна Тимирева возвращаются в Россию – в Омск. Начинается последний акт трагедии. В Сибири и на Урале к власти пришли Сибирское правительство и Директория. Омское правительство Сибири указом от 4 ноября назначает Колчака военным и морским министром. Уже через две недели власть меняется – члены Директории арестованы, Совет министров, предпринявший попытку военного переворота, передает адмиралу Колчаку безграничную власть и титул Верховного правителя России – он, человек с громким именем и сильной волей, должен повести за собой тех, кто готов умереть за Отечество. Вот только Отечество к тому времени у всех было разное. Адмирал Колчак не сумел этого понять.

Катастрофа была неизбежна. После первых, вселявших надежду побед над Красной Армией, началось отступление. Армия разваливалась. В командном составе царили уныние и разброд. Попытки удержаться любой ценой привели к страшным репрессиям против мирного населения. Не отдав ни одного приказа от расстреле, Александр Васильевич Колчак взял на себя всю ответственность за зверства своих подчиненных. В этом состояла его высшая офицерская честь и личная трагедия.

15 января 1920 года адмирал Колчак был арестован белочехами, вопреки тому, что находился «под высоким покровительством союзных держав», и передан иркутским властям. 21 января власть в Иркутске взяли большевики.

Анне Васильевне Тимиревой, находившейся в вагоне теперь уже бывшего Верховного Правителя России, было предложено покинуть поезд. Она отказалась, решив разделить участь любимого человека.

Они сидели в разных камерах. Виделись только на прогулках в тюремном дворе – раз в день, и это было счастьем – ее и его последним счастьем. В одну из последних таких прогулок он взял ее руки в свои:

– Я думаю – за что я плачу такой страшной ценой? Я знал борьбу, но не знал счастья победы. Я плачу за Вас – я ничего не сделал, чтобы заслужить это счастье. Ничто не дается даром.

За несколько часов до расстрела Колчак написал ей записку, так до нее и не дошедшую. Десятки лет листок кочевал по папкам следственных дел.

«Дорогая голубка моя, я получил твою записку, спасибо за твою ласку и заботы обо мне... Не беспокойся обо мне... Я думаю только о тебе и твоей участи... О себе не беспокоюсь – все известно заранее... Я молюсь за тебя и преклоняюсь перед твоим самопожертвованием. Милая, обожаемая моя, не беспокойся за меня и сохрани себя... До свидания, целую твои руки».

Свидания больше не было. Его расстреляли утром 7 февраля 1920 года на берегу реки Ушаковки. Тело бросили в прорубь...

Его Голгофа на этом закончилась. Ее – только началась. За свою любовь к великому русскому полярному исследователю, талантливому ученому, адмиралу, человеку, который превыше всего ставил служение Родине, она заплатила тремя десятилетиями тюрем, лагерей, ссылок... Она заплатила высшей ценой – жизнью единственного сына Володи, расстрелянного в 1938 году за «родство» с адмиралом Колчаком.

В 1968 году ей принесли копии чудом сохранившихся в советских архивах писем, которые писал ей этот удивительный человек. Что она почувствовала, прикоснувшись к пожелтевшим листкам бумаги?

«Они на машинке, обезличенные, читанные и перечитанные чужими, – единственная документация его отношения ко мне. Даже в этом виде я слышу в них знакомые мне интонации. Это очень трудно – столько лет, столько горя, все войны и бури прошли над мной, и вдруг опять почувствовать себя молодой, так безоглядно любимой и любящей. На все готовой. Какая была жизнь, какие чувства!..»

*Полвека не могу принять,
Ничем нельзя помочь,
И все уходишь ты опять
В ту роковую ночь...
Но если я еще жива,
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе.*

В 1975 году во время похорон Анны Васильевны Сафоновой-Тимиревой друг семьи поэт Александр Величанский скажет: «Она прожила счастливую жизнь...»

Наталья ШАРНИНА
 Фото из архива В. М. Баевой

Встречи с Верой Баевой

В ТЕАТРЕ РОМАНСА

Музей писателей Урала на Пролетарской, 10 принимал любителей русского романса. Гостей встречала любезная хозяйка Анжелина Ивановна Рязанова. Пела Вера Михайловна Баева, народная артистка Советского Союза, лауреат конкурса им. М. И. Глинки, почетный гражданин Екатеринбурга, профессор консерватории, дочь города, камерная певица (лирико-колоратурное сопрано).

Публика была своя, постоянная, семейная. Аншлаги. Поклонники Веры Баевой не упустят возможности насладиться волшебным голосом певицы, встретиться в тесном кругу с трогательно нежным, деликатным, красивым человеком.

Франц Шуберт «Аве, Мария». Чарующий голос уносит душу ввысь, отрывает от повседневной суеты и насилия, бытового и виртуального. Слезы очищения. Шуберт сказал: «Боль обостряет чувства». Немало испытаний выпало на долю композитора, написавшего шестьсот песен.

Звучат романсы Э. Грига на стихи Ибсена, Гете, сказочного Андерсена.

Перед очередным романсом певица сказала:

– Сейчас у меня была встреча с детством, с одноклассницей. Трогательно.

Одноклассница Веры Михайловны Тамара Ведякина – оказалась и моей однокурсницей, студентками УПИ вместе ходили в походы.

– Мы с Верой учились десять классов в десятой школе в Первоуральске. Нас всех увлекла хоровым пением Дора Ефимовна Лерма, выпускница Петербургской консерватории, оперная певица. После революции семья Доры Ефимовны оказалась в Харбине, где певица успешно пела в театре. Харбин в то время становится центром театрального искусства на Дальнем Востоке. По возвращении на Родину Лерму обвинили в шпионаже против СССР. После пятилетнего тюремного заключения она могла жить только в провинциальных городах.

Вот Дора Ефимовна и подготовила нашу героиню для поступления в Свердловскую консерваторию. Школьная подруга продолжает:

– В школе Вера отличалась от нас очень серьезным отношением к занятиям пением. Хотя бы вот такой пример. Кто-нибудь из класса принесёт семе-

чек или халвы (а мы были всегда голодные в те послевоенные годы), а Вера никогда не угощалась:

– Мне нельзя. Дора Ефимовна говорит, что голос сядет.

Другая одноклассница Веры, Людмила Петровна Толстых, тоже участница хора Лермы, сейчас любительница и знаток итальянской оперы, вспоминает: «У Веры был клавишник оперы «Евгений Онегин», мы любили петь по нотам, а в школьном театре именно Вера много рассказывала о Собинове, Неждановой, композиторах. Так воспитывала ее Дора Ефимовна. И не только Веру, но и всех, кто пел в ее хоре».

А мы продолжаем наслаждаться пением: «Калитка» Обухова; Борисов, «Звёзды на небе»; Капри, «Люблю тебя»...

На прощанье («Давно не пела эту песню, но люблю ее и спою для вас»):

– *Хорошо пастух играет, приговаривает...*

Чувствуется в певице юмор, острый ум от простого народа и любовь к русской песне.

Спасибо вам, Вера Михайловна, за весну!

10.03.07 В КОНСЕРВАТОРИИ

Чтобы согласовать текст очерка, я, предварительно договорившись с Верой Михайловной, пришла в консерваторию.

Профессор Баева разрешила мне присутствовать на занятиях со студентами.

– Студента не должно смущать присутствие незнакомца. Артист должен быть готов петь в любых условиях.

Распеваается третьекурсница, раскосая девушка из Бурятии, Дина.

За роялем педагог. При исполнении арий из опер, песен, романсов аккомпанирует пианистка Лилия Петровна Полякова.

– *Не о том скорблю, подруженьки...*

– Стоп. Не распускай купол, не задерживай дыхание.

– Нет-нет. Язык закрыл выход воздуха....

Эти «стоп» на каждой строчке.

Педагог показывает на собственном примере, как надо спеть.

Трудиться студенту надо долго, упорно, чтобы превратить природный голос в инструмент, способный выводить не только сложнейшие рулады классических партий, но и передать все оттенки человеческих чувств – радости, печали, отчаяния.

Без труда, как известно, ничего не получится. Труд не только ученице, самому педагогу надо выдерживать эти стократные повторы, неверные звуки; порой – своевольные характеры.

– Диночка, больше у нас не будет таких разговоров? В следующий раз тексты ты будешь знать наизусть. Петь надо больше!

Катя Б. опаздывает на занятие.

– Ох, Катерина. Давай продемонстрируй свои успехи.

И-и-и-и-а-а-а-а; и-и-и-и-и-и-а-а-а-а по всем октавам.

«Гарна» дивчина с распахнутыми глазками старается:

– *Месяц мой ясный...*

– Стоп! Нет ни дыхания, ни слова, ни красоты. Ты должна осмыслить каждое слово; его надо прожить.

Я провожаю Веру Михайловну до дому. Хочется понять, как из уроженки заводского городка могла выйти Народная артистка СССР, певица школы бельканто – прекрасного пения, чарующего слушателя.

Семья Веры приехала в Первоуральск из Джамбула в 1945 году.

Пятеро детей, мал мала. Вера – старшая. Жили в заводском общежитии. Бедствовали, голодали, хворали. Отец работал на Новотрубном лекальщиком, изготавливал инструмент для прокатки, протяжки, волочения труб. В семье один кормилец.

А Вера все время пела – моет ли пол, чистит картошку, голосок звенит на все общежитие. Так и попала в самодеятельный хор.

В годы войны на Урал эвакуировались не только заводы, но и интеллигенция, в том числе политические ссыльные, «враги народа», их родственники.

И директор Новотрубного Яков Павлович Осадчий способствовал развитию культуры в Первоуральске: клуб металлургов, стадион, шефство над школами.

Так судьба послала увлеченной, трудолюбивой девочке с природным голосом учительницу пения – Лерму, которая руководила клубным хором. Хор много выступал на предприятиях, у шефов, занимал призовые места на смотрах. С первого курса консер-

ватории Вера объездила с шефскими концертами весь Урал, а позднее и всю страну.

С учителями Вере Михайловне явно повезло. Д. Е. Лерма «передала» её подруге – П. А. Ноздровской, тоже выпускнице консерватории Санкт-Петербурга. Обе певицы в четвертом «колоне» ученицы знаменитого Мануэля Гарсиа, певца, музыкального педагога, основателя школы пения в Париже.

Ученица Мануэля – Ниссен Соломан – передала искусство пения своей ученице Альме Фострем, которая в Петербургской консерватории обучала и Дору Лерма и Прасковью Ноздровскую.

Редкое везенье – быть ученицей двух педагогов одной блистательной школы. Голос Веры не ломали, не переделывали, а только развивали, шлифовали, усиливали, доводя его до совершенства чудесно настроенного инструмента.

21.03.07 ДУША НЕ ПОЕТ

Лето я жила в саду, потом навалилась общественная работа, а тут оказалось «окно» на семинаре, и я решила без согласования зайти в консерваторию. Звонить не решилась – знала, что у Веры Михайловны горе – похоронила мужа, своего Бореньку, единственного, горячо любимого. Бориса Александровича Мармылева.

Встретила, как всегда, приветливо, а глаза то скливые. Изменилась.

Похудела. Исчезла искрящаяся улыбка, особенная, «баевская».

Но появилось и что-то новое в лице, потаенная человечность, серьезность, располагающее понимание еще не высказанного мной.

Студентка ещё не пришла на занятие.

– Не могу себя настроить на жизнь. Работать надо, поднимать внучку. Как будто разрезана пополам. Во всём себя виню. С большим сердцем делал ремонт – заменяли окна. Меня берег. В субботу вынес строительный мусор, а в воскресенье... не стало. Говорил: «Я уйду раньше тебя. Не бросай пение. Не уходи от людей. Ты без этого не сможешь». Всегда обо мне заботился, о себе – мало.

Влетела яркая, рослая, длинноволосая брюнетка.

Вера Михайловна приободрилась:

– Как дела, синьорита? Как твой нос?

«Синьорита» заполнила всё пространство запахом весны, молодостью.

Разложила на рояле многочисленные ноты; свободная, с беспечной раскованностью.

Под аккомпанимент профессора распевается. Голос сильный, густой.

– Не спеши. Дыхание спокойное.

После печального разговора поражает эффект юности, кристальной чистоты звука, когда педагог показывает правильное исполнение гаммы.

Глинка. «Жаворонок». Студентка начинает с третьей попытки.

– Легатиссимо. «Между небом и землёй...»

– Гласные-то тяни.

– Лейса, нет «я». Не помнишь?

– Помню, но не делаю, – симпатично улыбается будущая певица.

Вторая пьеса на итальянском.

– Не суетись. Четко каждый звук. Следи за дыханием...

Маэстро останавливает пение:

– Что за крик-кря? В чем дело?

– Сама не пойму. Что-то давит; звук застревает, не выходит.

– Когда ела?

– Недавно. Поздно встала.

– Попробуй сначала.

– Нет. Не пойдёт. Подождём. Если не пройдет, придется на сегодня отставить. Проговори текст.

После нескольких попыток педагог прекратила пение.

Всё разложенное мигом оказалось в сумке. Распрощались после добрых советов последить за режимом. «Весна» исчезла. Концертмейстер тоже ушла – время занятий закончилось.

Вера Михайловна помрачнела:

– Боря тяжело переживал уход с работы, преждевременный, когда новые хозяева избавлялись от старых кадров. Он был референтом главного инженера. Держал руку на пульте завода, который работал как часы. Изобретатель, общественник, жил интересами завода. Не дали доработать даже до шестидесяти. Жизнь для него остановилась. Уговаривала, успокаивала, как могла. При его образованности, кругозоре, деятельной натуре стать домохозяйкой...

Он знал всё: поэзия, история, искусство. С ним было так интересно...

Без него я ничего не решала...

Я провожала Веру Михайловну до дома. Потребность все рассказать сочувствующему собеседнику очень понятна.

– Четыре месяца за полгода я моталась по гастролям. Дома была гостьей. Муж и дочку воспитывал. Я очень благодарна ему за прожитые вместе годы. Один в поле не воин. – Последние слова прозвучали очень прочувствованно, по-народному мудро.

Вера Михайловна пригласила меня на концерт в училище Чайковского.

– Первый концерт без Бори. Скоро полгода. Я не могу подводить людей. Очень переживаю, справлюсь ли.

– Но ведь вы ежедневно распеваетесь с ученицами.

– Это не то. У меня нет энергии захватить зал, слушателей. Душа не поёт.

Я обязательно пойду на концерт. Я уверена в силе воли актрисы, чувстве долга, борца. Её жизнь – подвиг, с самого детства.

Анна ИВАНОВА

Фото из личного архива В. Ц. Черни и Т. М. Матохиной

Хроника великого тренера

Маленький В. Черня с родителями

ми, ложными ударами, обманными действиями, Цзю вообще не дает боксировать противнику, а только заставляет его ошибаться и тут же, наказывая, развивает ситуацию до явной победы. В боях К. Цзю, особенно на любительском ринге, не приходилось считать ударов, кто больше нанес – бой идет, что называется, «в одну калитку». Таким боксом он выразил яркую индивидуальность, отличие данной школы от всех школ».

НЕ БЕЙ СИЛЬНО!

Судьба родителей Владимира Черни круто замешана на горечи потерь и радости потерь. Цезарь Леонардович Черня родился на Украине, мать Наталья Павловна – в Башкирии. Они встретились и поженились на Урале, где оказались, как принято говорить, случайно. Однако случайность – неосознанная закономерность.

Незадолго до войны, совсем девчонкой, Наталья приехала на учебу в ФЗУ в молодой индустриальный городок Надеждинск, который в 1939 году будет переименован в честь знаменитого летчика А. К. Серова в город Серов. Работала на металлургическом заводе.

Первый брак, первый ребенок, первое разочарование – развод. Удары судьбы нужно переносить стойко!

Однако никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. В 1942 году на другой серовский завод – механический, ставший в годы войны оборонным, с командой бойцов прибыл на работу двадцатилетний парень с удивительным именем – Цезарь.

Детство Владимира Цезаревича Черни протекало на фоне хрущевской «оттепели» и оптимистично дымящихся заводских труб. Трудное время легко прививает здравый смысл и практическую сметку. Он со старшим братом Женей с младенчества привык смотреть на мир реально. Сама пора детства давала повод беспричинно радоваться жизни.

Володю Черню с первой минуты появления на свет окружали люди, для которых риск считался самым благородным делом. Они не верили на слово, у них было заведено: если лучший – докажи! Поэтому не удивительно, что он пришел в восторг от предложения отправиться на поиски приключений в секцию бокса.

Через год на ринге его пошлют в нокаут, и он, очнувшись, будет крайне недоволен, что все так прозаически закончилось. Однако, на следующий день он вновь, как ни в чем не бывало, придет в секцию.

ТОЛЬКО ФАКТЫ

Черня Владимир Цезаревич.

Родился 18 апреля 1953 года в г. Серове Свердловской области.

Окончил среднюю школу № 20 в г. Серове, учился в Высшей школе милиции, Свердловском педагогическом институте на факультете «физическая культура»; окончил Уральский педагогический университет по специальности «менеджмент».

Заслуженный тренер СССР.

Женат; воспитывает троих детей: дочь Станиславу, сыновей Леонарда и Константина.

В настоящее время возглавляет ООО «Культурно-оздоровительный центр» в г. Серове. Депутат Серовской городской Думы.

Из книги Сергея Краснова «Поиск победной школы»: «Константин Цзю со своим тренером Владимиром Черней сумели возвести боксерское мастерство на уровень искусства. В совершенстве владея финта-

А вообще жизнь заложила в парня потрясающе веселый нрав, что просто не дало ему возможности скучно прожить свое детство.

Он писал стихи! (И скажу по большому секрету, пишет до сих пор.) В его виршах находили место и амурички со стрелами, и светлый образ вождя революции Ленина...

Подводя черту под понятие «детство», следует коротко отметить: был чересчур идейным – рьяным пионером и комсомольцем.

С 1971 по 1973-й служил на Дальнем Востоке в Хабаровске, в части, занимающейся разведкой дорог и организацией движения войск. Почти полтора года службы Владимир Черня был личным водителем коменданта Дальневосточного военного округа. Самой сложной задачей оказалось – не расстегнуть верхнюю пуговицу гимнастерки! У коменданта обычно водители не задерживались больше двух месяцев: один в самоволку уйдет, другой пива не вовремя примет. Да, не поддастся искушению – это поступок!

Лето 1972 года выдалось жарким и на погоду, и на события. Забылось уже, как-то стерлось в памяти, сколько парней полегло тогда на границе во время военного конфликта с Китаем. Это не афишировали, но это было. Владимир находился наравне со всеми в оцеплении, когда произошло то злополучное нападение. Черню ранили отверткой в область почки. Госпиталь, отпуск домой.

Когда он трясся десять суток в дороге, ему казалось, что случившаяся в мирное время нелепая война и есть самое страшное событие в его жизни. Но он ошибался.

Нет, решительно не отыскать такого времени, когда ему жилось бы безмятежно. После армии, вернувшись в родной Серов, работал сначала в автотранспортном предприятии шофером, а затем – в милиции. Служил хорошо, был свято предан делу. Один стук его форменных ботинок вызывал у начальства желание выпить ведро валерьянки. Юность легко рифмуется с бескомпромиссностью и максимализмом. Рассказывают, что принципиальность Черни носила броневой характер абсолютной неподкупности! Его друг Анатолий Костюк вспоминает, как он пришел к нему с просьбой: «Верни, пожалуйста, права одному моему хорошему знакомому. Впредь он не нарушит ни одного предписания!» Бесплезно! Отказ Черни был спокойным и твердым. А еще спустя много лет он не без гордости скажет о своем милицейском прошлом: «У меня не было ни одного нераскрытого преступления!»

А в тишайшем 1977-м, этаким апогее брежневского застоя, Владимир Черня был с шумом отстранен от занимаемой должности и предан суду. Ну, нельзя, нельзя задерживать правонарушителей, если они являются личными водителями первых секретарей горкомов партии!

После нескольких месяцев работы художником-оформителем судьба наконец-то подтолкнула Черню в спортшколу, куда в 1978 году придет заниматься мальчик с удивительной корейской фамилией – «чтобы не болтался на улице после уроков».

Косте Цзю, своему лучшему ученику, Черня, не утонувший в своем горе и ставший мудрым, как змий, откроет заповедь, звучащую, как призыв: «Не бей сильно!»

Владимир Черня в отрочестве

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Владимир Черня начал заниматься боксом с 13 лет. Высшее достижение – кандидат в мастера спорта.

Тренерской деятельностью занимается с 25 лет. Резко выделился среди других тренеров прежде всего необычным, новаторским подходом к тренировочному процессу и самому ведению боя. В основе созданной им тактики лежит здравый смысл и гибкость мышления, где есть место методу «действовать от противного», что перечеркивает многие «золотые правила» бокса.

Главные принципы Черни в работе:

...Первое правило накопления энергии – постараться ее не тратить;

...Чтобы повернуть кого-то, нужно повернуться самому;

...Правильный удар – это удар, выполненный вовремя и в нужную точку;

...Три основные условия успеха: материальная база, наличие кадров, сам ученик.

...Владимир Черня заявляет:

– Уже во всем мире признано, что бокс – это лучшее средство против сердечно-сосудистых заболеваний. В боксе присутствует ацикличность (разной) движений – шаг влево-вправо, а не как на лыжах – раз-два, одинаково. Травмы? Вы мне скажите, были ли травмы у Кости Цзю? Ни одной травмы в любительском боксе не получил! Вот однажды прыщик выдавил – началось нагноение. У него были дикие шрамы через все лицо! Три операции перенес! Ему в Америку на соревнования нужно ехать, а он на операционном столе лежит.

Что касается поединка. Не надо усугублять бой. Уже все пройдено, оговорено. Если тренер говорит перед

«Милицейский период»

боем о бое – все, такой тренер для меня не существует! Я во время боя всегда спокойно сижу, смотрю. В перерыв подсказываю. Если спортсмен управляемый (а Костя из таких), он слушает. Например, говорю: «Отвлеки противника несколько раз в корпус, у него рука повиснет – и переведи удар в голову».

Сейчас Костя стал пропускать много ударов, чего раньше с ним не случалось. А ведь он вообще может не пропускать ударов, если захочет! Разъездается, восстанавливается как-то надо. Но сегодня нет равных Цзю и долгое время не будет! По тактическим данным лучшего спортсмена еще не было!

НЕ ЕШЬ МНОГО

Черня не претендовал на призовое место в забеге всемирно известных тренеров. Просто с первого дня своей деятельности на новом поприще начал искать свои собственные методы работы. Тактика. Да что там – целая стратегия!

Для начала он устроил погребальный костер для шаблонов и стереотипов ринга, сместив фокус своего внимания в сторону внутреннего ведения боя, что позволяет практически управлять всеми действиями противника. Костя Цзю не был единственным, кто обучался этому стратегическому искусству. Но оказался самым настойчивым и аскетичным! И если у боксеров есть свой святой, то он благоволил Косте.

Победы Цзю на престижных чемпионатах обратили на него внимание ведущих специалистов в мире спорта. А о Черне заговорили уже не как о «шарлатане», а как о самобытном профессионале. Все влиятельные «тузы» признавали его талант! Но для город-

ской администрации той далекой поры он являлся воплощением всех семи смертных грехов, ураганом, не дающим ни шанса на спокойное существование. Черня без конца со свойственным ему темпераментом что-то требовал, доказывал, что давало администрации повод глядеть на него глазом обиженного зверя.

О Цзю с Черней принято думать, что с ними носились как с писаной торбой.

«Серовский рабочий». 17 февраля 1989 года:

« – Всех горожан волнует вопрос: не уедет ли наш чемпион из города?

Владимир Черня: – Если и уедет, я не удивлюсь. Ведь у него до сих пор нет квартиры. А он человек глубоко порядочный, не рвач. Сам «выбивать» квартиру никуда не пойдет... Он славил город Серов в Чехословакии, Венгрии, Кубе, ГДР, Японии и других странах. Несмотря ни на какие посулы, а они были, не променял родной город. Что же несбыточного просит он взамен? Стыдно мне перед ним».

«Серовский рабочий», 15 июня 1989 года. Статья Андрея Вострецова «Серов – Греция – Серов». «Кому за рубежом объяснишь, что лучший боксер Европы живет в тесной квартирке, что свое мокрое от пота обмундирование он после каждой тренировки без порошка и мыла стирает (купить-то негде!), а потом через всю квартиру развешивает по диагонали. ...И непонятно, откуда ждать помощи? Бумаги с просьбами о выделении жилья Константину посылались в разные инстанции. Безрезультатно. ...Костя не только лучший, он еще и самый терпеливый боксер в Европе».

Квартиру дали, если глагол «дали» уместен.

В 1991 году Константину Цзю присвоили статус почетного гражданина города Серова, а Черне – нет (ситуация сохраняется и по сей день). В том же году, зимой, Костя ушел в профессионалы и улетел в Австралию. А в 1992 году состоялась первая попытка захвата здания ДЮСШ, где раньше тренировался Костя. Безуспешно. У Черни сложно что-либо отобрать. В 1993 году в административном порядке здание ДЮСШ было «опечатано».

– Мы приехали с чемпионата мира, добившись большого успеха, – говорит Владимир Черня. – А у меня школу забирают, якобы, под столырку. Я говорю: «Ты бога бойся, ты у детей забираешь! В этом микрорайоне – пять общеобразовательных школ и спортивная посередине!» ДЮСШ – сарайка? Я ее содержал, как мог. Школа функционировала. С 1985 года я был там директором. Здание школы простояло два года, когда шум утих, его продали какой-то фирме. Нас – на улицу. Новый мэр пришел, чтобы резонанса не было, что он ничего не делает, дал здание бывшего детского сада 1938 года выпуска. А у нас – бокс, баскетбол. Команда у меня была – победители первенства СССР по баскетболу. Для занятий нужен высокий потолок, а нам дали «бомбоубежище». Спорт – это прежде всего государственность. Вот где отмывка денег идет! Да зачем мне нужен этот спорт, если он государству не нужен?! Какой я тренер? Я уже забыл, что это такое...

Однако, положив руку на сердце, заметим, что постановление администрации было правильным на все сто процентов! Здание ДЮСШ, как подтвердила комиссия из санэпиднадзора, находилось в аварийном состоянии.

Владимир Черня (слева) и Константин Цзю у поезда

Это знаменитое здание – бойлерная, бывшая котельная, для статуса какой-либо школы не подходит. (Но спортшкола была там оборудована с незапамятных времен.) Безусловно, требовались улучшения условий для занятий спортсменов. И возникает безжалостный парадокс. Получается, что Черня, отстаивавший «сарайку», не желал своим ребятам более комфортных условий? «В аварийном состоянии...» Да испокон веков ЭЭС подчинялась людям, у которых сосредоточена в руках власть в городе. Сколько детских садов и школ, дышащих на ладан, можно позакрывать, используя вполне законные основания!

В 1993 году журналист Константин Одегов снимает документальный фильм «Золотой мальчик», который прошел по ведущему каналу страны. В фильме запечатлены и «сарайка», и мало почтительные речи Черни в адрес какого-то невидимого и неперсонифицированного зла.

В 1999 году известный уральский журналист Влад. Некрасов снимает другой документальный фильм – «Уральский австрал», где есть все: и радость, и обиды, и триумф, и опять-таки «сарайка». Некрасов говорит, что отъезд Кости стал первой ступенью к «черной полосе» тренерской карьеры Черни. Позволю себе с ним не согласиться. Конечно, в связи с отъездом Кости образовалась никем не заполняемая ниша – таких, как Цзю, раз два и обчелся. Но именно случай с «сарайкой» перетасовал все карты. Надо принять к сведению: то, что совсем не страшно для мегаполиса, для провинциального городка – катастрофа.

В общем, идти навстречу заслуженному тренеру СССР – будет слишком жирно.

Но серовчане помнят и чтут своих любимцев – Черню и Цзю. Надо видеть, как светлеют у людей лица и теплеют глаза, когда они слышат, о ком их спрашивают. Черня и Цзю прочно и навсегда вошли в историю Серова, Урала, России! Ничто не возникает ниоткуда. Ни у кого не вызывает сомнений, что за великим спортсменом всегда стоит великий тренер.

Владимир Черня закончил автобиографическую книгу «В углу», где подробно рассказал о нелегком восхождении на спортивный Олимп, опровергая многие нелепые слухи и домыслы, витающие вокруг его имени и имени Кости Цзю.

Черня по-прежнему бодр и полон сил. У него есть кого любить и о ком плакать. Хотя, такие как Черня, плачут раз в сто лет.

Начало смотрите на странице 57

...Автор предисловия и редактор кн. «Женщина за рубежом» (1931). Писала рассказы и пов. для детей в основном дошкольного возраста: «Поход двенадцати» (1932); «Ветерок» (1939); «Новые друзья» (1949); «Наше лето» (1951); «Олин фартук» (1954). Работала над циклом новелл о блокаде Ленинграда «Мой дом».

Дет. писатели; Мацуев; Писатели Ленинграда (1982).

ГРИНБЕРГ, фон, Изабелла Львовна (См. Ласкос, И.Л.)

ГРИНБЕРГ-КОН Христина Григорьевна (1857 – 1942), авт. воспоминаний.

Участница народнического движения. Жена револ. и полит. ссыльного Ф.Я.Кона. «К процессу И.М.Ковальского». – «Былое». 1906. № 10. С.160-162; «Эпизод из жизни народовольцев». – «Пролетарская революция», 1922. № 7. С.241-243. «Из воспоминаний о В.Г.Короленко». – «Колосья», 1918. № 12. С.22.

ИДРДВ. Т.3. Ч.4. Указ. имен.

ГРИНБЕРГ-РУБЕЛЬ Роза, авт. воспоминаний.

«Пережитое». – «Кандальный звон», 1925. № 1. С. 34-41; № 2. С.50-56.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 4505.

ГРИНЕВА М.И.

(См. Балагина, М.И.)

ГРИНЕВА Мария Николаевна

(См. Мариуц, М.Н.)

ГРИНЕВИЦКАЯ Александра Дмитриевна (1877 – 1949), краевед, авт. воспоминаний.

Сотр. газ. «Нижегородский листок», жена ред. газеты С.И.Гриневицкого. Работала учительницей в деревне, корректором и секретарем в редакции «Нижегородского листка» и «Земской газеты». Была близко знакома с семьей Горького. «Горький в Нижнем Новгороде» \ \ «Горький на родине» М., 1937. С.235-270; «Горький и студенчество» \ \ «А.М.Горький нижегородских лет». Горький, 1978. С.164-167; «Горький и Шалапин \ \ Там же. С.168-176. После 1917 работала в губстатотделе, в крайплане; занималась краеведением. Авт статей и книг о В.Г.Короленко («В.Г.Короленко», «Записные книжки Короленко» и др.), Т.Г.Шевченко, А.С.Гациском. Оставила воспоминания о В.Г.Короленко «На Белецком хуторе: (По личным воспоминаниям)» \ \ В.Г.Короленковоспоминаниях современников. – М., 1962. С. 199-210.

ИДРДВ. Т.5. Ч.1. №№ 1227-1229.

Продолжение в следующем номере

Реквием российскому солдату

Каждый год в праздник Победы советского народа над фашистской Германией я прихожу к мемориальному комплексу в центре города, где на светлом мемориале выбиты имена погибших и пропавших без вести солдат. Давно уже погашен «вечный огонь» у стелы мемориала по причине экономии газа, покрашены мемориальные плиты серой краской, чтобы не подновлять фамилии бронзой, но родные помнят, в каком месте на мраморе высечены имена их отцов и дедов, продолжают приносить сюда гвоздики.

Ветеран войны Даниил Перник при жизни выпустил «Книгу Памяти» о Кировграде, проделав огромную работу. В этом двухтомнике можно прочесть справку, что за время войны из Кировограда было призвано в Красную Армию 7700 человек. При этом умерло в госпиталях 421, погибло в плену 22 и пропало без вести 1456 человек.

Антонине Александровне Косачевой было девять лет, когда ее отец ушел на фронт и не вернулся. С тех пор боль души незримо присутствовала в ней. Ведь по православному обычаю нельзя даже свечку поставить в храме за упокой, не зная судьбы человека, места его упокоения. Многочисленные запросы не давали результата. И только когда женщине исполнилось 77 лет, с помощью зятя, полковника российской армии, доцента одной из мо-

сковских военных академий, из Польши прислали подлинную личную карточку заключенного концлагеря.

Александр Прокопьевич Балакин, 1911 года рождения призвался на фронт в 1941 году, оставив дома жену и трех малых ребятишек. Больше его родные не видели никогда. По несчастливому стечению обстоятельств, попал рядовой Балакин в самое пекло, каким оказалось для Красной Армии освобождение города Великие Луки. Отдельная инженерная батарея танковой дивизии 22-й армии дралась против хорошо вооруженной танковой группы генерал-полковника Гота. 22-й армией командовал генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков, в Первую мировую войну подпрапорщик, который в 1934 году окончил академию им. Фрунзе и перед войной командовал Уральским военным округом. Из докладной совершенно секретной записки, датированной августом 1941 года, видно, что в танковой дивизии не было ни одного танка?! Вследствие чего у бойцов развилась танкобоязнь. Большинство дивизий армии не имели ни одного артиллерийского орудия, а в 98-й стрелковой насчитывалось лишь 50 станковых пулеметов.

Противник наступал крупными силами пехоты и большим количеством танков. По многим причинам 22-я армия оказалась в окружении, из которого вышло 20025 человек, выведено раненых за 6 дней

Типичный немецкий шталаг (стационарный лагерь для военнопленных)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26
Personalkarte I: Personelle Angaben zuletzt 308 Neuhammer Kriegsgefangenen-Stammlager: Stalag 308 (VIII)															Beschriftung der Gefangenenskarte Nr. 6759										
Name: <u>Balakin Konstantin</u> Vorname: <u>Alexander</u> Geburtstag und -ort: <u>30.8.1911. Balakina</u> Religion: <u>orth.</u> Vorname des Vaters: <u>Pavlovi</u> Familienname der Mutter: <u>unbekannt</u>															Staatsangehörigkeit: <u>Russe</u> Dienstgrad: <u>Unteroffizier</u> Truppenteil: <u>121. Inf. Div. 1. Div. 1. Arm.</u> Zivilberuf: <u>Arbeiter</u> Matrikel Nr. (Stammrolle des Heimatortes): Gefangenennr. (Ort und Datum): <u>22.8.41. 18. Luba</u> Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert: <u>ger.</u>										
Bild															Nähere Personalbeschreibung										
Größe: <u>172</u> Haarfarbe: <u>d. blond</u>															Besondere Kennzeichen: <u>keine</u>										
Fingerabdruck des rechten Zeigefingers															Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen Ehefrau: <u>Lidia Balakina</u> <u>im Trockna, -Salda, V. Republikanska</u> <u>Str. 11.</u> <u>Ort: Smolensk</u> <u>улица - Бауманова улица</u> <u>Свердловская</u> <u>7. Ленинградская</u> mit Abg. Lst. Nr. <u>148</u> des Stalag <u>308 Neuhammer</u> <u>V. Penzburger</u> <u>9. 11.</u> <u>13. 11. 41.</u>										
6759 13/11.41										
...															...										

Личная карточка военнопленного Балакина

Французская карта немецких шталагов времен Второй Мировой войны

7271, не вышло 44317, в последнюю цифру входят и убитые. Потери в материальной части огромны. Связь была только проволочная. При всем этом нетрудно догадаться о провале операции, большом количестве убитых и попавших в плен красноармейцев. Командующий 22-й армией генерал Ф.А. Ершаков в сентябре 1941 года попал в плен и умер в июле 1942 в лагере Хамельбург, пережив на год рядового Балакина.

В числе многих красноармейцев Балакин попал в шталаг 308 22 августа 1941 года, о чем свидетельствует личная карточка военнопленного, заполненная на него в шталаге. Карточки на каждого пленного составлялись с присущей немцам педантичностью. Указывались фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, вероисповедание, имя отца, девичья фамилия матери, гражданство, военное звание, воинская часть, рота, штатская профессия, должность, когда пленен, состояние здоровья, цвет волос, рост, отпечаток правого указательного пальца, фотография, предохранительные прививки во время неволи, наказание, причина наказания, лечение в лазарете, госпитале. Вряд ли были прививки и лечение, но форма есть форма.

Шталаг 308 (Нейхаммер, Свентошуб), Польша. Стационарный лагерь для военнопленных был создан 4

апреля 1941 года на территории военного округа Германии и был предназначен для приема военнопленных. На международной конференции «Советские военнопленные в Германском Рейхе, в 1941 – 1945 годах», проходившей в Дрездене 21 – 22 июня 2001 года, немецкий историк Р. Келлер высказал предположение, что в первые месяцы войны в каждом военном округе Германии существовал один лагерь, выполняющий функции основного приемно-распределительного пункта. Это положение справедливо и в отношении шталага Нейхаммер, осуществляющего распределение военнопленных в другие шталаги за пределы восьмого военного округа.

В сентябре 1941 года в шталаге Нейхаммер было зарегистрировано чуть больше 40 000 человек, среди которых и находился рядовой Александр Балакин. Свидетельство очевидца: «Среди густого векового леса ровная площадка песчаной земли обнесена сеткой проволочного ограждения. Деревья почти вплотную подступали к огороженному прямоугольнику. Перед единственными входными двойными воротами, затейливо скрученными из колючей проволоки, по обеим сторонам с внутренней стороны, образуя проход, расположены в ряд по три клетки размером 2 на 2 метра из той же проволоки. Это карцеры. Все заполнено. Свободных мест нет.

Чем-то провинившиеся имеющие силы стоят, шатаются, переступая с ноги на ногу. Большинство лежат, свернувшись калачиком, с острыми выпирающими лопатками. Тысячи советских военнопленных в одиночку и группами бесцельно бродят по этому загону.

Вторая половина сентября 1941 года. В хорошую погоду днем тепло, но ночи страшны. От холода, пронизывающего и леденящего, нет спасения. Единственное сооружение внутри загона – бетонная уборная, которая укрывает от стужи несколько десятков пленных, которые спят стоя, согревая друг друга. От невероятной тесноты упасть невозможно, но кто упал – верная смерть.

Холод заставлял зарываться в землю. Песчаный грунт легко поддается разработке. Небольшими группами в 2–3 человека желающие роют ямки, чтобы можно было, прижавшись, сидеть в них. Кто имел шинель, укрываются сверху. Так по лагерю ежедневно появлялись бугристые участки с сотнями ямок, которые зачастую превращались в могилы.

Каждый день для развлечения администрация лагеря перебрасывала через колючую проволоку в толпу руками охранников бдюкву. Перебрасывали в разных местах и в разное время. Потерявшие от голода и холода разум тысячи людей набрасывались на бдюкву, металась от одного места к другому. Десятки трупов оставались на местах труднообозримых свалок. Ямки-укрытия затаптывались, и из них торчали вверх ноги, руки, туловища. На следующий день все повторялось заново. Каждый день уносил оставшиеся силы.

Решили сделать подкоп и бежать через колючку. В группе из десяти человек хорошо помню русского Сулова, механика ЦАГИ, юркого Андрея из Донбасса и почти мальчика Павлика Стенькина. Копали руками в промежутках вспышек осветительных ракет. Когда подкоп был почти готов, в полдень следующего дня, ворвавшись в лагерь, охрана палками и прикладами отделила от общей массы в районе подкопа несколько сот русских. Появились офицеры. Подкоп обнаружили по случайному обвалу».

Рассказывает бывший пленный Андрей Александрович Погожев: «Конечно, были случаи побегов. Но неудачные, беглецы арестовывались и расстреливались. В лагере хватало провокаторов, продлевающих себе жизнь за миску баланды. Виновных наказывали. Сильно били и заставляли заползать в так называемые «колодцы» – четыре столба с натянутой между ними колючей проволокой. Попасть туда можно было, только раздвигая эту проволоку руками, и надо было делать это быстро, рвется кожа на руках и на всем теле. В «колодцах» простаивали по трое суток, после чего везли в Освенцим».

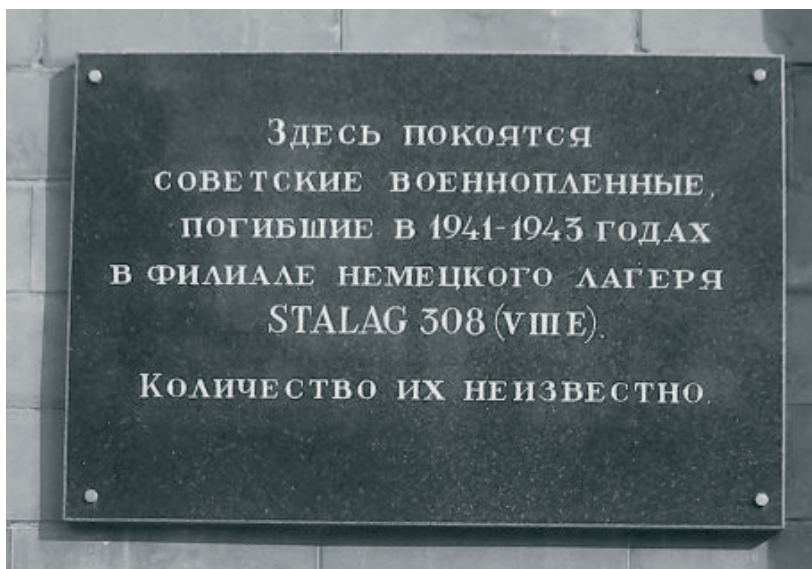
Свидетельство другого очевидца, М.С. Лузина: «Каждое утро увозили на фургонах по 200 человек мертвцов. Питание один раз в сутки – суп из бдюквы и шпината. Ночью холод, днем снова дубинки и стрельба из автоматов по живым мишеням. Много больных тифом. На работы угоняли на сельхозгодия и на промышленные предприятия. Сведения о рабочих командах важны в той части, что когда смерть военнопленного происходила не в самом шталаге, то в этом случае захоронение могло производиться на местном кладбище и в ряде случаев фиксироваться в местных документах».

На рубеже 1941 – 1942 годов в шталаге Нейхаммер от сыпного тифа умерло от 4000 до 6000 военнопленных. Эпидемия тифа была преодолена только в феврале 1942 года, но рядовой Александр Балакин до этого дня не дождался.

Пробыв в плену три месяца (с 22 августа 1941 года), он умер от голода и холода 13 ноября 1941 года. Причина смерти в его персональной карточке обозначена одним словом «ослаб». Там же в лагере 30 августа ему исполнилось 30 лет. Похоронен в польском городе Тарновске Гуры на интернациональном кладбище, расположенном по улице Кардинала С. Вышинского. Там захоронено 1122 советских солдата в двух братских и 151 индивидуальной могиле. Позднее туда же были перезахоронены эксгумированные останки еще 600 советских военнопленных. За могилами ухаживают.

Вот такая печальная история рядового Балакина, простого российского солдата, которому не суждено было увидеть Победу, не суждено растить детей, увидеть внуков и правнуков, погибшего в лагере на чужой земле из-за глупости и непрофессионализма крупных военных начальников.

И еще хорошо, что его старшая дочь, живущая сейчас в поселке Левиха Кировградского округа, нашла место упокоения своего отца. А сколько родных не знают и никогда не узнают, где могилы их отцов и дедов и есть ли у них могилы. Почему бы нынешним школьникам не организовать поисковые отряды, благо для этой цели сегодня можно использовать Интернет. Вместо этого педагоги устраивают в школах дискотеки, песенные и другие развлекательные праздники, страна превращается в «Иванов, не помнящих родства».

Шарташские Каменные Палатки. Фото 1872 года.

Владимир ТРУСОВ

Фото предоставлено автором

Среднеуральские жертвенницы

Вокруг Екатеринбурга неведомая сила создала замечательные природные памятники скалы-останцы: Шарташские Каменные Палатки, Чертово Городище, Соколиный Камень, Палкинские Каменные Палатки и другие.

Одним из первых о Шарташских Палатках написал М. О. Клер в статье «О каменных палатках» в журнале «Записки УОЛЕ», 1874. Т. I. С. 95–96.

«Близ Екатеринбурга, а вероятно и в других частях Уральского края, местные жители называют «каменными палатками» такие обнажения горных пород, которые выдаются в виде развалин или построек, большей частью на вершине гор и холмов, а иной раз в середине более или менее ровной местности. Когда эти скалы представляют издали вид башен, то их называют «чертовыми городищами».

На первый раз мы помещаем здесь фотографический снимок Шарташских Каменных Палаток, возвышающихся на холме между Екатеринбургом, Большим и Малым Шарташскими озерами в 3–4 верстах от города. Они состоят из гранита, слоистое сложение которого, прежде всего, бросается в глаза. Произшли ли эти скалы от растрескивания верхних слоев полужидкого гранита, образовавшего во время своего поднятия большие пузыри, которые потом застыли в виде эллипсоидов, как предполагает Леопольд фон Бух в русском переводе Бека («Горный журнал», 1851, кн. II, с. 16–208), а за ним и Г. Е. Щуровский («Геологическое путешествие по Алтаю», М., 1864, с. 92–102, с. 314–324 и таблицы IV, V, VI и особенно XVI)1, или иным путем, пока нам неизвестно. Чтобы определить, представляют ли эти слои эллипсную форму или нет, необходимо будет весьма подробное исследование этого обнажения, а также и другого обнажения слоистого гранита, разрабатываемого влево от Сибирского тракта на бой версте от города.

Трусов Владимир Александрович – автор более 150 статей на исторические, родоведческие и краеведческие темы. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Веси», в альманахах и сборниках. Живет в Первоуральске.

Странно только то обстоятельство, что ни один из знаменитых геологов, путешествовавших по Уралу, не описал эти «палатки», по крайней мере, ни Гумбольдт, ни Розе, ни Щуровский, ни Гофман не упоминают их; Гофман даже объехал их кругом и описал второе попутное обнажение («Горный журнал», 1866, № 5), но их не видел.

Если эти «каменные палатки» остались до сих пор неизвестными ученому миру, зато местные жители помнят, как густой лес покрывал всю эту местность и в ней скрывалась шайка разбойников; уверяют даже, что у самых этих «палаток» разбойники раскупоривали и распивали только что сворованный чай. Это, конечно, не имеет особенной важности для геолога, но этнограф увидит в этом предании проявление нравов, следы которых еще не вполне исчезли.

В настоящее время этот холм, как и вообще окрестности Екатеринбурга, лишился векового своего лесного покрова. Кроме жалких сосен, на самой скале (по указанию О. Е. Клера) растут шиповник, малина и костяника, орлик, мелкий папоротник, колокольчики, молочай и некоторые мхи и лишай; на холме около самой скалы попадает много герани, клевера пятилистного, фиалок, кошачьи лапки, осока и пр.».

Затем мне встретилась любопытная заметка в газете «Екатеринбургская неделя» за 25 августа 1896 года: «Чертowego городбище или каменные палатки». «Вероятно, многим из екатеринбуржцев случалось не раз бывать на берегу Шарташского озера, местность вокруг которого чрезвычайно красива и обратила на себя внимание даже иностранных гостей, в числе которых был и барон де Бей. Эти громадные городбища невольно переносят воображение в ту седую старину, когда бродили тут, быть может, еще люди пещерного периода. К сожалению, вокруг озера находятся каменоломни, при эксплуатации которых жителями Екатеринбурга и его окрестностей, разумеется, разрушаются мало-помалу каменные громады, представляющие глубокий интерес в геологическом отношении, и в не-

далеком будущем от этих памятников старины не останется и следа, так как, подработанные ломщиками, громады могут рухнуть сами собой. Ввиду сохранения в дальнейшем «городбищ» и «палаток» следовало бы воспретить ломку камня, отведя другое место, в которых недостатка не встретится».

Есть в окрестностях Екатеринбургa созданные человеком каменные памятники – дольмены. Их исследованием и учетом занимается группа под руководством путешественника Алексея Викторовича Слепухина. Уже найдено более двухсот дольменов.

Но присутствует еще один вид памятников на скалах – это жертвенницы. Пока непонятно их происхождение – то ли природа их

сотворила, то ли люди сделали. Возможно, что дольмены и жертвенницы из одного времени.

Вероятнее всего, чаши использовались при культовых обрядах – жертвоприношениях разным богам, поэтому они и получили название жертвенниц. Чаши находятся и на высоких скалах, и на берегах водоемов, например, у озера Песчаного. При жертвоприношениях руководящую роль играл шаман. Он обладал навыками общения с духами, в ходе обряда в него входила магическая сила. Шаман предсказывал погоду, помогал удачной охоте, рыбалке, излечивал болезни, предсказывал судьбы людей.

По версии Владислава Георгиевича Карелина, большая ось чаши могла указывать торговым людям в

ранние времена направление при переходе Уральского хребта с востока на запад (и наоборот). И ничего не значит, что большие оси чаш показывают разные направления. Наверное, учитывался обход болот и т.д. Но возникает вопрос: в каком направлении двигаться путникам, если чаша круглая?

Существует высказывание Марины Сергеевны Середы о скальных останцах, которое касается нашей темы. Древние люди могли чувствовать энергию останцев и поэтому делали жертвенницы на вершинах скал. «Не только глубинные разломы обладают высокой активизацией физических полей (электрического, магнитного, гравитационного, теплового) и высоким напряжением геоэнергии. Не менее мощные силы земли концентрируются в местах над возвышенностями. Линии, соединяющие точки скопления этих полей, и образуют так называемые энергетические аномалии. Но сказать точно, в каком именно месте происходит выброс (либо утечка) энергопотока, нельзя. В одном случае это может быть пересечение подземных водоносных горизонтов (перетекание воды из одного массива в другой с разными давлениями ведет к высвобождению энергии), в другом – наличие

скальных останцев, которые служат конденсаторами подземной энергии, в третьем – обычные строения (или их развалины), игравшие роль проводников, связующих подземные и атмосферные энергетические поля».

О чашечных камнях пишет В. Д. Кубарев в своей статье «Чашечные камни Алтая» («Материалы по археологии Алтая». Горно-Алтайск, 1986):

«Каким же образом выяснить культурную принадлежность, время сооружения и, наконец, назначение стел с р. Теньги. Оказывается, кроме Алтая, подобные стелы, получившие название чашечных камней, известны в большом числе далеко на западе. Очевидно, самым ранним памятником подобного типа можно считать плиту с чашевидными углублениями из мустьерской стоянки Ла-Феррасси (В. И. Равдоникас. «История первобытного общества». Л., 1939). Камни с чашевидными углублениями, сопровождаемые рисунками палеолитического облика, есть и во Франции (Ян Елинек. «Большой иллюстрированный атлас первобытного человека». Прага, 1972). Чашечные углубления выбиты на стеле III тыс. до н. э. из Бахчи-эли под Симферополем (А. А. Формозов. «Пластика перво-

бытного искусства на территории СССР. М., 1980). Характерны аналогичные памятники для Северного Причерноморья и Азербайджана. «Такие чаши на камнях выдалбливали в самые разные эпохи в практических, и в культурных целях... В XIX в. этнографы неожиданно обнаружили сходные углубления на недавних крестьянских надгробиях в Бретани, Германии, Швеции, Дании, Исландии и принялись расспрашивать об их назначении. Бретонцы наливали в эти неподвижные сосуды воду, «чтобы охладить душу умерших».

Есть предложение А. П. Окладникова (статья «Из истории древнего искусства Центральной Азии» в книге «История и культура Центральной Азии. М., 1983): «В религиях древнего Востока, особенно в древней и позднейшей индуистской религии, в семантике культовых изображений древнего Китая такие углубления повсюду связаны с культом плодородия матери-земли. Это символ ее рождающего чрева, материнской утробы, которая дает начало всей жизни».

На Среднем Урале в древние века не развивалось земледелие, но версию культа плодородия матери-земли нужно учитывать.

Интересную догадку предлагает Евгений Фридрихович Тамплон: «Чаша образовалась на том месте, где из года в год сооружалась плавильная печь. После очередной плавки горн разбирался, из его основания вынималась медная крица (слиток), а гранитные плиты очищались от шлака и песка. Затем процесс плавки повторялся. От высокой температуры гранит постепенно разрушался, и образовывалось углубление, по размеру соответствующее основанию горна». Эта догадка маловероятна, т. к. многие чаши очень малых размеров, а некоторые находятся на самом краю высоких останцев, что создавало бы неудобства при строительстве горнов.

Скалы-останцы в основном гранитные. Сейчас гранит в большом количестве используется для изготовления тротуарных плит и дорожных поребриков. И чтобы сохранить уникальные чаши для потомков, в первую очередь нужно их пересчитать, зарегистрировать, описать и поставить на учет.

Привожу перечень жертвенниц, на которых мне довелось побывать. На первых четырех чашах измерения не делал. Размеры приведены в сантиметрах (длина, ширина и глубина). Прямоуголь-

ных чаш нет, в основном они имеют овальную форму.

1. На Чертовом Городище.
- 2-4. Три жертвенницы на вершине горы Три Брата. Эта возвышенность – магическое место. Когда в округе идет дождь, то на самой горе чуть каплет.
5. На Шарташских Каменных Палатках: 98 x 95 x 16. Об этой чаше писал доктор геолого-минералогических наук Анатолий Алексеевич Малахов в журнале «Уральский следопыт» № 9 за 1979 год: «Археологи предположили, что здесь, в верховьях реки Исети, в страшной глухомани, находились культовые зоны чудских племен. Одним из доказательств этой версии они считают наличие тамги – культовой каменной чаши, куда во время церемонии сливалась кровь убитых животных».
- 6-10. Пять чаш на скалах Кирмак (Малые Черти): 80 x 57 x 12; 72 x 62 x 14; 45 x 45 x 10; 48 x 40 x 9 и 107 x 5.7 x 21.
- 11-12. Две жертвенницы близ Соколиного Камня: 85 x 54 x 16 и 84 x 58 x 24.
13. На железнодорожной станции Северка: 65 x 46 x 19.
14. На скале у Уваловского кордона на юго-запад от горы Мотаихи: 87 x 76 x 7.
15. Скала между Уваловским кордоном и Чертовым Городищем:

88 x 86 x 45. В этой жертвеннице нашли древний бронзовый браслет.

16. На южном берегу озера Песчаного: 170 x 167 x 26.
17. На одном из останцов Елового мыса: 82 x 74 x 15.
18. Чаша в одном километре от Елового мыса в южном направлении: 70 x 55 x 23.
- 19-23. Пять жертвенниц на гряде Кобылья Голова: 123 x 85 x 20; 80 x 69 x 36; 79 x 72 x 16; 47 x 47 x 18 и 32 x 30 x 10.
- 24-27. Четыре чаши на Кырманских скалах: 46 x 33 x 5, 33 x 30 x 9, 50 x 36 x 8 и 80 x 51 x 7.
- 28-29. Две чаши на безымянных останцах в одном километре на север от Кырманских скал: 38 x 22 x 7 и 32 x 25 x 5.
- 30-35. Шесть жертвенниц на 12-м километре старого Московско-Сибирского тракта (на левой стороне дороги) на стрелке с новой автострадой в западном направлении от Екатеринбурга: 72 x 69 x 16; 83 x 59 x 19; 87 x 83 x 21; 55 x 47 x 12; 123 x 72 x 19 и 90 x 76 x 22.
- 36-40. Пять чаш на 12-м километре старого Московско-Сибирского тракта на правой стороне дороги в западном направлении от Екатеринбурга: 53 x 52 x 10; 53 x 29 x 7; 76 x 70 x 47 (воронка); 40 x 36 x 27 и 40 x 35 x 6.

Материал публикуется при поддержке Министерства культуры и туризма Свердловской области

Петр КОНОВАЛОВ

Почему в Качканаре горы – Гусевы?

На этот вопрос я не нашел ответа в книге «Качканар», написанной краеведами города, и предлагаю свою версию происхождения топонима.

В начале XVIII века рудный Урал осваивали не только Демидовы, но и другие русские предприниматели. В их числе – Гавриил Полуектович Осокин. Происхождением – из крестьян балахнинских вотчин Троице-Сергиевой лавры. Начинал с хлеботорговли в Питере. В 1734 году уже владел Юговским заводом и владения свои расширял постоянно. О том свидетельствуют архивные документы.

5 сентября 1735 года действительный статский советник Василий Татищев отбыл из Екатеринбурга и, меняя в редких таежных поселениях лошадей,

диктуя сопровождающему его писарю заметки в путевой дневник, ехал «для осмотра новообретенных на Кушве и Туре реках рудных и под построение заводов мест».

7 сентября его встречали в Невьянском заводе. Пользуясь ситуацией (не так часто высокое начальство можно увидеть), подчиненные горного командира нарочными и оказией доставили Татищеву различные донесения. В их числе было и доношение надзирателя лесов Ивана Куроедова, который хотя и ждал Татищева на реке Кушве, но всё же передал через шихтмейстера Василия Поздеришина отчет о проведенной разведке в близлежащих к Кушве местах. Вот текст этого донесения, переведенный на

современный язык: «Согласно указу Её Императорского Величества, присланному мне из канцелярии, велено было осмотреть и подробно рапортовать о наличии и количестве железной руды, отысканной служителем юговского заводчика Гаврилы Осокина Лукой Гусевым в Верхотурском ведомстве в двух местах: первую, магнитную – вниз по реке Туре, на левой стороне, и от этой реки в двадцати верстах, затем вверх по Сухой речке на левой стороне, в пяти верстах от речки Выи; второе место – тоже вниз по реке Туре, на правой стороне от деревни Елкиной в двух верстах. 22 августа я закончил осмотр указанных мест. Первое, что близь реки Сухой, вверх по ней на левой стороне, а от речки Выи в пяти верстах, от деревни Елкиной находится на расстоянии в двадцати двух и четырех пятых версты. Руда здесь лежит на горе с камнем, по разным местам, магнитная, железная. Сверху не видно, что добрая она и много ли, а сколько ее в горе и какого она качества, того штейгер узнать не мог, поскольку она не ошурфована, и глубоко гора не копана. На втором названном месте, в двух верстах от деревни Елкиной, руда весьма не надежна».

А дальше, судя по записям в дневнике, было вот что. 8 сентября, вечером, В.Н. Татищев приехал (уже только верхом) на речку Кушву. 9 сентября утром поднялся на вершину горы, удивился ее богатству и дал ей название – Благодать. Смотрел с вершины на округу, о чем в дневнике записал: «Со средней горы видно Павлинской камень и за Верхотурье, как вогуляк сказывал, и видно горы со снегом, до которых верст около 100 счисляют».

Качканар и сейчас видно с оставшегося осколка Благодати, наверное, было видно и тогда, но названия «Качканар» не прозвучало, хотя стоял рядом с Татищевым местный «вогуляк» Степан Чумпин.

Внизу, у подножия горы, возле избы первостроитель, Татищева ждали люди Гаврилы Осокина: упомянутый уже Гусев и Набатов. По просьбе своего хозяина они, как записал в дневнике Татищев, «просили, чтоб им позволить осмотреть Лялинский завод, может мы оной купим, и потому дать им указ». И ни слова в этом месте дневника о поездке Куроедова на реку Сухую, о месторождении там магнитной железной руды. Возможно, потому, что Куроедовым то месторождение значительным признано не было, казна и не «застолбила» его так же, как кушвинское. Или Лука Гусев по умыслу своего хозяина не всё канцелярии объявил. Одно сомнения не вызывает: речь в доношении Куроедова идет о качканарской железной руде.

В книге «Качканар» на стр. 173 приводятся записи академика Палласа: «...Магнитная гора лежит над Иссою противу впадающего в оную с левой стороны ручья Лабаски, а между оною и Кесканаром течет в Иссе речка болотистая, Сухая называемая. На юго-востоке оныя открыты были давно уже признаки тучного железняка и копано место...» То есть речь идет о том же месторождении, что и в документе 1735 года.

А на стр. 17 упомянутой книги читаем, что Гусевы горы находятся на восточном склоне горы Качканар. Так может быть, они потому и Гусевыми названы, что Лука Гусев, рудознатец XVIII века отыскал здесь магнитную железную руду? И вряд ли о ней ему сообщили вогулы. Никто ведь не отнял права первооткрывателя благодатской руды у вогула Степана Чумпина. Вот и ёлкинские жители не отказались бы от вознаграждения за находку.

Далее в книге на стр. 15 читаем: «В печати о горе Качканар известно, что в ноябре 1742 года был сочинен чертеж «Кесканару». О наличии железных руд в горе Качканар было известно уже с 1753 года. В этом году, выполняя указ Берг-коллегии и горного управления Екатеринбургского «поисках удобных и способных мест для строительства новых заводов», управитель Кушвинских заводов Попов и шихтмейстер Москвин нашли три места, в том числе на реке Ис, где можно построить чугуноплавильный завод для переплавки руд из горы Качканар». («Горный журнал», 1873 г.)

Завод построили выше устья Иса, на Туре, и назвали его Нижнетуринским. И работал он на переделе металла из гороблагодатской руды. А о месте строительства завода на реке Ис хлопотал еще сам Гавриил Осокин. И это произошло вскоре после сочинения чертежа «Кесканару». Но раньше, чем в 1753 году, потому что первое документальное упоминание о Гусевогорском месторождении было в сентябре 1735 года, когда в канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов поступило «доношение» Ивана Куроедова.

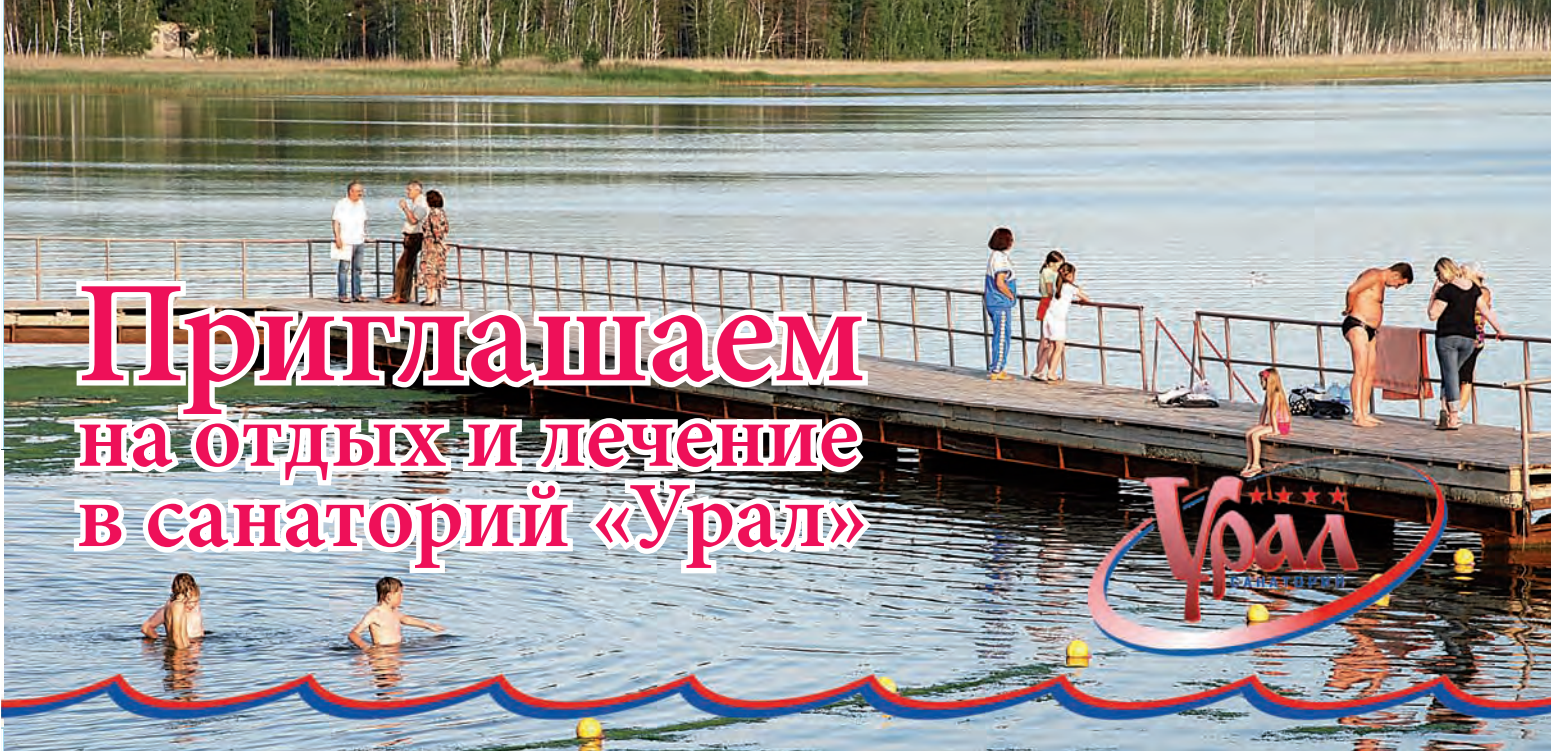
Не думаю, что эта версия – новость для качканарских краеведов. О ней я сообщал им ещё в 2003 году. Процитированные же мною документы хранятся в ГАСО, в фонде 24, опись 1, дело 518. Копии некоторых листов этого дела есть в Кушвинском городском музее. Подстрочный перевод со скорописи XVIII века осуществила Л.Ю. Щербинина, старший научный сотрудник музея.

Историко-краеведческий музей г. Качканар

Адрес: 624356, г. Качканар, ул. Толстого, 18

Телефон:

+7 (34341) 2-58-79

Приглашаем на отдых и лечение в санаторий «Урал»

**«Урал» находится в заповедном
озерном краю, в 98 км
от Челябинска.**

**В арсенале здравницы
целебные природные факторы:**

Питьевая минеральная вода (восстанавливает иммунитет, нормализует обмен веществ, кровяное давление, сахар в крови, удаляет шлаки, снимает стресс).

Сапропелевые грязи оз. Подборного — лечебный бальзам для всего организма; для позвоночника, суставов.

Озерная рапа исцеляет кожные болезни, успокаивает нервы.

Единый комплекс «Урала» включает: гостиницу — 4 звезды; лечебно-диагностический центр, блок питания включая кафе и ресторан для отдыхающих, спортивный и досуговый центры, магазины, прокат, бытовые помещения. Работает детский клуб с воспитателем (для детей 3-9 лет).

К услугам отдыхающих отделения: «Мать и дитя», гастроэнтерологическое, профпатологии, иммунологическое, эндокринологии, реабилитационное, терапевтическое, акушерско-гинекологическое.

На базе санатория успешно функционирует хирургическая клиника (операции на органах желудочно-кишечного тракта, гинекологические, проктологические, на венах нижних конечностей, пластические, применяются современные эндоскопические и хирургические методы лечения ожирения).

**Постоянно действует система скидок,
и на лето тоже!**

Приезжайте к нам в санаторий «Урал»

Адрес: 457015, Увельский район, с. Хомутино.
Телефоны: 8 (922) 700-66-09, 8 (922) 700-66-22,
8 (922) 700-66-23, 8 (922) 700-66-28.

Подробности на сайте: www.uralsan.ru
E-mail: kozionova@list.ru
koz7373@list.ru

www.vvv.ru

ЭКСТРЕМАЛЬНО - ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

"НЕ ИСКУШАЙ ГОСПОДА БОГА ТВОЕГО"
(ЕВАНГЕЛИЕ ОТ МАТФЕЯ, IV, СТ.7)

© Клуб "VVV.RU"

ИЮНЬ
2010 (№636)

МАРШРУТ U-2

ИДОЛ БУДЕТ ПОМОГАТЬ

СПОРТ - ЭТО ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

БЕЗЫМЯННАЯ КОПЬ

НАШ ФЕСТИВАЛЬ

Фото:

Вадим ОСИПОВ,
Дмитрий ХЛОПУНОВ,
Максим ФИРСОВ,
Валентин СИНЕЛЬНИКОВ

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОВОМ

четырнадцатый фестиваль экстремальных видов спорта

МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ 2010

